

ДРАМА ТЕАТР

№1 - 2021

издание Гильдии драматургов
России

В НОМЕРЕ:

Анна Кузнецова.
"Чем удивлять будем?"
стр. 5

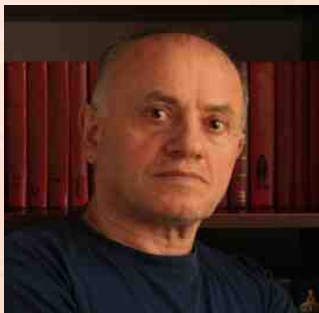
Юрий Ломовцев.
"Проще, чем бублик съесть!"
стр. 11

Нина Мазур. "Ремарка после
конкурса "Золотой мост",
стр. 15

Михаил Соколовский.
"Битва обнаженных",
пьеса в 2-х действиях,
стр. 18

Гасан Салихов.
**"Подводя итоги конкурса
комедий "Смех сквозь слезы"
стр. 88**

Андрей Бикетов.
**"Тяпкинский большой
драматический театр",
комедия в 2-х действиях,
стр. 90**

Татьяна Ермолицкая.
**"Из Чехова нам что-нибудь..."
стр. 136**

Владимир Рыжков.
**"Бенефис", комедия в 2-х
действиях
стр. 140**

Елена Иоос.
**"Драматургия в цифрах"
стр. 204**

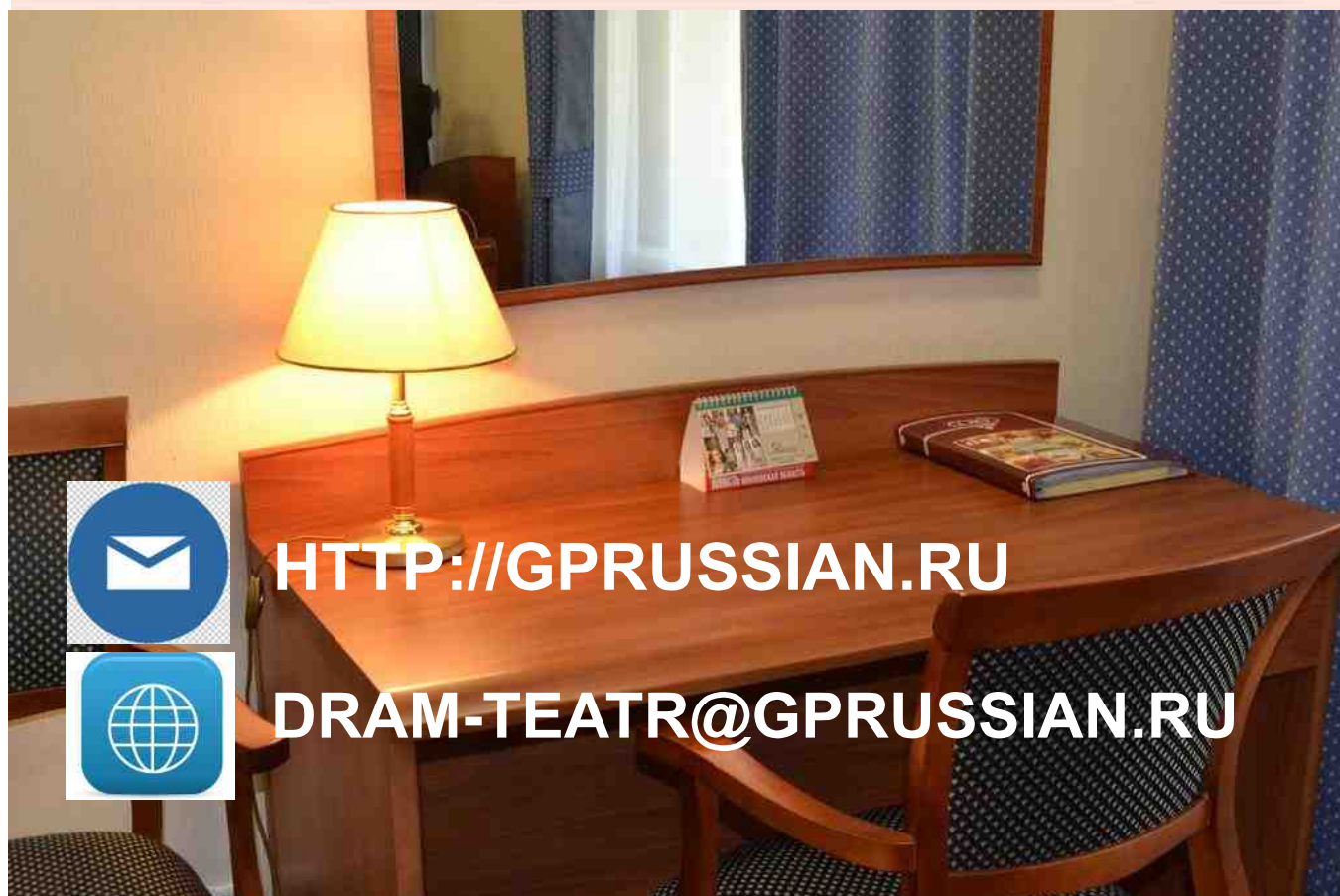
**Татьяна Медведева.
Евгений Князев:
"Загадочные вариации театра"
стр. 209**

**Ника Косенкова.
"Красная чуня",
Рождественский рассказ,
стр. 216**

**Наталья Шор, первый
секретарь
Гильдии драматургов России.
"Три года и... сегодняшний
день", стр. 226**

[HTTP://GPRUSSIAN.RU](http://GPRUSSIAN.RU)

DRAM-TEATR@GPRUSSIAN.RU

**Анна Кузнецова,
театральный критик, писатель,
журналист**

ЧЕМ УДИВЛЯТЬ БУДЕМ?

«Любите ли вы театр, как люблю его я? Придите и умрите в нем...» Так и слышится дивный с придыханием голос, видится ослепительный красоты лицо из знаменитого фильма... Кто из советских людей, «совков», пришедших нам на смену, не знал этих слов и не ассоциировал их с удивительной «Старшей сестрой» – Татьяной Дорониной, доставшейся нам еще с прекрасным театром, вопреки всему жившим вместе с нами, людьми XX века?

Давно нет драматурга Александра Володина, кинорежиссера Натансона, подарившие нам счастье встречи с той... Дорониной. Но она еще жива и здорова, а нас всех почему-то лишили даже встречи с ней на сцене родного для нее МХАТа и в роли актрисы на роль жены Достоевского и Вассы Железновой... И многого другого, что она еще могла подарить... Вот он

последний пример, как не умеем мы дорожить собственным счастьем... Как бесхозьяйственно и бездумно мы распоряжаемся... своей любовью А что вместо того?..

Не хочется о грустном! Но ведь на самом деле первое, о чем приходится говорить в новом, открывающемся театральном интернет – журнале - это о наших общих потерях.

Да, жизнь без уходов и новых приходов не бывает. Но театры напрочь оказались не готовы к потерям и переменам. Соломку не подстелили... Смену поколений не обеспечили. Замену великим не обеспечили. Разве нашлась замена Товстоногову, Любимову, Ефремову, Волчек, Захарову, живой Дорониной?! Вопросы риторические, вроде бы ответа не требующие. Но в размышлениях и в поисках ответов нуждаешься: как так случилось, что мы оказались в отсутствии внятной разумной, культурной и театральной политики.

В отсутствии кадровой смены, если говорить казенным деловым языком. В том числе и для этого, необходим новый театральный журнал, трибуна для всех заинтересованных и понимающих театр людей, чтобы вместе искать коллективным разумом нелегкие ответы на не менее трудные вопросы. Как быть-то? Как справиться с театральной пандемией тоже, увы, наступившей.

Среди всех театральных профессий актеров, менеджеров - администраторов оказалось прорва! А вот режиссерскую профессию убили невостребованностью. Дипломов выдается куча. Тут

недостатка нет. А, по сути, низвели ее до уровня разовиков-ремесленников, сменяя в театрах друг друга, со скоростью звука, ни за что не отвечающие. И спектакли они делают по-быстрому, по известным лекалам, исключительно для заработков и исчезают. За все отвечает директор, для пущей важности называемый теперь часто еще и генеральным. Но директор должен отвечать только за кассу, за доходы - расходы, за хозяйство. Другого он не должен делать. Не эта ли лишняя власть часто приводит в нынешних условиях к растратам, нецелевым использованиям денег, излишним конфликтам - еще порция риторических вопросов. Я- то уверена, театральное руководство должно быть единым: творческое и административное, с приоритетом, конечно же, не директора, а художественного лидера - как в «Сатириконе» у Константина Райкина- Владимира Казаченко; в театре Вахтангова у Римаса Туманиса – Кирилла Крока. Сейчас в массе своей директора избавились от творческих конкурентов. Обходятся без них и сами не осознавая, лишают театры будущего.

Новый журнал должен помочь нам всем на одной площадке встречаться, советоваться и искать решения. Что в театре нашем сейчас неблагополучно, при всей разнице мнений общий вывод почти единодушен: многие зрители перестали ходить в театр, некоторые оттого, что не понимают современных спектаклей. Часть по самой элементарной причине - дорого! В последнее время часто стала слышать распространяющееся мнение, что театр-де - искусство

элитное, не для всех, для избранных. Выходит, для богатых, что ли? Этот зритель и будет диктовать театру свои вкусы и требования. Начало этому процессу уже положено. Все мы стали терять великое завоевание русской культуры - наш театр. Опаснейший процесс!

Еще одну профессию хороним в последнее время - завлитов, они массово превратились в помощников тех же директоров по связям с общественностью, по рекламе, да так, чтобы театр только хвалили. Рецензии надо учиться писать. Театроведам надо уметь рассуждать, доказывать, а не ставить оценки. Понимать спектакль, знать его технологию, грамоту. Надо слышать друг друга, учиться слышать современное время, но при этом не уступать моде, дурному вкусу, штампам... И судить спектакль по верности драматургу, а не измене.

Сейчас и поспорить на театральные темы стало негде! Перестали выходить театральные журналы. Или они имеют крошечные тиражи. Газеты почти не пишут о театре. Бывают, но, как правило, печатают откровенные пиаровские материалы, в лучшем случае интервью... с модными экранными звездами. Писать о театре всегда умели немногие. Это трудно. Этому специально надо учиться.

Новый журнал нужен, необходим, как трибуна дел, высказываний, споров, как место тревог и беспокойств, конструктивных предложений и помощи друг другу.

Да, времена переменились. Резко переменились. Из самой читающей страны, из страны дающей театральные уроки всему миру, мы теперь

превратились в плохо успевающих учеников. Наши новые театральные «мастера» бросились подбирать обьедки с американских и европейских столов шоу-бизнеса, будто бы авангарда... с обнажонкой, половым актом на сцене, гендерными играми. Стало чуть ли не обязательно женщинам почему-то играть мужчин и наоборот. Без гомосексуальной темы не обходится ни одного модного спектакля.

Безнадежно, порой до неузнаваемости меняются авторские тексты.

Мода! Мода! Мода! В том театре, в любви к которому признавалась еще советская Доронина, кстати, цитируя слова Белинского - помнит ли кто-нибудь его имя? Было принято бережно относиться к классике, внимательно вчитываться в авторские тексты, искать, прежде всего, смыслы, нравственные духовные уроки, разгадывать, постигать особенности стилистики драматургов, не перечить, а становиться соавтором. Теперь все чаще слышу: «Я-де ставлю лишь самого себя, классиков только по мотивам...»

Самовыражаются, прежде всего те, кто считает себя современным режиссером. Наверное, зрителям, которые ничего, кроме SMS не читают, это подходит. Зрелище работу ума, души не предполагает... И защита авторских прав - это, по-моему, не только охрана денежных доходов авторов и их наследников, но и охранение текстов, смыслов подлинников.

Из расхожих театральных цитат Станиславского все знают про то, что «театр начинается с вешалки». Наверное, и с нее тоже, если других цитат не знать. А

если серьезно, то, конечно же, с пьесы! Основатели русского психологического театра Станиславский с Немировичем-Данченко, как никто другие, знали, что краеугольным камнем, лежащим в основании их великого театра, было не здание в Камергерском переулке Москвы, построенное для них Саввой Морозовым, а прежде всего пьесы Чехова и Горького. Это они, помогая создавать своим современникам великим писателям, которые, в свою очередь, учились у режиссеров, как стать драматургами. Нынешним бы драматургам - такое же внимание, которое те получали от мхатовских создателей, режиссеров! Не стесняюсь писать об общеизвестном - только в театре, с театром, благодаря огромной профессиональной помощи, могли родиться «Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры». «Мещане», «На дне».

Пьес для чтения не бывает - это только литература. Драматург рождается исключительно в театре.

Хоть, я уже и «наворчалась» здесь предостаточно, еще добавлю - пьесы-то в театрах перестали читать, некому, неинтересно... А новый журнал в первом номере предлагает театрам сразу три пьесы. И впредь собирается печатать новые интересные произведения для театра и зрителей. Очень много у всех нас работы. И судья нам - сама профессия. Перед ней мы должны быть честны.

**Юрий Ломовцев, драматург,
председатель Гильдии драматургов
России**

ПРОЩЕ, ЧЕМ БУБЛИК СЪЕСТЬ!

Мы живем в эпоху конкурсов. Их ежегодно проводятся сотни. Если убрать всех желающих петь, плясать и показывать фокусы, то остается не так уж и мало людей, которые пишут пьесы. Именно эти люди нас интересуют. Зачем они пьесы пишут? В чем, так сказать, сверхзадача? Ох, нелегко ответить на эти вопросы! На сцену пьесы не попадают, хоть, это и есть их основное предназначение. Пьесы не публикуют, если не считать сборников тиражом экземпляров в 300, которые изредка появляются в результате тех же самых конкурсов. Бытует мнение, что в современную театральную драматургию приходят из кино, мол, там сценаристы никому не нужны, им не хотят платить и всячески над ними измываются. Что ж, возможно, в этом есть доля правды. Но, судя по текстам, часть пишущих пьесы, если и бывали в театре, то пьес в руках точно не держали.

Неплохо объясняет ситуацию с конкурсами Третий закон Ньютона: «взаимодействия двух тел друг на друга равны между собою и направлены в противоположные стороны». Тела – это театры и драматурги. Чем больше театры противодействуют драматургам, закрывая им путь на сцену, тем с большим остервенением драматурги пытаются на сцену пролезть. Хотелось бы верить, что наступит когда-нибудь блаженное время и «постдраматические» режиссеры вылетят из театров, как пробки из бутылок, и театр начнет свое возрождение. А пока что драматурги довольствуются конкурсами.

Скачаем из интернета «Все конкурсы пьес одной таблицей» и пересчитаем их – 24 штуки. Есть еще, насколько я знаю, с десятков конкурсов, которые не вошли в эту таблицу. Ну хорошо, пусть будет всего 24 штуки, тоже не мало. А сколько же драматургов принимает участие в этих конкурсах? По моим данным от 5 до 350 человек в каждом. Большинство «драматургов» принимает участие во всех конкурсах сразу. Одна моя знакомая очень гордится, что за два года попала в 12 лонг-листов и в 5 шорт-листов. И гордость ее не безосновательна, ведь попадание в лонг и шорт листы и есть на сегодняшний день, хоть, и сомнительный, но для многих единственный критерий признания драматурга.

Следующим закономерно встает вопрос, кто определяет попадание в пресловутые лонг и шорт листы, или, как говорил незабвенный Чацкий: «А судьи кто?» Частенько встречаю в списках членов жюри

фамилию одного известного московского режиссера. Однажды на каком-то мероприятии я решил узнать его мнение о нашумевшей пьесе одного известного драматурга. Ответ меня огорошил: «Я не читаю пьес никогда, разве что при каких-либо чрезвычайных обстоятельствах!» По крайней мере, честный ответ...

И еще пример. Одна дама, которая часто мелькает в составе жюри разных конкурсов, однажды написала на своей странице в соцсетях: «Девочки, кто хочет читать пьесы? Денег не платят, но будет весело. Пивка попьем». Так вот как формируется жюри некоторых конкурсов!

Неопытные драматурги, желая узнать конъюнктуру драматургического рынка, бросаются читать пьесы победителей конкурсов. И тут оказывается, что в некоторых конкурсах с завидным постоянством побеждают одни и те же авторы с пьесами, содержащими сквернословие, суицидальные настроения, надуманные детские комплексы, бытовую грязь, распущенность и безнадегу. Выходит, так и надо писать, чтобы соответствовать модному тренду? Заблуждение. Такие авторы и такие конкурсы постепенно выходят из моды, как и их устроители, которым все труднее доказать, что они не являются «агентами влияния».

Так что же нужно для того, чтобы провести драматургический конкурс? Формально – ничего. Да, да, ничего не нужно! Бери и проводи! Проще, чем бублик съесть! Но это не наша позиция. Мы уверены, любой конкурс, а тем более творческий, – явление

сложное, ответственное, требующее участия настоящих профессионалов.

В этом номере журнала в разделе драматургии представлены пьесы, ставшие победителями драматургических конкурсов, которые проводила в прошедшем году Гильдия драматургов России. Мы постарались сделать механизм проведения наших конкурсов прозрачным, понятным и честным. В этом вы можете убедиться сами, если посетите раздел «Конкурсы! Фестивали! Премии!» на официальном сайте Гильдии драматургов России (<http://gprussian.ru/>).

Очень надеемся, что пьесы-победители понравятся вам и найдут свой путь на профессиональную сцену.

Нина Мазур, театровед, театральный критик, драматург, член Германского Центра ITI и Международной Ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО).

«Ремарка после конкурса «Золотой мост»

Недавно завершившийся драматургический конкурс «Золотой Мост» дал мне, как члену жюри, возможность ознакомиться с определенным срезом сегодняшней российской драматургии. Пьес, представленных на конкурс, было много; среди них были, естественно, и интересные (в достаточном количестве, - их них и выбраны победители), и посредственные, и откровенно слабые, - как обычно и бывает. Но примечательно другое: круг тем, волнующих авторов и побуждающих их «взяться за перо», и воплощение этих тем.

Большинство присланных на конкурс пьес имеют социально-обличительное содержание; местом действия часто избираются больницы, хосписы, дома престарелых, психиатрические

клиники. Соответственно, и персонажи находятся на краю гибели, - в силу возраста, болезни, нищеты, социальной неустроенности. Бытописание реалистического толка само по себе, конечно, никто не отменял, но оно требует высокого литературного мастерства; простое копирование речи «людей из народа» тут не поможет. Важно не только «как», но и «зачем». Обличительный пафос не является темой пьесы, и праведный гнев против сильных мира сего – всего лишь побудительный мотив автора, но не сюжет художественного произведения. Длинные монологи, в которых теряется смысл, бесконечные повторы и немотивированные повороты сюжета выдают незнание такими авторами законов сцены, да и человеческой психологии. В сущности, все персонажи таких пьес – сам автор в разных обличьях. Разных, но не разнообразных... Этакое «королевство кривых зеркал», где отражается лицо автора, знающего, о чем он хотел бы написать, но не ведающего, что именно и как.

Среди конкурсных пьес есть и «романтические», заставляющие вспомнить пушкинское: «Так он писал, - темно и вяло, что романтизмом мы зовем, хоть романтизма тут нисколько не вижу я...». Есть и «фантастические», - одни с уклоном в отечественный фольклор, но проигрывающие ему по всем статьям, другие – космически-потусторонние; как правило, они адресованы либо детям, либо семейной аудитории, но для сегодняшних детей они вряд ли интересны,

поскольку грешат дидактизмом и своеобразной «взрослой наивностью». Но и в «романтике», и в «фантастике» доминируют все те же социально-обличительные ноты.

Что ж, «глаголом жечь сердца людей» - высокая миссия. В искусстве (и не только в нем) для этого нужны два первоочередных качества: ум и талант...

СПОНСОРЫ ЖУРНАЛА

ТРАНЗИТ
ТРАНСПОРТНАЯ КОМПАНИЯ

**RUS
NEWS
DAY**

**РЕАЛЬНАЯ
РОССИЯ**

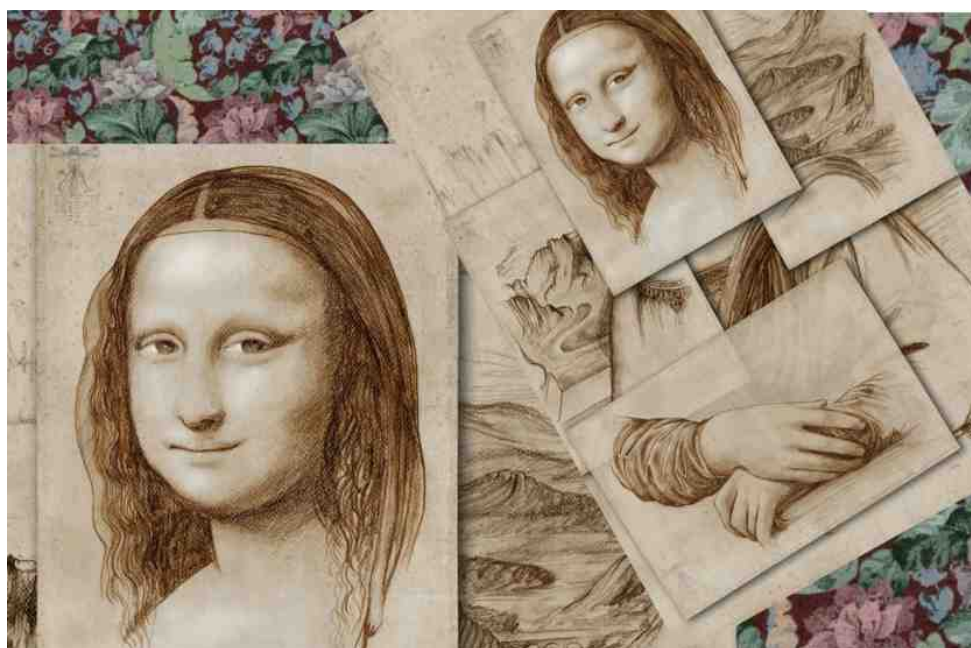
**Михаил Соколовский,
сценарист, драматург**

О себе

По образованию математик, по профессии сценарист. К писательству и театру тянуло всегда, но в юности казалось, что это несерьёзное занятие. Да и наука тоже нравилась. Пошёл в Московский педагогический государственный университет, закончил магистратуру с красным дипломом. Поработав несколько лет в школе, понял, что ошибся в выборе профессии. Попал в телесериальный бизнес и остался там, лелея мечту о театральной драматургии. Как сценарист принимал участие в популярных телесериалах самых разных жанров, от длинной мелодрамы, вроде «Не родись красивой», до жёсткой криминальной драмы для канала НТВ «Под напряжением» и социальной сатиры «Этюды о свободе» для телеканала «Дождь». Совместно с режиссёром Александрой Соколовской написал

сценарий короткометражного фильма «Закон исключённого третьего». Фильм завоевал множество наград на фестивалях по всему миру, включая «Золотого единорога» за лучший короткометражный фильм на «Неделе русского кино» в Лондоне. Первая пьеса «Завещание обжоры» была поставлена в Саратовском Театре русской комедии. Три года пьеса шла с неизменными аншлагами. В настоящее время работаю редактором в кинокомпании «Среда».

Пьеса «Битва обнажённых» — это объяснение в любви к Италии, эпохе Высокого итальянского Возрождения, её серьёзному и внимательному отношению к классическому искусству в сочетании с солнечным весельем, вином и страстью.

Михаил Соколовский

БИТВА ОБНАЖЕННЫХ

ДЕЙСТВИЕ 1. Салаино.

Действующие лица:

Салаино, ученик Леонардо да Винчи, 39 лет.

Франциск I, король Франции, 25 лет.

Мисс Анна Болейн, английская придворная дама, 19 лет.

Франческо Мельци, ученик Леонардо да Винчи, 27 лет.

Матурина, служанка в доме Леонардо да Винчи, около 60 лет.

Фра Бартоломео, священник-францисканец, около 60 лет.

Вильгельм Боро, королевский нотариус, около 40 лет.

Музыканты, шуты.

**Место действия — мастерская Леонардо да Винчи
во Франции, в Клу, недалеко от королевского
родового замка Амбуаз.**

Время действия — 2 мая 1519 года

1

Леонардо да Винчи, такой, к какому мы все привыкли по портретам и памятникам, в длиннополом камзоле, берете, с длинными седыми волосами, длинной окладистой бородой, закрывающей пол-лица, с кустистыми бровями сидит и левой рукой пишет портрет молодой слегка улыбающейся дамы в богатых одеждах. Дама сложила на коленях руки, кажется, что она находится в полном умиротворении. В комнате играют музыканты. Обстановка весьма аскетическая, это маленькая мастерская Леонардо, здесь всё очень скромно. На стене висит шпага. Из большого окна слева льётся красноватый свет заходящего солнца. Наконец дама не выдерживает, и делает музыкантам нетерпеливый жест «прекратить».

Леонардо. Дорогая монна, не шевелитесь, иначе у меня не получится улыбка.

Анна (капризно). Ну, сколько ещё? У меня уже затекло всё тело!

Леонардо. Попросить музыкантов сыграть что-нибудь повеселее? Позвать шутов? Пусть танцуют мориску?

Анна. Нет, мориску я люблю танцевать сама... И вообще, мне скучно!

Леонардо. Хотите закончить на сегодня? Я могу

некоторое время писать по памяти.

Анна. А я что буду делать? Франсуа велел мне ждать здесь, а у вас тут только и можно, что позировать... Правда, все знают, что вы работаете медленно, а Франсуа говорил, что вы при смерти... (*прикусывает язычок*). Хотя, по вам этого не скажешь... Извините, мастер

Леонардо...

Леонардо. Я действительно плохо себя чувствую последние годы. У меня совсем высохла правая рука, поэтому писать приходится левой. Я всё хуже вижу, и всё с большим трудом хожу. Только доброта нашего славного короля Франциска позволяет мне доживать свой век у него в гостях. Надо сказать, что любой правитель моей бедной Италии давно выкинул бы меня ко всем чертям, и я бы на старости лет стал виноделом... И то, только если бы мои ученики по доброте своей согласились мне помогать...

Анна. Ха-ха! Почему виноделом?

Леонардо. Потому что виноградник за стенами Милана — это единственное недвижимое имущество, которым я владею. Умоляю вас, мисс Анна, скажите ещё раз «ха-ха!»

Анна. Нет! Хватит!

Леонардо. Милая донна, солнце садится, свет уходит, а я при смерти! И король ещё не пришёл. Музыканты! Играйте!

Анна. Нет! Не надо. Давайте лучше поговорим.

Леонардо. Давайте. О чём?

Анна. О вас. Правда ли, что вы... член тайного

общества? Тамплиер или иллюминат?

Леонардо (*увлечённо пишет*). Я никогда не слышал о таких.

Анна. Не хотите признаться? Ну, значит, точно.

Леонардо. Хорошо, признаю. Я — наследник тайных знаний тамплиеров.

Анна. А разве вы имеете право вот так признаваться?

Леонардо. Ну, значит, я соврал.

Анна (*смеётся*). Вы меня разыгрываете!

Леонардо. Стараюсь, чтобы вам не было скучно.

Анна (*поджимает губки*). То есть правды вы не скажете.

Леонардо. Нет, мисс Анна! Умоляю, улыбайтесь! Задайте мне ещё какой-нибудь вопрос!

Анна. Алхимия. Вы занимались ею?

Леонардо. Да.

Анна. Достигли каких-нибудь успехов?

Леонардо. Да.

Анна. Научились превращать свинец в золото?

Леонардо. Доказал, что это невозможно.

Анна. По-вашему, это успех?

Леонардо. Именно поэтому я никому об этом не рассказал. Записал в своих блокнотах, но шифром. Разгадают и прочтут когда-нибудь потом, когда люди будут готовы.

Анна. А до тех пор люди будут биться над задачей, которая не имеет решения? Вы жестоки, мастер Леонардо.

Леонардо. Я осторожен. Главное — есть результат. И он записан. А люди... пока будут биться, — откроют

массу полезных вещей. Неисповедимы пути... науки... Пока я работал над загадкой превращения простых металлов в благородные, — я познал множество связей и чудесных взаимодействий между веществами. Это не помогло превратить одни элементы в другие, но заставляло по-новому проявлять себя.

Анна. Я ничего не поняла.

Леонардо. Самое обидное, что вы перестали улыбаться. И свет ушёл: солнце село. А вы знаете, мисс Анна, что солнце не движется?

Анна. Как это?

Леонардо (*снова увлечённо пишет*). Вот так. Это наша планета движется вокруг него. Только никому не рассказывайте.

Анна. Почему?

Леонардо. Это может не понравиться священникам. Настолько не понравиться, что они обвинят вас в ереси, а там — одному богу известно, что они с вами сделают.

Анна. Вы не любите священников, мастер Леонардо?

Леонардо. Я не люблю людей, запирающих свой разум засовом привычки, традиций или авторитетов. Сумерки, сразу после захода солнца, — прекрасное освещение... Лучшее, что может подарить художнику природа.

Анна. Я хочу пройтись. Можно?

Леонардо. Бесценная монна, этих сумерек не будет уже через пять минут! Задавайте ещё вопросы!

Анна. Пожалуйста. Почему вы никогда не были женаты?

Леонардо. Вы не скромны.

Анна. Значит, это правда, что про вас говорят...

Леонардо (*мягко, но настойчиво перебивает*).

Скажите, мисс Анна, правда ли, что про вас говорят, что вы будто бы ехали во Францию, чтобы выйти замуж за короля, но, пока ехали, старый король умер, а новый оказался давно женат, что вас крайне опечалило?

Анна (*с досадой*). Путь из Лондона в Париж занимает месяц! А король может и развестись.

Леонардо. Не позволит Папа.

Анна. Интересно, есть ли в мире король, который бы решил, что он сильнее Папы?

Леонардо. Ради вас? Безусловно! Вот теперь мне нравится ваша улыбка, мисс Анна.

Анна. А что там с солнцем?

Леонардо. Оно не движется.

Анна. Нет. Оно село.

Анна встаёт, потягивается, разминает тело. Музыканты, глядя на это, начинают играть. Постепенно потягивания Анны переходят в красивый танец.

Леонардо (*зовёт*). Франческо! Огня!

Анна продолжает танцевать. Франческо и старая служанка Матурина приносят свечи, факелы, масляные лампы. Франческо бледен и молчалив. Кажется, что спокойствие даётся ему с трудом. Анна продолжает танцевать.

Матурина (*ворчит*). Чёрт знает что творится в доме... Хозяин болен, а она...

Леонардо. Не страшно.

Матурина. Я тебе покажу «не страшно!» Я почти

слепая, но я же не дура! Всё расскажу!

Франческо (*вдруг, визгливо*). Пошла вон!

Матурина. О! И этот туда же! Но вам хоть можно, синьор, вы хоть благородного рода, а этот... безродный... прыщ! Вор!

Анна вдруг останавливается, она удивлена дерзостью Матурины по отношению к хозяину.

Франческо. Пошла! Пошла!

Выталкивает Матурну. Анна вопросительно поворачивается к Леонардо.

Леонардо. Это правда. Мой ученик Франческо гораздо более знатен, чем я, бедный бастард, воспитанный матерью-крестьянкой и её мужем-кузнецом.

Анна. И какой-то там служанке это важно?

Леонардо. Матурина — добрая душа, но она не любит, когда нарушается порядок.

Анна (*продолжает танцевать*). А нам скучно, если он соблюдается...

Леонардо встаёт, подходит к ней, танцует вместе с ней. Анна удивлена и польщена.

Анна (*в танце*). Прикажите ей не ругать вас. Она ваша служанка, как же вы позволяете?

Леонардо (*так же*). Мне нравится, как она работает, её ворчание мне не мешает.

Танец заканчивается, раздаются громкие, но медлительные аплодисменты. Леонардо и Анна оборачиваются. В дверях стоит король Франциск: высокий и плечистый 25-летний юноша с аккуратно постриженной бородой и усами, с флегматичным взглядом и плавными движениями.

На его поясе шпага в изукрашенных ножнах.

Король. Так всё-таки!..

Леонардо *(с поклоном)*. Ваше величество.

Король. Мне сказали, что вы при смерти, мастер Леонардо, а вы, оказывается, танцуете, да ещё с девушками.

Леонардо. Неисповедимы пути господни, сир. Сегодня я танцую, а завтра, глядишь, предстану пред светлы очи господа нашего...

Король. Мне говорили, что вы не слишком набожны...

Леонардо. Не стоит слушать то, что говорят, сир.

Король. Вот я и пришёл убедиться во всём своими глазами.

Анна. Вы один, Франсуа?

Король. Мне все надоели. Таскаются за мной целый день... Решил побыть в тишине у нашего славного инженера и живописца. Я рад, что вы в добром здравии, мастер Леонардо.

Леонардо. Благодарю вас, ваше величество.

Король. А как продвигается портрет нашей гостыи, мисс Анны?

Леонардо неожиданно проворно бросается наперерез Франциску, успевает закрыть портрет тканью.

Леонардо. Нет! Я никому не показываю незаконченные вещи.

Король. Это неправда, Леонардо. Если бы это было так, мир никогда не увидел бы ни одной вашей работы. Вы демонстрировали модель «Коня» герцогу Лодовико Сфорца, тайную вечерю писали на глазах у всей братии

Санта-Марии-делле-Грацие...

Леонардо. И раскаиваюсь в этом...

Король. В зале пятисот во Флоренции вы писали «Битву при Ангиари», не отгораживаясь ширмами, как это делал мастер Микеланджело, писавший на стене напротив «Битву обнажённых».

Леонардо. Вы много обо мне знаете, ваше величество.

Король. О вас много говорят. Разве это плохо?

Леонардо *(с галантным поклоном)*. Хорошо, когда благодаря разговорам король приглашает художника доживать свой век в королевском замке. И я не устану благословлять за это вашу милость.

Анна *(капризно)*. Он и мне не даёт посмотреть, Франсуа!

Король. В конце концов, показали же вы мне портрет моны Лизы дель Джокондо и даже продали мне его, хотя он, как вы говорите, не окончен.

Леонардо. Именно поэтому я вам его и не отдаю.

Король. Но я обязательно заберу его, как только вы... едва лишь...

Леонардо. Договаривайте, ваше Величество. Как только я умру.

Пауза. Из внутренних покоев выходит Франческо вместе со священником-францисканцем. Франческо и фра Бартоломео останавливаются у дверей, они не обращают внимания на короля, Анну и Леонардо, замерших от неловкости. У фра Бартоломео в руке чётки с крестом, молитвенник.

Бартоломео. Поверьте, сын мой! На душе вашего учителя нет тяжких грехов. Гордыня? Может быть, но и

её он преодолел, решив причаститься святых даров перед смертью.

Франческо (*едва не плачет*). Мне кажется, он сделал это для меня, чтобы я перестал докучать ему...

Бартоломео. Значит, любовь в его сердце всё же есть, она не чужда ему!

Франческо. Он просто уступил моим мольбам. Я боюсь за его бессмертную душу больше, чем он сам. Он творил страшные вещи, падре... И, если он не сказал о них на исповеди, значит, он не считает их страшными, что ещё ужаснее!

Бартоломео. Ну, например, сын мой?

Франческо. Зороастро... Он остался калекой на всю жизнь по вине учителя...

Бартоломео. В этом он раскаивается.

Франческо. Он вскрывал трупы!

Бартоломео. Это новый мир, Франческо. А мастер Леонардо — учёный, художник... Он же не убивал никого...

Франческо. Впрямую нет, но косвенно...

Бартоломео. Я знаю, о чём ты говоришь, Франческо.

Франческо (*с надеждой*). Он сказал вам? Он раскаивается?

Бартоломео. Нет, об этом я слышал только от тебя, на исповеди... И не волнуйся, тайну я сохраню.

Франческо. Но мастер...

Бартоломео. Виновен ли кузнец, искусно выковавший гвозди, вбитые в руки и ноги Спасителя? Или... нож, который Брут всадил в спину Цезаря?

Франческо. Но он не верит, фра Бартоломео!

Бартоломео. Он заказал и оплатил три большие панихиды и тридцать малых. Если это не вера, то что же?

Франческо. Это страх быть погребённым заживо! Мастер Леонардо много изучал анатомию, и знает, что так бывает. Лекарь говорит, что человек скончался, а потом его гроб находят перевёрнутым. Одному богу известно, что чувствует человек, когда приходит в себя в гробу, под землёй. А за время панихид мы все удостоверимся, что мастер умер... Носом учуем... Понимаете?

Бартоломео (*кладёт руку на плечо Франческо*). Даже если и так, какая разница, Франческо? Мастер причастился, исповедался и велел за него молиться. Господь услышит наши молитвы...

Бартоломео вдруг замечает короля.

Бартоломео. Ваше величество. (*замечает Анну*). Мадемуазель... (*Видит Леонардо*). Мастер...

Священник вдруг осекается. Пристально смотрит на Леонардо. Потом в ужасе роняет чётки, крестится... Потом хмурится, гневно смотрит на Франческо.

Франческо (*предостерегающе*). Я сейчас вам всё объясню!

Священник в гневе уходит в ту дверь, из которой пришёл с Франческо. Франческо, переглянувшись с Леонардо, бежит за фра Бартоломео.

Анна. Франсуа, я не понимаю...

Быстрым гневным шагом фра Бартоломео возвращается, подходит к Леонардо вплотную,

смотрит в глаза.

Бартоломео (*крестя Леонардо, тихо*). Изыди!

Леонардо вдруг поднимает руку (он что, тоже собирается крестить священника?) и под всеобщий удивлённый вздох щёлкает фра Бартоломео по носу. Францисканец отшатывается. Потом смотрит на короля с укоризной.

Бартоломео. И вы, ваше величество!

Король. Я — что?

Бартоломео (*машет рукой*). Балаган, балаган, вечный балаган!

Бартоломео уходит. Леонардо стоит, усмехается. Франческо следит за королём, впрочем, как и Анна. А король Франциск, похоже, понял. Он поворачивается к музыкантам.

Король. Все вон.

Музыканты кланяются, уходят. За это время король обходит Леонардо, подходит к портрету, который писал Леонардо.

Леонардо. Ваше величество, нет!

Король (*спокойно, даже вяло*). Стоять и молчать. Я приказываю.

Франциск поднимает покрывало на портрете. Потом смотрит на Леонардо. Леонардо под его взглядом тушуетя. Входит Матурина, метёт пол.

Матурина. Даже не угостили священника... Тот пришёл, работал, а они его даже к столу не позвали... Я ему: «Откушайте, падре, чем бог послал!», а он только

зыркнул так и выбежал, как от чёрта... Еле догнала, едва упростила, насилу удержала...

За Матуриной вбегают Франческо.

Франческо. Матурина, здесь король!

Матурина (*оглядывается, но не видит слепыми глазами*). А? Что? Где? С нами крестная сила! Ваше величество... Простите... Ох ты, господи!

Матурина подхватывает метлу и исчезает. Франческо остаётся. Всё это время молча стоящий и глядящий на Леонардо король, отмирает и подходит к нему с портретом в руках. Портрет он суёт в руки Анне.

Анна. Мне нравится.

Король. Да, только его и сравнить нельзя с портретом моны Лизы дель Джокондо! Где загадочная улыбка? Где мягкость линий? Где сфумато?

Леонардо. Что поделаешь? Возраст!

Анна. К тому же он при смерти...

Король. Кто?

Анна. Мастер Леонардо.

Король. Мастер Леонардо-то при смерти. Только это не мастер Леонардо!

Король снимает с Леонардо берет, парик, сдирает с его лица бороду и перед нами предстаёт 39-летний очень хорошо сложенный кудрявый красавец с лукавым взглядом. Это — Салаино. Анна испуганно зажимает рот рукой, но и улыбается: ей интересно.

Король (*флегматично*). Я так и думал. Кто ещё мог сыграть эту роль? Как на празднике в честь моей

коронации! Я помню. Салаино-чертёнок!

Салаино (*кланяется*). Джан Джакомо Капротти да Орено, если позволите.

Король. Ну? И зачем понадобилось всё это разыгрывать?

Салаино (*подражает флегматичной манере короля*). А зачем понадобилось ездить сюда каждый день? (*Анне*) Вам уже не скучно, драгоценная мисс?

Анна слегка обижена фамильярностью, отходит, ставит свой незаконченный портрет к стене, но так, что его видит зритель.

Король. Не дерзи, чертёнок.

Салаино (*всё так же с улыбкой, но уже со скрытым недовольством*). Джан Джакомо Капротти. Салаино меня называл только он.

Король. Называл? Он умер?

Салаино бросает взгляд на Франческо.

Франческо. Нет. Мастер ещё жив.

Салаино. А вы боитесь пропустить, ваше величество?

Король. Что?

Салаино снимает с себя длиннополый камзол.

Салаино. Вы думаете, мы не понимаем?

Король. Что? Что вы понимаете?

Салаино. Вы переехали в Амбуаз из Парижа и таскаетесь каждый день в Клу, чтобы не пропустить момент, когда наш мастер умрёт.

Король. Что ты несёшь, чертёнок?

Салаино. Вы приезжаете позировать.

Король. Кому?

Салаино. Мне. Или Франческо. Какая разница? Вы

рассчитываете, что мы запомним трогательную сцену смерти великого Леонардо да Винчи на руках короля Франции Франциска Первого и когда-нибудь напишем картину на этот сюжет! Прославим и себя, и вас. Но на нас вам наплевать, а вот ваши потомки...

Король. Мои потомки будут помнить меня и так. Я король Франции.

Франческо (*тупо и упрямо*). Королей Франции много! А Леонардо да Винчи один!

Анна смеётся. Король задумчиво на неё смотрит.

Король. Здесь священник. Мастер отходит. Я пойду к нему!

Король идёт к двери, из которой первый раз вышел Франческо со священником. Салаино ловко ставит ему подножку. Король падает. Франческо и Анна пугаются.

Франческо. Джакомо!

Анна. Франсуа!

Король встаёт, отряхивается, подходит к Салаи, даёт ему пощёчину. Салаино выдерживает её стойко, потом кланяется.

Салаино. Благодарю!

Король снова идёт к двери. Салаино берёт мольберт, швыряет под ноги королю. Тот успевает остановиться, гневно смотрит на Салаи. Салаи вытягивает шею, подставляет другую щёку. Король вынимает шпагу. Тогда Франческо идёт к стене, вынимает шпагу, висящую на стене, становится рядом с Салаино. Появляется Матурина. Она подбирает

брошенный мольберт, ставит на место, ворчит.

Матурина. Опять шум, грохот, мусор! Лишь бы насвинячить!... А я убирай... Швыряют, дерутся... Ох! Чего это? Шпага? Убери, убери! Поранишь кого-нибудь!

Салаино (со смехом). Матурина! Это король!

Матурина. А что, раз король, можно шпагами размахивать? Давай, приму... Положу у двери... Будете уходить, ваше величество, заберёте.

Матурина забирает шпагу у короля, тот даже не сопротивляется, потом забирает шпагу и у Франческо, уходит. Король садится на стул.

Король. Ну? И что означает этот бунт? Почему мне нельзя оказать последнюю милость моему художнику?

Салаино. Это милость для вас, сир. Господь позволил вам содержать на старости лет великого человека! Теперь не тревожьте его! Дайте ему спокойно умереть!

Король. Ты фанатик!

Салаино. Нет. Я его чертёнок. Его Салаино.

Пауза.

Король. Так всё-таки...

Анна. Ф-фу... Франсуа, давай уедем.

Король. Э, нет, милая Анна. Здесь начинается самое интересное. И теперь они у нас в руках.

Салаино. Чуть что — донесёте?

Король. Кому? Я король. Я заколю тебя сам. А свидетелей твоего признания у меня довольно. Мисс Анна, Франческо, Матурина.

Франческо. Я свидетельствовать против Джакомо не буду.

Король. И ты тоже, Франческо? Надо же! Так вот по какому признаку мастер набирал вас в ученики... Даже тебя, Франческо! Я понимаю, этот вор, Салаи... Ну, сам мастер Леонардо, в конце концов, обычный флорентийский бастард... Но ты!

Франческо. Перестаньте говорить плохо о мастере! Он никогда!..

Король. Чертёнок говорит другое.

Салаино. Чертёнок говорит, что любил Леонардо. Но... без взаимности!

Анна. Бедный...

Король. Ну, хорошо, Салаино. Рассказывай.

Салаино. Вам нужны подробности?

Король. Конечно. Я переехал из Парижа в Амбуаз, таскаюсь каждый день в Клу не для того, чтобы уехать отсюда с пустыми руками. Я хочу знать о мастере всё.

Франческо (*страдает*). Ваше величество, не надо!

Король. Почему?

Франческо. Потому, что он (*указывает пальцем на Салаино*) — расскажет!

Король. Что ты можешь предложить взамен? Проведёшь меня к учителю?

Франческо. Нет. Не пущу. Но я всем расскажу... и всю жизнь буду рассказывать, что он умер у вас на руках... Что вы, желая во Франции такого же расцвета искусств, какой случился в Италии, пригласили к себе мастера Леонардо с учениками, платили ему содержание, развлекали себя беседами с ним, держали в руках его голову, когда он испускал дух, и приняли его последний вздох. Ваш нотариус составил его завещание, ваш

священник отпел его душу, в вашем замке упокоился его прах!

Король (*встаёт*). Спасибо.

Король направляется к двери, но тут голос подаёт Анна.

Анна. Н-нет, это скучно, Франсуа... Теперь я хочу знать...

Король. Анна, вы же сами хотели уехать.

Анна. Хотела. Пока он (*Анна показывает на Франческо*) не испугался того, что может рассказать он (*показывает на Салаи*).

Король застывает в дверях.

Франческо (*плачет*). Не надо... не надо...

Король. Анна, я не уверен, что уши девушки из хорошей семьи...

Анна. Не завянут. (*Подходит к Салаино*). Ну? Самозванец! Рассказывай.

Салаино с похабной улыбочкой отходит и возвращается с небольшой доской, на которой написана «Мона Лиза», ставит её на мольберт.

Салаино. Вот. Это я.

Удивлённый вздох Анны и Франческо.

Король. Так всё-таки?

Франческо. Это ложь! Ложь!

Салаино. Что? Не похож? Конечно, мне теперь уже сорок! А раньше...

Франческо. Я знал тебя и раньше!

Салаино. Когда, милый? Ты появился в доме у учителя так же, как и я, мальчиком. Только было это недавно, десять лет назад! Ты не знал меня молодым...

нежным... Картину «Иоанн Креститель» помнишь? Ты, кажется, сам дорисовывал на ней крест. Потому, что это никакой не креститель, это Бахус! Я — Бахус! Молодой, развратный, вечно пьяный, — вор Бахус! И уж, конечно, учителю было интересно одеть меня в женское платье и написать таким!..

Франческо. Это ложь! Ложь! Ложь!

Франческо кидается к Салаино, валит его, начинает бить. Салаино хохочет.

Король. Эй вы! Прекратите! Здесь дамы!

Салаино ленивым жестом отталкивает Франческо, тот кубарем отлетает.

Салаино. Простите, ваше величество. Кажется, Франческо любит учителя больше, чем я.

Франческо. Люблю! Но не так как ты! Вор! Урод! Содомит!..

Салаино. Говори про меня, что хочешь. Только не оскорбляй учителя. Нет, ваше величество. Мастер Леонардо никогда не тронул меня и пальцем! Ему это было не нужно.

Король. Так всё-таки?

Салаино. Да. Я получал своё на стороне. У других... художников...

Анна. Кому ты позировал?

Салаино. А вот этого я не скажу. Зачем, мисс Анна? А он... Он раздевал меня донага... Он ждал нужного света, он писал меня часами, днями напролёт... Мне не нужны были музыканты и шуты! Я готов был стоять так хоть всю жизнь! И даже хорошо, что мы были наедине! Я изнывал от вожделения к нему, мой

Ганимед часами стоял навтытяжку, как швейцарский солдат в карауле, а он — писал и его! Во всех... анатомических подробностях!

Анна зажимает рот рукой.

Салаино. Его интересовали только анатомические подробности!

Франческо. Он был больше учёный, чем художник.

Салаино (Анне). Он действительно открыл, что солнце не движется...

Король. Это как?

Франческо. Долго рассказывать.

Король. Ересь.

Франческо. Наука.

Салаино. Он первым начал вскрывать трупы, чтобы узнать внутреннее устройство человека, чтобы лучше писать тела.... А уж после него многие... Но он так увлёкся, что стал заниматься анатомией, написал трактат... С рисунками. Там есть удивительные вещи... Беременная матка в разрезе, соитие мужчины и женщины в разрезе, череп...

Анна. Меня сейчас стошнит...

Франческо. Простите, мисс Анна, но это действительно очень интересно... Он стал заниматься анатомией, потом решил усовершенствовать анатомические инструменты, от них перешёл к математике, механике... Увлёкся оптикой... Придумал, как изучить строение человеческого глаза...

Анна. Довольно!

Франческо (увлёкся). А потом задумался, как зафиксировать изображение на холсте, бумаге или

оштукатуренной стене... Он воспользовался камерой-обскурой!

Король. Он же художник, зачем?

Франческо. Именно потому, что художник! Герцог Лодовико заказал ему коня! Конную статую его отца... И ему понадобилось изучить анатомию лошади.

Анна (с отвращением). Их он тоже вскрывал?

Франческо. Конечно! Как и людей! Но как изучить анатомию живой лошади? Человека можно попросить замереть, потом — подвигаться, изогнуться, станцевать, вытянуться... А как договориться с лошастью? Вот если бы можно было получать изображения мгновенно!

Салаино. И то же самое касалось птиц... Когда он стал изучать полёты.

Франческо. Бедный Зороастро...

Салаино. А потом в монастыре сгорела плащаница с изображением Христа... погребальные пелены, в которые завернули Иисуса после снятия с креста... На них чудесным образом было отпечатано изображение Спасителя... И вот эта бесценная ткань сгорела. Леонардо заказали сделать копию...

Король. Подделать?

Салаино. Восстановить.

Франческо. И наш учитель начал экспериментировать с различными обскурами. Он сам конструировал их.

Король. Я знаю эту реликвию. Она хранится у нас, во Франции. Так это — подделка? Леонардо получил чьё-то изображение при помощи обскуры?

Салаино. Лучше никому не рассказывайте об этом,

ваше величество.

Анна. И чьё же там изображение? Кто играет роль Христа?

Салаино. Он тогда стал военным инженером на службе Чезаре Борджиа. Раненного ему предоставил покровитель.

Король. Леонардо служил Борджиа?

Салаино. А что в этом такого, ваше величество?

Король. Злодей! Предатель! Папский ублюдок! Вероломнейший из государей!

Салаино. Ну, и что?

Король. Как что? Будь ты лучший в мире художник, учёный... Единственный Леонардо да Винчи, но ты должен различать добро и зло.

Франческо (горячо). Нет, не должен! Мисс Анна, сир, вспомните легенду о Дедале!

Анна. Я помню! *(как будто отвечает урок)* Дедал жил на Крите, служил у царя Миноса, построил лабиринт для чудовища Минотавра.

Франческо. Правильно, мисс Анна! Дедал изваял статую Геркулеса, а когда показал её самому герою, тот решил, что это кто-то живой нападает на него, и разбил её двумя ударами своих могучих кулаков! Вот как искусен был Дедал! По требованию царицы Пасифаи он изготовил деревянную корову, обшил её свежесодранной коровьей шкурой, чтобы Пасифая, забравшись внутрь, могла удовлетворить свою противоестественную страсть к быку! И бык обманулся, — покрыл царицу! Был ли в этот момент Дедал на стороне добра? Нет! Но он был гениален!

Пасифая родила Минотавра, чудовище с головой и хвостом быка. Минос потребовал построить лабиринт, чтобы спрятать там Минотавра. Дедал построил всем лабиринтам лабиринт, такой, из которого сам едва смог выбраться по окончании работ. Минотавра надо было спрятать, и Дедал был в этот момент на стороне добра, но было ли ему до этого дело? Нет! А потом, когда добро обернулось злом? Семь юношей и семь девушек ежегодно шли на прокорм чудовищу и исчезали в лабиринте, в ненасытной утробе Минотавра. И когда Тесей захотел освободить людей от этого чудовища, к кому он обратился за помощью?

Анна. К Ариадне.

Франческо. Да. А она — к Дедалу. И это мастер дал ей нить, при помощи которой Тесей выбрался обратно. Он был на стороне добра. Как и в случае с изготовлением крыльев для побега, для себя и своего сына Икара... А как всё обернулось?... Бедный Зороастро...

К уже плачущему Франческо подходит Салаино, обнимает.

Салаино. Добро... зло... Их не исследуешь.

Франческо. Ему нужно было только познание, движение вперёд... Поэтому, когда Цезаре предложил, он стал служить у него военным инженером... Придумывал разные штуки... Он нам потом показывал рисунки... А кое-что конструировал в мастерской. (Салаино) Помнишь огромный арбалет?

Салаино. А бронированную стреляющую машину?

Франческо. А мушкет с десятком стволов?

Салаино. А телегу с вращающимися серпами?

Франческо. Она сперва отрубила бы ноги своим солдатам, а потом чужим...

Салаино. Если бы до них добралась... Лошадей бы тоже... порубало...

Ученики Леонардо хохочут, вспоминая только им одним известные вещи. Король и Анна смотрят на них, как на сумасшедших.

Король хлопает в ладоши. Франческо и Салаино вздрагивают, успокаиваются.

Король. Не забывайтесь.

Франческо (*утирает слёзы, не понятно, то ли от с меча, то ли от горя*). Простите... простите...

Анна. Это всё неправда!

Салаино. Что неправда, небесная синьора?

Анна. Телеги с серпами, — чушь какая-то! Леонардо да Винчи не различал добра и зла? Как бы тогда он создавал такие прекрасные картины?

Салаино. Многие называют их холодными, даже бездушными.

Франческо. Завистники.

Анна. Говорят, что мастер Леонардо не ел мяса, жалел животных. Говорят, что он покупал на базаре птиц и отпускал их!

Франческо. Он отпускал птиц, чтобы подсмотреть, как они летают.

Салаино. А мяса не ел, чтобы меньше спать и больше работать. Возможно, поэтому он и любви сторонился.

Анна. И в это я не верю! Более вероятно, что предметами его страсти становились юноши, что приходилось держать в тайне. Жизнь без любви

прожить нельзя! Ведь любовь это... прекрасно!

Матурина. Любовь — это сплошные муки.

Все оборачиваются. Матурина стоит в дверях.

Франческо. Матурина, пошла вон!

Король. Нет, отчего же? Пусть скажет народ... Чем же так ужасна любовь, уважаемая Матурина?

Анна. Вы просто никогда не любили. Когда встречаешь мужчину, за один взгляд которого, за беглую ласку ты готова отдать... многое... Ради этого стоит жить. А может, и умереть!

Матурина. Я не знаю, вы люди благородные. Но когда встречаешь такого, как вы сказали, то и глядишь на него, и ласкаешь, и умирать тут незачем. А вот как народятся дети... У вас-то, синьорина, детей-то поди, ещё не было!

Анна. Как можно? Я не замужем!

Матурина. Ну всяко бывает... у благородных-то! Так вот, я говорю, как дети народятся, вот тут-то и начинается любовь... Потому как то он болеет, то с ножиком играет, то лезет куда-то, то жениться надумал... А то на войну идти... Вот тут бы ты и рада за него жизнь отдать, да не получается... Не нужна никому твоя жизнь... Только его... Когда французы-то на нашу землю пришли, сперва старшего в солдаты забрали, Марко... Потом Никколо... Третьим Пьерино ушёл... А последним Паолино.... Вот когда нам про младшенького, Паолино, написали... меч его прислали... ржавый от крови... тогда Антонио, отец, встал, меч этот взял и сказал: «Не плачь, Матурина. Пойду и я на войну... Отомщу за наших мальчиков...

Лично удавлю французского короля!» И сам не вернулся... Вот так я и не знаю, встретил ли мой Антонио французского короля...

Пауза.

Салаино. Зато ты встретила, Матурина!

Матурина. Как это? Где?

Король с усмешкой покашливает, выступает вперёд. Матурина поворачивается на кашель. Сначала близоруко щурится, пытается разглядеть короля, потом подходит ближе, в её лице постепенно нарастает ярость, в конце концов, она хватает короля за горло.

Матурина. Убью! Удавлю! За Антонио моего! За Марко!

Король. Уберите её!

Матурина. За Николо!

Король. Оттащите!

Матурина. За Пьерино!

Король. Это был не я! Другой король! Другой! Королей много!

Салаино смеётся.

Матурина. За Паолино!

Король. Да уберите вы эту ведьму!

Франческо кидается оттаскивать Матурину. Вдруг раздаётся стук. Это посохом бьёт по полу нотариус, месье Вильгельм Боро. Все замирают, оглядываются. Боро стоит у двери во внутренние покои с торжественным лицом, с ним рядом стоит фра Бартоломео. Франческо удаётся, наконец, отцепить ослабевшие руки Матурины

от горла короля.

Бартоломео. Сегодня, второго мая года тысяча пятьсот девятнадцатого по рождеству Христову скончался мастер Леонардо ди сер Пьеро да Винчи. Упокой господи, его душу! (*Крестится сам, потом крестит всех присутствующих*).

Тихо плача, Матурина отходит в угол. Роня слёзы, во внутренние покои дома бежит Франческо. За ним хочет пойти король, но Салаино преграждает ему путь.

Король. Но теперь-то почему?

Салаино. Потому, что это некрасиво. Мастер Леонардо много изучал анатомию, несколько раз наблюдал смерть... Вы знаете, что умирая тело избавляется от всего лишнего... Пот, слёзы, моча, кал... Рвотные массы и семя... Вы хотите видеть мастера таким, ваше величество? А как вы думаете, хотел бы он, чтобы вы его таким видели?

Король отступает.

Салаино. За упокой души мастера отслужат три больших панихиды и тридцать малых. Вы успеете попрощаться с ним.

Возвращается Франческо с плотно сжатыми губами. Лицо его залито слезами, но он держит себя в руках. Он подходит к «Моне Лизе», берёт её и протягивает королю.

Франческо. Уходите.

Король (*смущён, но картину берёт*). Я могу не забирать её... сразу...

Боро. Ваше величество! Эта картина принадлежит вам

по праву. Мастер Леонардо сделал недвусмысленные распоряжения. (*смотрит в папку*) Картина вам, все записи и рисунки — Франческо Мельци, Матурине одежда и деньги, а Джану Джакомо Капротти по прозвищу Салаи — виноградник за стенами Милана.

Анна. Только виноградник? Но почему так мало?

Салаино (*еле сдерживая слёзы*). Потому, что я Бахус!

Салаино становится в позу Иоанна Крестителя с картины Леонардо да Винчи, перекрутив корпус, указывая пальцем вверх. И так застывает, как бы позируя невидимому художнику.

Король (*смотрит на «Мону Лизу» в своих руках*). Как-то брать её, зная, что это ты, чертёнок...

Салаино. Это не я. Я соврал.

Король. А кто это?

Салаино. Это он сам. Мастер Леонардо. В женском платье.

Король. Так всё-таки?..

Франческо. Никаких «всё-таки», ваше величество. Это всего лишь шутка. Написать обычный автопортрет мастеру было скучно... Он всегда ставил перед собой сложные задачи. Берите на память.

Король. А может, вы опять врёте? Он сам говорил мне, что это — жена торговца шёлком!

Салаино. Я однажды обокрал этого торговца, Леонардо остался ему должен. Увековечил имя — отдал долг.

Франческо. Не только королю, — купцу тоже хочется, чтобы о нём помнили потомки.

Анна (*спокойно*). Идём, Франсуа. Все тебя, наверное,

уже ищут...

Король предлагает Анне руку, они направляются к двери. «Мона Лиза» под мышкой у французского короля. В дверях король останавливается.

Король. А всё-таки... Почему вы меня к нему не пускали?

Салаино (*показывает на Франческо*). Он не хотел, чтобы вы мешали учителю.

Король. В чём?

Франческо. В его последнем исследовании.

Анна. Исследования чего?

Франческо. Смерти.

Пауза.

Анна. Но... какой смысл? Он же не сможет... записать результаты!

Франческо. Ему было важно познание... Он жил не ради результата.

Король. Ты всё придумал... Он ничего про исследование смерти не говорил... Это всё ваши фантазии! Фанатики!

Салаино. Для него всё было исследованием, сир. Даже меня он держал при себе, чтобы изучить любовь.

Король. Так всё-таки?..

Салаино (*смотрит на короля с презрением*). Нет, не «всё-таки»!.. Он постигал любовь, как явление природы, изучал страсти... А испытывал их я... Он наблюдал за мной, как за лошадьми, как за птицами, как за своим чертёнком, пойманным в клетку! Он изучал мою любовь к нему, к другим... художникам... Он спрашивал, что я чувствую, заставлял замерять

частоту дыхания и пульса, рассматривал вставшие дыбом волоски на руках. И он не мог понять, почему мне нужна ласка. Ему-то это было не нужно!

Франческо. Потому, что он был чист, как Христос.

Бартоломео. Святотатство... балаган...

Король (священнику). Тихо.

Салаино. Чист... холоден... и прекрасен... Он был прекраснее всех, кого я... знал... лучше... чем...

Салаино наконец расплакался, садится на пол, раскачивается, рыдает.

Король (формально). Утром вам пришлют всё необходимое, включая содержание на два месяца вперёд. Месье Боро, вы поняли?

Нотариус кланяется.

Король. Спокойной ночи. Франческо! Не забудь, что ты мне обещал!

Франческо. Он умер у вас на руках, ваше величество.

Анна, прежде чем уйти, посылает Салаино воздушный поцелуй. Он этого, впрочем, не видит: спрятав лицо в ладонях, он плачет. Король и Анна уходят. За ними идёт нотариус, следом — священник. Из угла выходит Матурина.

Матурина. Пойду... обмою тело хозяина...

Матурина уходит в дверь, ведущую во внутренние покои дома. Франческо подходит к Салаино, кладёт руку ему на плечо. Салаино поднимает мокрое от слёз лицо. Франческо помогает ему встать. Некоторое время они смотрят друг на друга. Потом обнимаются. Это дружеские объятия, никаких намёков на что-то другое.

Потом Франческо отстраняется, достаёт то ли из-за пазухи, то ли из кармана бутылку вина, протягивает Салаино. Салаино улыбается, берёт бутылку. Пьёт. Отдаёт Франческо. Тот тоже пьёт. Потом отдаёт обратно. Салаино пьёт, потом Франческо. И так несколько раз, пока наконец у них не получается вздохнуть с некоторым облегчением.

Салаино. Что дальше, Франческо?

Франческо (*пожимает плечами*). Мы художники. Ученики великого Леонардо.

Салаино. Ты — может быть, а я... (*машет рукой*). Нет. Поеду в Милан, стану виноделом.

Франческо. Потому, что ты...

Салаино. Потому, что я...

Франческо и Салаино (*хором и одновременно принимая позу Иоанна, пальцем вверх*). ...Бахус!

Так и замирают, глядя друг на друга. Непонятно, засмеются они сейчас или заплачут. Занавес.

ДЕЙСТВИЕ 2. Джорджо.

Действующие лица:

Микеланджело Буонарроти, художник, скульптор, 80 лет.

Урбино, слуга Микеланджело, 52 года.

Козимо I Медичи, великий герцог Тосканы,

35 лет.

Аньоло Бронзино, художник, 51 год.

Маурицио, ученик Вазари, 24 года.

Джанстефано Альби, слуга и советник герцога Козимо, 32 года.

Питер, художник из Фландрии, 22 года.

Музыканты, шуты, художники, египетская делегация.

Место действия — Флоренция.

Время действия — 1555 год, май.

2

Дом-мастерская Микеланджело. Серые стены, замусоренный пол. Совершенная пустота. Деревянная лежанка, несколько табуреток, простой стол. Тут и там по комнате расставлены глыбы камня: мрамора, гранита. Почти все они несут следы прикосновения резца скульптора: из какой-то скалы выступает голова и половина торса, в какой-то видна обнажённая мужская спина, а какая-то глыба виситя первозданной скалой, к ней ещё не прикасались. Посреди комнаты торчит ржавая покорёженная бочка. Где-то с краю, очень скромно располагается выдолбленное из камня большое

кресло, на которое наброшены кучей тюфяки, одеяла, какое-то тряпье. Рядом с креслом стоит благообразного вида человек с высоким лбом, продолжающимся залысинами, с ухоженной бородой, тронутой первой благородной сединой. На его шее на массивной цепи висит знак гильдии Святого Луки, который он носит с гордостью. Это — Джорджо Вазари. Он читает по свежеезданной книге, которую изящным жестом держит в руке.

Джорджо. «Поистине дивным и небесным был Леонардо, сын сера Пьеро из Винчи. Обладая широкими познаниями и владея основами наук, он добился бы великих преимуществ, не будь он столь переменчивым и непостоянным. Казалось, он думает о нескольких вещах одновременно, что мешает ему сосредоточиться и закончить что-то одно. Его ученик, Франческо Мельци, бывший при Леонардо милым юношей, а теперь ставший милым стариком, рассказывал мне о временах, когда его удивительный учитель служил военным инженером у вероломного Чезаре Борджиа. В один из тех дней, когда небо бывает затянуто тонким слоем белых облаков, когда солнце не светит напрямую, но серость не висит над землёй давящей громадой, сидел Леонардо на холме над широкой поляной в долине реки Арно. Покровитель приказал художнику разработать план предстоящего сражения, которое Чезаре вознамерился дать своим врагам, объединённым силам знатных семейств Вителли, да Фермо, Паоло и Орсини. И вот, сидя на

холме, чертил Леонардо на карте собственного изготовления план предстоящего сражения. Но, глядя перед собой, не мог он не приметить наипрекраснейшую натуру из всех когда-либо виденных им. Теперь именно этот пейзаж украшает величайшую картину Леонардо, служащую образцом многим современным мастерам, загадочный портрет моны Лизы дель Джокондо, жены флорентийского торговца шёлком. За её спиной располагается и широкая река, и величественные скалы, и извилистая тропинка...»

Куча тряпья на кресле вдруг шевельнулась, и оттуда послышался скрипучий, носовой голос.

Голос. Видел я эту Лизу... Всё в тумане. Там и разглядеть-то ничего нельзя. И улыбается она похабно. Как будто художник, на которого она глядит, работает голым.

Джорджо в недоумении опускает книгу. Голос из-под тряпья надсадно кашляет.

Голос. Давай, Джорджо, сынок, ври дальше.

Джорджо. Ну, почему же «ври»? Я пишу только то, что мне удалось узнать из достоверных источников.

Голос. Ну, стало быть, источники твои врут. Давай, заканчивай про Леонардо... небесного и дивного...

Джорджо. «Картина эта находится ныне у французского короля в Фонтенбло, который получил её по завещанию Леонардо, ценившего доброту монарха и его расположение...»

Голос. Пенсию он ценил...

Джорджо (покачав головой). «Тот же достопочтенный

Мельци рассказывал мне, что великий и несравненный Леонардо да Винчи испустил свой дух на руках добрейшего короля Франциска...»

Голос. Чушь!

Джорджо. «Всякий, кто желает учиться у Леонардо, может только посмотреть на его эскизы и рисунки, в которых столько же мастерства и совершенства, сколько в законченных его произведениях, каковых, впрочем, сохранилось крайне мало из-за страсти мастера к экспериментам...»

Куча тряпья шевелится уже отчётливей и из-под неё появляется Микеланджело: маленький худой жилистый старик с коротко стриженной шишковатой седой головой и нечёсаной бородой, торчащей клочками во все стороны. Если приглядеться, можно увидеть сломанный в далёкой юности нос.

Микеланджело (*глядит на Джорджо*). Джорджо, сынок! Что ж ты свистишь-то, а?

Джорджо. Мастер Микеланджело, ну, зачем вы?.. Этот труд, между прочим, издан и пользуется признанием...

Микеланджело. Ну, мало ли, что теперь издают!

Микеланджело встаёт, надсадно кашляя, идёт к своему столу. Когда он идёт, видно, что он сильно хромотает: не так давно у него было сломано бедро. Он залезает под стол, роется там.

Микеланджело (*из-под стола*). Всегда ты был тщеславным, Джорджо, а умел мало... Вот и теперь... Написал мне, что едешь с подарком, а что ж за подарок? Твоя же собственная книжка? Смешной ты

человек, Джорджо... Нет... никогда из тебя толка не будет!

Джорджо. Смею вас заверить, учитель, что толк из меня уже есть.

Микеланджело (со смехом). Серьёзно?

Джорджо. Я художник.

Микеланджело. Да? И кто это тебе сказал?

Джорджо. У меня своя боттега! У меня заказы от герцогов и пап! У меня первая в мире книга о жизни наиболее знаменитых живописцев нашей великой и прекрасной Родины!

Микеланджело. Со мной можешь изъясняться проще.

Джорджо. И затеял я этот труд потому, что убеждён: великие художники, ваятели и зодчие достойны иметь свою летопись жизни не меньше, чем короли и завоеватели!

Микеланджело. Летопись художника — его творения. Зачем ещё что-то?

Джорджо. Между прочим, вы — единственный, кто оказался в этой книге при жизни.

Микеланджело (вылезает из-под стола с какой-то папкой в руке). Намекаешь, что мне уже пора? Это и есть твой подарок?

Джорджо. Как можно? Просто вы — один из величайших...

Микеланджело. Да? И ты описываешь, как я живу? Что моя грандиозная жизнь протекает в этом блестящем доме, с лучшими в мире сквозняками, в этой чудесной пыли, рядом с этими величественными глыбами, под этими распрекрасными тряпками возле

этой удивительной бочки?..

Микеланджело закашливается.

Джорджо. Да, я пишу, что вы неприятельны...

На кашель выходит Урбино: рыхловатый слуга Микеланджело. Урбино несёт керамическую кружку.

Урбино. Ну? И чего встали, ваша милость? Сказали, лежать будете. Вы мне обещали! *(даёт ему кружку)*

Микеланджело *(тихо и ворчливо)*. С этим превосходнейшим... Урбино.

Урбино. Чего?

Микеланджело. Ничего. Это я так. Это я мастеру Джорджо.

Урбино. Вот культурный человек, вроде, ваятель, а не знает, что нехорошо шептаться о человеке за его спиной!

Урбино из кучи тряпья выуживает плед, заботливо укутывает Микеланджело.

Джорджо. Послушайте, Урбино. Вы здесь всё-таки слуга. Нельзя ли как-то повежливее с хозяином?

Урбино в недоумении смотрит на Джорджо, потом на Микеланджело. Микеланджело глядит на Джорджо даже как будто испуганно. У Урбино, кажется, дрожит подбородок.

Микеланджело (Урбино). Тихо-тихо. Мастер Джорджо, Урбино — больше, чем слуга. Он со мной уже четверть века. Он друг.

Урбино сдерживает слёзы, кланяется хозяину, на Джорджо смотрит вскользь и победно.

Джорджо (смущён). Простите, Урбино, я не хотел вас

обидеть.

Микеланджело пьёт из кружки.

Микеланджело (отплёвывается). О боже, Урбино, что это?

Урбино. Отвар багульника.

Микеланджело. Ты же обещал тёплое вино!

Урбино. Он тёплый.

Микеланджело. Но не вино!

Урбино. Во время простуды это лучше для бронхов!

Микеланджело. Мои бронхи забиты мраморной пылью! Мне нужно вино!

Урбино. Сейчас принесу. Только выпейте ещё глоточек.

Микеланджело. Нет!

Урбино. Ну, пожалуйста!

Микеланджело. Не могу...

Урбино. Ну, ради меня!

Микеланджело. Урбино...

Урбино. Ради моей жены, которая вас столько лет терпит.

Микеланджело. Я ей плачу! Как и тебе!

Урбино. Ради моих деток.

Микеланджело. Ну, при чём тут твои детки?

Урбино. А как же? Вот помрёте вы, что мне прикажете делать?

Микеланджело. Найдёшь себе другого хозяина!

Урбино. Пока ещё!.. А до тех пор?

Микеланджело бросается к какому-то шкафчику, вынимает кошелёк.

Микеланджело. А до тех пор... вот тебе две тысячи скудо. На чёрный день!

Урбино. Если бы я брал у вас по две тысячи скудо каждый раз, как вы отказываетесь пить багульник, я бы уже давно имел собственную виллу на берегу Арно!

Микеланджело. А меня бы позвал расписывать там потолки и стены?

Урбино. Я бы ещё подумал.

Урбино и Микеланджело смеются.

Микеланджело. Неси вино. Мне и моему гостю.

Урбино. Ещё плоточек.

Микеланджело. Нет.

Урбино вздыхает и берёт кошелёк из руки Микеланджело.

Урбино. Вам греть, мастер Джорджо?

Джорджо. Да, если можно. Здесь прохладно.

Урбино, забрав кружку, уходит с гордо поднятой головой.

Джорджо. Послушайте, а это не тот Урбино, который поступил к вам в услужение, когда я у вас учился?

Микеланджело. Он самый!

Джорджо. Да... годы никого не красят... Он же тогда был очень хорош собой... Сколько ему было? Двадцать три?

Микеланджело. Двадцать шесть.

Джорджо. Он ведь вам когда-то позировал. Вы говорили, что у него совершенная форма ноги... римская ступня... высокий подъём... округлые и рельефные голени ...

Микеланджело. Только не смей об этом писать!

Джорджо. Значит, он женился, и у него есть дети...
Удивительно!

Микеланджело. Джорджо! Ты слышал, что я сказал?

Джорджо (*слегка обиженно*). Даже если я и напишу об Урбино, то не в вашей биографии.

Микеланджело. А в чьей? В своей? Я так и думал, Джорджо... Ты затеял эту книжку, чтобы добавить своё жизнеописание к остальным... величайшим...

Джорджо (*краснея*). Может быть, когда-нибудь!

Микеланджело. Э, нет! Это и была твоя цель. И подарок мне. Ну, правильно! Если рисовать не умеешь, так хоть примазаться жизнеописанием...

Джорджо пыхтит и багровеет.

Микеланджело. Я давно живу, Джорджо. Меня не обманешь.

Джорджо (*вдруг, несмотря на бороду и солидность, становится похож на обиженного мальчишку*). Ну, и ландо. Ну и пусть! Если вам не нужен никто! Даже те, кто вас уважает!.. Кто преклоняется... кто счастлив только тем... То я уйду! И сидите тут! В одиночестве... Под тряпками... Со своим Урбино!

Микеланджело. Ну, ладно тебе, Джорджо. Не обижайся. Мы, старики, ворчливы. И врать не умеем. Времени уже нет, чтобы врать. Ну, давай, показывай, что ты там про меня написал?

Джорджо открывает книгу, подаёт Микеланджело.

Джорджо. Вот.

Микеланджело (*щурясь, читает*). «В Казентино в 1474 году под знаменательными и счастливыми созвездиями родился младенец у почтенной и благородной жены Лодовико...» О, Боже,

благородной!.. «Лодовико нарёк сына Микеланджело: отец хотел этим показать, что существо это было небесным и божественным...» Да, по мне это видно... «...как это и подтвердилось позднее в его гороскопе тем, что при его рождении Меркурий в сопровождении Венеры были благосклонно приняты в обители Юпитера...» (*Микеланджело хохочет, хохот перерастает в кашель*). Как тебя ещё не сожгли в Риме за всю эту ересь?

Джорджо. Мастер Микеланджело, это же литературный стиль!

Микеланджело (*листает страницы*). Да? И вот это: «Нравом Буонарроти обладал таким кротким, какой только и мог быть под стать его искусству...» Что это, Джорджо? Это же обыкновенная ложь!

Джорджо (*срывается*). А что я должен был написать? Что из-за вашего склочного характера вас едва терпели все, кому бы ни пришлось вам сделать заказ? И неизвестно ещё, потому терпели, что вы прекрасный художник, или потому, что выдавали вам приличный аванс ещё до начала работы!

Микеланджело. Вот. Да. Если бы ты написал так, было бы лучше. И не потому, что это правда.

Джорджо. Мастер Микеланджело, простите... Это не правда. Вы величайший...

Микеланджело. Это не важно, Джорджо. Всё вот это (*Микеланджело бегло перелистывает страницы книги*) мёртвое, пустое... Здесь столько славословий, и так мало жизни. Где все наши ссоры, ворчание, вражды и дружбы? Где крики, драки, объятия, досада,

разочарования? Где отчаяние и победы? Где любовь, ненависть? Где страсть?

Джорджо. Разве это важно? Это все мелочные частности, которые не могут заинтересовать...

Микеланджело. Да только это и важно, Джорджо! Для любого, кто берётся красками или резцом и молотом оживлять мёртвое! Смотри!

Микеланджело даёт Джорджо папку, с которой вылез из-под стола. Джорджо развязывает тесёмки и смотрит на разрозненные листы. Микеланджело тем временем ковыляет обратно к столу.

Джорджо (благоговейно). Это, ваши эскизы, учитель?

Микеланджело. Черновики. Взгляни, Джорджо! Это так же прекрасно, как у Леонардо да Винчи?

Микеланджело возвращается к Джорджо со свечой в руке, которую взял со стола.

Джорджо (вежливо). Интересно.

Микеланджело. Не ври мне!

Джорджо. Это... очень хорошо, но... это как-то... очень схематично... ученически... по-моему у меня эскизы лучше...

Микеланджело. У тебя? Не надейся. Ты мне ответь про Леонардо!

Джорджо. Леонардо — величайший рисовальщик.

Микеланджело хватает у Джорджо несколько листов, поджигает их на свече.

Джорджо. Что вы делаете, мастер Микеланджело?

Микеланджело. Не тронь!

Микеланджело кидает горящие листы в ржавую

бочку, ставит свечу на пол, потом идёт к Джорджо, хочет забрать у него всю папку с листами.

Джорджо. Нет! Я не позволю! Я не дам! Это величайшая ценность!..

Микеланджело. Нет! Это подготовка! Это следы паники начинающего художника! А я начинающий каждый раз, когда задумываю что-то новое. Мои вещи рождаются под резцом, а не на бумаге. Поэтому видеть этого никому нельзя! Публика должна лицезреть совершенство, а не злорадствовать, глядя на мучения на пути к нему!

Микеланджело удаётся вырвать папку у Джорджо, он идёт к бочке, кормит огонь листами.

Джорджо. Отдайте! Это вам уже не принадлежит! Это принадлежит искусству!

Джорджо подбегает к Микеланджело, хочет вытащить из огня рисунки, но коротким движением жилистого кулака получает в солнечное сплетение, сгибается пополам.

Джорджо (стоит на коленях). Сумасшедший старик!

Микеланджело. Не знаю, зачем Господь даровал мне такую долгую жизнь, но пока она ещё не кончилась... Это всё — моё. Захочу — сожгу, захочу — подотрусь!

Микеланджело кашляет, греет руки над огнём.

Микеланджело (внушительно). И никто не будет сравнивать меня с Леонардо.

Джорджо поднимает голову, забывает о боли, смотрит на Микеланджело заинтересованно.

Хочет что-то спросить, но тут входит Урбино. У него на подносе два керамических стакана, какое-то блюдо.

Урбино. Тёплое вино... Синьор Вазари, с пола-то встаньте! Ревматизм заработаете... Что, мастер Микеланджело? Греетесь? Морозит вас? У вас жар! Давайте приляжем! Да не туда... Не в это ваше... ложе... А вон туда, на кровать... Она немногим лучше, но на ней хоть вытянуться можно.

Микеланджело. Успею я вытянуться! Что вы меня все торопите сегодня?

Джорджо. Кто же вас торопит, мастер, что вы говорите?

Урбино (*ставит поднос на одну из табуреток*). А на меня все кричат. Вот вам вино. И сыр. Позовёте, если будет нужно.

Урбино ставит поднос на одну из табуреток, поджав губы, уходит.

Микеланджело. Обиделся... Что-то сдаёт он у меня... (*смотрит на огонь в бочке, Джорджо*) Хочешь присоединиться?

Джорджо (*пьёт вино*). Мне не холодно.

Микеланджело. Да я про книжку. Сожжём её, и никто не узнает!

Джорджо. Нет, я так не могу.

Микеланджело усмехается.

Джорджо. И потом, у неё тираж... В Лауренциане несколько томов.

Пауза.

Микеланджело. Леонардо был прекрасный рисовальщик, потому что в нём страсти не было. Он

сперва всё разложит по полочкам в своей голове, а потом берётся за карандаш.

Джорджо. Мастер Микеланджело, при всём уважении, но вы ошибаетесь... Вы же знаете его фреску на стене Зала Пятисот, «Битва при Ангиари». Там всё дышит страстью. Я, когда смотрю на неё, у меня начинает чаще биться сердце. Как будто сам я попал в самую гущу сражения. В этом изображении люди проявляют такую же ярость, ненависть и мстительность, как и лошади, из которых две переплелись передними ногами и сражаются зубами с не меньшим ожесточением, чем их всадники, борющиеся за знамя. С таким ожесточением биться за какую-то тряпку на шесте! Ярость и тщета переданы в этом произведении с таким искусством! Противоречат и дополняют друг друга!

Микеланджело. Ты мне опять из книжки читаешь? Да и что ты мне про эту фреску? Мы с Леонардо работали там вместе. Друг напротив друга!

Джорджо. Да. Вашу фреску я тоже люблю. «Битва обнажённых»! Удивительный сюжет!

Микеланджело. А Леонардо не любил! Говорил, что мои мужские тела похожи на мешки с орехами! Представляешь? А я ему: «Мастер Леонардо! Это же воины... Они же такими и должны быть!» А он: «Раз воины, так и показывай битву!» А я такой: «Зачем? Битва у вас! А у меня момент, когда солдаты в перерыве между сражениями только окунулись в ручей, чтобы помыться, и тут их зовут, трубят тревогу! И вот они вылезают, натягивают чулки, одежду, латы... Прямо на мокрые тела... Не у всех получается, из-за этого они

принимают необычные позы, падают... Но спешат в бой!» А он: «Вы всех обманули, Микеланджело. Вам заказали битву, а вы снова пишете обнажённую мужскую натуру». Словом, отгородился я от старика ширмами и больше с ним не разговаривал.

Микеланджело разгребает тряпье на кресле, садится.

Микеланджело (зовёт). Урбино!

Выходит Урбино. Он всё ещё обижен. Стоит, ждёт.

Микеланджело. Сколько тебе лет теперь?

Урбино, кажется, обижается ещё больше.

Урбино. Пятьдесят два. Это всё?

Микеланджело. Пока всё, Урбино, спасибо. *(Джорджо)* Вот и Леонардо было что-то около пятидесяти, когда мы с ним работали... Старик... Я его уже на тридцать лет старше ... Когда он умер?

Джорджо. Ему не было и семидесяти...

Микеланджело мотает головой.

Урбино. Что же вы не пьёте, мастер? Вино остыло.

Микеланджело. Да! В самом деле! Давай сюда!

Урбино. Ну, уж нет, ещё раз подогрею.

Урбино уходит со стаканом Микеланджело на подносе.

Микеланджело. А во фреске Леонардо нет страсти! Есть лишь наблюдение и холодный расчёт. Как и в бабах его, которые загадочно улыбаются. Что там за тайна такая? А ничего, просто — тайна! Пусть все ахают, ломают голову. Расчёт, Джорджо, расчёт!

Джорджо. За что вы его так ненавидите?

Микеланджело (*усмехается*). Знаешь, что он мне однажды сказал? «Вы же скульптор, — говорит, — мастер Микеланджело, как же вы терпите эту вечную пыль, это постоянное напряжение всех ваших членов, пот? То ли дело живописец! Сидит в красивой и чистой одежде у холста, может слушать приятную музыку, стихи, вести учёные беседы...» Чистоплюй. А для меня... пока я долблю камень — я жив! Сейчас, конечно, силы уже не те! Но я всё равно... долблю...

Микеланджело кашляет. Входит Урбино, молча ставит на табуретку возле Микеланджело стакан. Микеланджело берёт, делает большой глоток, но вдруг вскакивает, швыряет стакан, отплёвывается.

Микеланджело. Ты что? Ты его... кипятил, что ли?

Урбино. Я хотел... чтобы грудь прогреть...

Микеланджело. Да ты мне все потроха прогрел! Рот горит... теперь язык распухнет...

Урбино. Простите меня, хозяин!

Микеланджело. Вот выкину тебя вместе с женой и детками!

Урбино. Не надо... Не прогоняйте! Пожалуйста!

Урбино плачет, ползает по полу, собирает осколки стакана.

Урбино. Простите... я больше не буду... Я всегда буду предупреждать... Ай!

Урбино отдёргивает руку, на руке проступает кровь.

Микеланджело. Чего там у тебя? Порезался? Дай!

Микеланджело бросается на пол рядом с Урбино,

берёт его руку, прикладывает порезанный палец ко рту, пытается остановить кровь. Оба, Микеланджело и Урбино застывают в этой позе на полу, на коленях. Джорджо наблюдает эту сцену с удивлением. Но они его, похоже, не замечают. Урбино дотрагивается до коротко стриженной головы Микеланджело.

Урбино. Простите меня, мастер. Я не думал, что вы сразу будете пить. Думал, опять поставите... Остынет...

Микеланджело (*отнимает руку Урбино ото рта*). Это ты меня прости. Я гадость сказал. Я никогда тебя не выгоню.

Урбино. Я знаю.

Микеланджело. Я в сердцах сказал...

Урбино. Я понимаю.

Микеланджело. Ну, иди...

Урбино. Я уберу. Я подмету.

Микеланджело. Не торопись.

Урбино встаёт, помогает подняться Микеланджело.

Урбино. Приляжете?

Микеланджело. Не надо... посижу...

Урбино. Ноги вам накрою.

Микеланджело. Хорошо. Спасибо.

Урбино уходит. Микеланджело сидит в своём кресле, смотрит на остолбеневшего Джорджо. Микеланджело смущён, но вдруг что-то озорное проступает в его лице.

Микеланджело. Отомри!

Джорджо проводит рукой по лбу.

Джорджо. Простите, мастер... что я стал невольным свидетелем... Конечно, вы можете быть уверены, что я никогда...

Микеланджело. А жаль. Написал бы об этом — было бы по-настоящему.

Джорджо не знает, что сказать, он отпивает глоток.

Джорджо. И все ваши статуи разрушили бы, а фрески соскоблили...

Микеланджело. Эти — могли бы... *(Пауза)* Как-то раз в нашем соборе... Санта-Мария-дель-Фьоре... Я был на проповеди фра Джироламо Савонаролы... Слышал о таком?

Джорджо. Конечно. Религиозный фанатик, который превратил Флоренцию в ад.

Микеланджело. Да... а добивался рая... Я видел его детские отряды, которые врываются в дома, отбирали драгоценности у дам, картины, книги... По всей Флоренции стоял хрустальный звон бьющихся зеркал: фра Джироламо считал, что само желание смотреть на себя — греховно. Никто во Флоренции не оставался равнодушным. Кто-то шёл за ним, кто-то кидал в него камни. Поначалу камней было меньше, чем молитв, а потом — наоборот. Я пошёл на проповедь, чтобы своими ушами услышать, что он говорит, понять, чем нам всё это грозит. И увидел злобного завистливого карлика, бешеного пса господня в капюшоне, и понял, что это — конец Флоренции, которую я так любил. Конец искусства, наукам, разуму... Останется только

праведный экстаз, которому могут быть подвержены даже самые лучшие люди. Боттичелли в слезах сам волок в костёр на Площади Синьории своих одинаковых Венер. Я — уехал в Рим. Бороться с деспотом-попом у меня не было ни сил, ни желания. А Леонардо... Я видел его на той проповеди. Он стоял прямо, спокойно и безо всяких эмоций на лице. Некоторые кричали Савонароле проклятия, правда, их быстро выводили детские отряды брата Джироламо. Большинство распростёрлось ниц и неистово молилось, то ли на распятие, то ли на священника, стоявшего под ним. Я — плакал. А Леонардо просто стоял в нише со своим блокнотом и зарисовывал уродливую голову доминиканца. И вот тогда я подумал, что Савонарола — это, конечно, зло, но мастер Леонардо, может быть, ещё хуже. Потому что он не желает, не способен отличить зло от добра. Для него всё — предмет исследования. Каждый человек для него — мышь, вошь, труп, который рано или поздно можно вскрыть и посмотреть, что у него внутри. Я этого понять не мог.

Микеланджело кашляет.

Микеланджело. Говорят, Леонардо потом тоже уехал. Когда одежду запачкал... Спрятался во Франции...

Микеланджело тяжело закашливается. Входит Урбино. Он несёт новый стакан в руке с замотанным какой-то тряпкой пальцем, в другой руке у него веник и совок. Он подходит к Микеланджело, подаёт ему стакан.

Урбино. Не горячее, тёплое.

Микеланджело берёт, пьёт.

Урбино. Хорошо?

Микеланджело (*делает глоток*). Да, Урбино, всё хорошо, спасибо.

Урбино (*поворачивается к Джорджо*). Хотите ещё, синьор?

Джорджо. Нет, довольно.

Урбино (*Микеланджело*). Прилегли бы, ваша милость.

Микеланджело. Не хочу. Я сейчас немного постучу.

Урбино. Куда? Вы простужены!

Микеланджело. Всё равно. Пока я долблю, я жив.

Урбино пожимает плечами, идёт подметать осколки предыдущего стакана.

Микеланджело. Леонардо да Винчи — это твой идеальный персонаж, Джорджо. Человек-мертвец.

Услышав имя Леонардо да Винчи, Урбино настораживается. Микеланджело встаёт, берёт со стола молот и долото, идёт к одной из каменных глыб.

Джорджо. Это не так, мастер Микеланджело! Он жалел животных, не ел мяса. Он помогал своим ученикам. Он... любил отца!

Микеланджело (*несколько раз стучит молотом по долоту, приставленном к камню*). Это откуда известно?

Джорджо. Мне показывал его дневники Франческо Мельци!

Микеланджело. Милый старик?

Джорджо. Да!

Микеланджело. Я не знаю, что там тебе показывал его ученик, но я знаю, что он не терпел страсти и в

других... Он ненавидел меня так же, как и я его. И я подозреваю, что именно за это. За то, что я — это жизнь.

Урбино, улыбаясь чему-то своему, уходит с совком, полным осколков.

Джорджо. Почему вы так уверены, что Леонардо вас ненавидел?

Микеланджело. По многим признакам. Но главное, чего я ему никогда не прощу — «Давид». Помнишь его? Сколько трудов, а всё зря!

Джорджо. Почему же зря? Это величайшее произведение нашей эпохи, которое по праву займёт место в пантеоне...

Микеланджело (морщится). Джорджо! Сжёт бы ты свою книгу! *(Микеланджело возвращается к своей глыбе, долбит её и говорит, всё больше заводясь)* Я ваял «Давида» для площади Синьории, чтобы он стоял там в самом центре, чтобы его было видно отовсюду. А Леонардо — дивный и небесный! — признанный гений, член городского совета! — убрал её в Лоджию Ланци! Под крышу! К стене! Лишь бы её никто не видел. А «Давид», он же круглый, понимаешь? Круглый! Чтобы понять, что в его позе и напряжении, и уверенность в своих силах, и покой... его же надо рассматривать со всех сторон!

Микеланджело вдруг замечает, что Джорджо протягивает ему какой-то листок, который до этого он вынул из своей книги. Микеланджело перестаёт долбить, берёт листок.

Микеланджело. Что это?

Джорджо. Не узнаете?

Микеланджело. Мой «Давид». Хороший рисунок. Неужели твой, Джорджо?

Джорджо. Да что вы! Я же не умею рисовать! Прежде, чем прийти к вам, мастер Микеланджело, я был на площади Синьории. Там стоит множество статуй. Под открытым небом. И все они... в печальном состоянии. Голуби, дожди, ветра. Да и прохожие... Ваш «Давид» в лоджии Ланци... наш «Давид»... отлично сохранился. А ведь он стоит там уже пятьдесят лет!

Микеланджело. А! Ну, конечно! Теперь ты будешь меня уверять в том, что Леонардо спрятал «Давида» от зрителей, чтобы его сохранить? Это всё твои домыслы, Джорджо!

Джорджо. Этот рисунок дал мне милый старик Франческо Мельци. Я у него еле выпросил, чтобы показать вам. Это рисовал Леонардо да Винчи. Судя по формату странички — в тот самый свой блокнот. Это и есть мой подарок вам.

Микеланджело потрясён.

Джорджо. Он не питал ненависти ни к вам, ни к вашему «Давиду». Потому, что это — не мешок с орехами. А что касается страсти... Великий человек непостижим, мастер Микеланджело. Как вы непостижимы для меня. Потому, что я — не велик. Я не могу понять, как при вашем тонком вкусе, удивительном чувстве красоты и точном глазе, вы можете жить с этими тряпками... с этой пылью... с этой бочкой. Я думал, вы мне что-нибудь расскажете о тех, с кем были знакомы... Например, о Леонардо.

Чтобы мои жизнеописания не были такими мёртвыми. Но, очевидно, вы... великие... так же непостижимы друг для друга, как и для всех остальных. А может, вы друг друга и не видите... Я не знаю. Мне этого не понять никогда. Я могу лишь благоговейно наблюдать за вами, писать о вас, восхищаться. Но даже на сто локтей не приблизиться.

Джорджо идёт к столу, кладёт на него свою книгу.

Джорджо. Я вам оставлю. Раз уж привёз. Захотите погреться — можете сжечь, я разрешаю. (*слега кланяется*) Выздоровливайте, мастер. Вас ждут в Риме. Я знаю, у вас ещё много работы. Выздоровливайте.

Джорджо выходит. Потрясённый Микеланджело рассматривает рисунок.

3

Огромный зал в «Новом дворце» Медичи. Посреди зала, широко расставив ноги, стоит огромный рыцарь в доспехах. Это герцог флорентийский Козимо I Медичи. У него круглое лицо, он достаточно толст, но из-за большого роста это не очень заметно. У герцога глаза навыкате, он смотрит куда-то в сторону. Перед ним за мольбертом сидит художник Аньоло Бронзино, благообразный седобородый основательный человек, и пишет портрет Козимо. Тяжёлая тишина.

Козимо. Долго ещё?

Бронзино. Тише-тише-тише...

Козимо. Что — тише?

Бронзино. Вы мне мешаете, ваша светлость.

Козимо (капризно). В конце концов! Кто здесь герцог?

Бронзино. Вы, ваша светлость. И вам важно, чтобы портрет отражал всё ваше герцогское величие в глазах будущих поколений. А для этого необходимо полное сосредоточение.

Козимо. Два часа, Бронзино!

Бронзино. На молитве стоят дольше.

Козимо. Вы предлагаете мне молиться?

Бронзино. Да. От этого ваш взгляд станет только вдумчивей и глубже.

Козимо тяжело вздыхает. Снова несколько секунд тишины. Потом дверь распахивается, входит лорд-распорядитель Джанстефано Альби, стучит три раза посохом по полу.

Джанстефано. Мастер Джорджо Вазари!

Бронзино. Мы же просили нам не мешать!

Козимо. Это я велел доложить, мастер Аньоло. (Джанстефано) Зовите!

Бронзино недоволен, но покоряется. Входит Джорджо. Он кланяется герцогу.

Джорджо. Светлейший герцог! Для меня великое счастье лицезреть вас в добром здравии и благополучии, во всём блеске ваших военных...

Козимо. Довольно, синьор Вазари. Не так высокопарно. Во всём блеске я исключительно потому, что мастер Аньоло Бронзино пишет мой портрет. Вы знакомы?

Козимо делает жест в сторону Аньоло.

Бронзино. Ваша милость, умоляю, хотя бы не

шевелитесь!

Джорджо (*кланяется художнику*). Мастер Аньоло. Для меня огромная честь...

Бронзино (*нетерпеливо*). Да-да, мне тоже приятно. Я прошу вас, мастер Джорджо. Говорите с нашим светлейшим герцогом, не со мной. Он велит мне написать его портрет в очень сжатые сроки, но при этом не даёт мне того, что я прошу: тишины, сосредоточенности и тридцати часов позирования.

Козимо (*с тяжёлым вздохом*). Осталось двадцать шесть...

Джорджо. Знаете, дивный и небесный Леонардо да Винчи, не любил полного сосредоточения и тишины. Более того, он считал, что если модель во время сеанса скучает, то и картина выйдет тоскливой.

Бронзино (*сухо*). У каждого свои методы.

Джорджо. Когда он писал известный портрет жены торговца шёлком Джокондо, в его мастерской было множество музыкантов и шутов. Они развлекали мадонну Лизу своим искусством, и именно поэтому она так улыбается нам с портрета.

Козимо. Отличная идея!

Бронзино. У нас парадный портрет. Нам не нужна двусмысленная полуулыбка.

Козимо (*пропускает мимо ушей*). Джанстефано!

Входит лорд-распорядитель.

Козимо. Позови наших шутов.

Джанстефано. Светлейший герцог, они отдыхают... после вчерашнего...

Козимо. Хватит! Я же стою! Зови!

Джанстефано кланяется, уходит. Бронзино мрачнее тучи, его мазки становятся резче.

Козимо. Ну-ну, мастер Аньоло... Я обещаю не шевелиться... Итак, мастер Джорджо! Что привело вас к нам?

Джорджо (*немного растерян, кланяется*). При всём моём глубочайшем уважении ваша светлость...

Козимо. Да! Извините. Это я... после вчерашнего... Я помню, что это мы позвали вас. Палаццо Веккьо, знаете?

Джорджо. Как можно не знать?

Козимо. Пришла пора его перестроить. Это здание устарело прежде, чем его достроили. Правда, на долгие годы оно было заброшено. А теперь — негоже нам на главной площади Флоренции иметь недостроенное здание.

Джорджо. Я с удовольствием примусь за этот проект, ваша светлость.

Козимо. Да, и с фресками внутри Зала Пятисот... там есть Зал Пятисот, вы знаете? ...тоже надо будет что-то сделать.

Джорджо (*почти в священном ужасе*). Вы хотите, чтобы я их закончил? После Леонардо, после Микеланджело?

Козимо. О, нет! битва при Ангиари, битва при Кашине... Это было больше, чем сто лет назад! Кто о них помнит? Я хочу, чтобы вы написали новые. О наших победах.

Джорджо. А что же делать со старыми фресками?

Козимо. Убрать.

Джорджо. Как же их уберёшь? Они же на стене написаны...

Козимо. Закрасить, счистить... Синьор Вазари, в конце концов, художник — вы. Вам лучше знать, как их убрать...

Джорджо. Вы предлагаете их... уничтожить? Но ведь это — Леонардо!

Козимо (передразнивая). А вы — Джорджо!

Джорджо ошарашен. Джанстефано открывает дверь, входят музыканты и шуты. Шуты крутят сальто, жонглируют, музыканты играют.

Козимо. Так-то лучше.

Бронзино. Не шевелиться, не улыбаться!

Козимо. Мастер Аньоло!

Джорджо (погружён в себя, задумавшись). Не сердитесь на художника, синьор Козимо, это он в пылу работы. Видите, он даже, кажется, меня не слышит.

Козимо. Тяжело с вами, художниками. Так что же, мастер Джорджо, вы возьмётесь за это дело?

Джорджо. Я должен подумать.

Козимо. Мой нотариус, сер Алонсо, уже составил договор. Джанстефано! Условия очень и очень приличные!

Джанстефано подаёт Джорджо папку.

Джорджо (всё ещё в задумчивости). Я прочту.

Козимо. Вы что же, не доверяете Медичи?

Джорджо. Как можно, ваша светлость? Но мне необходимо подумать.

Джанстефано стучит посохом об пол.

Джанстефано. Посольство из Египта!

Козимо. Просите!

Бронзино. Ваша милость!

Козимо. Стою-стою!

Джанстефано. Наши египетские гости привезли подарок и просят, чтобы его светлость герцог флорентийский Козимо Первый Медичи выглянул в окно.

Козимо поворачивается и отшатывается — в окне торчит жующая морда жирафа.

Козимо. Господь всемогущий! Что это?

Бронзино. Ну, ваша милость!

Джорджо. Жираф.

Козимо. Диковинный зверь! Как интересно! На чём это он стоит?

Козимо подходит к окну.

Бронзино (отбрасывает кисть). Всё! Я отказываюсь... я не могу! Зовите, кого угодно! Я больше не в силах!

Козимо. Вы не поверите, синьоры! Он стоит на земле!

Козимо радуется как ребёнок. Звучит восточная музыка, в зал входят египетские гости, в диковинных одеждах, диковинно кланяются, Козимо встречает их с благосклонностью. Козимо, кажется, уже совсем забыл о Бронзино, тот насупившись сидит у своего мольберта. Джорджо подходит к Бронзино, кладёт руку ему на плечо, утешая.

4

Палаццо Веккьо. Зал Пятисот — огромный зал, в котором действительно могут поместиться

пятьсот человек. На одной стене (справа) — едва начатый эскиз «Битвы при Кашине» Микеланджело, а на другой напротив (слева) — законченная фреска Леонардо «Битва при Ангиари». Молодые художники в ряд сидят перед фреской Леонардо, копируют. Перед эскизом Микеланджело нет никого. Входит Маурицио, нагруженный мольбертами, палитрами, всякими принадлежностями художника. Маурицио оглядывается.

Маурицио. Опять этот зал...

Идёт в противоположную дверь. Художники, едва оглянувшись, улыбаются. Через секунду Маурицио возвращается.

Маурицио. Опять не туда... Слушайте, где этот Зал Маппамондо?

Художники машут руками на одну из дверей. Маурицио уходит. Но через секунду появляется снова.

Маурицио. Там нету... Там другой зал. С бюстом историка этого... как его...

Один из художников. Макиавелли?

Маурицио. Точно.

Один из художников. Всё правильно. Это Зал Канцелярии. Пройди его насквозь и попадёшь в зал Маппамондо.

Маурицио разворачивается, но не может найти, откуда он вышел. Тыкается раз, другой.

Художники (смеясь и указывая ему дорогу). Туда, туда...

Маурицио уходит, ворча.

Маурицио. Ничего нельзя найти в этом чёртовом дворце!

Маурицио скрывается. Через парадные двери входит Джорджо Вазари. При виде его художники вскакивают.

Джорджо. Работайте-работайте.

Художники легко кланяются Джорджо, садятся, продолжают работать. Джорджо проходит к эскизу Микеланджело. Быстро осматривает его. Потом подходит к фреске Леонардо. Здесь он стоит дольше. Входит Маурицио уже с пустыми руками.

Маурицио. О! Вернулся! Еле нашёл!

Джорджо. Тише, Маурицио!

Маурицио. Простите. Это не дворец — это Кносский лабиринт! Я три часа изучал его устройство по всем планам и макетам, и никак не могу прийти туда, куда мне нужно.

Джорджо. Значит, ты раздобыл макеты?

Маурицио (с гордостью). Да, мастер Джорджо. Они в зале Маппомондо. Там, где карты на стенах. Это (*не очень уверенно*) там... или там...

Джорджо. Хорошо. Принеси мне для начала чертежи.

Маурицио. Сюда?

Джорджо. Если можно.

Маурицио (с поклоном). Хорошо, синьор.

Он поворачивается, тыкается в одну дверь, потом в другую. Потом поворачивается за подсказкой к художникам, те, смеясь,

показывают ему дорогу. Джорджо тоже смеётся.

Джорджо. Простите моего ученика, синьоры. Он очень рассеян. Всё время всё теряет, а потом долго ищет. Мой дом постоянно оглашается его криками: «А где?..» Но кто ищет, тот обязательно найдёт.

Джорджо смотрит на фреску, потом на работы художников, идёт за их спинами. Останавливается за спиной одного из них.

Джорджо. Как вас зовут? Сидите!

Питер (*всё-таки встаёт и кланяется*). Питер, ваша милость.

Джорджо. Сидите, говорю вам, работайте.

Питер садится.

Джорджо. У вас интересный акцент. Откуда вы?

Питер. Из Фландрии.

Джорджо (*кивает*). Объясните мне, пожалуйста, Питер, почему вы все сидите здесь, а перед эскизом мастера Микеланджело никого нет?

Питер. Потому, что это эскиз. Есть его картон, его я уже копировал на прошлой неделе.

Джорджо. Покажете?

Питер роется в своей папке, которая стоит, прислонённая к стулу, подаёт Джорджо рисунок.

Джорджо. Интересно. У Микеланджело тела посуше... рельефнее. У вас они более... Плоти в них больше, что ли? Очень интересно... А здесь... (*Джорджо возвращается к копии «Битвы при Ангиари»*). Вот это место... вы считаете, что вы его закончили?

Питер. Да...

Джорджо. Но вы и здесь кое-что изменили.

Питер. Простите, мастер Джорджо. Просто мне показалось... Ну, нельзя же делать одно и то же выражение глаз у людей и у лошадей... Да и рты у них открыты ну совершенно одинаково. Мне кажется, Леонардо да Винчи просто допустил анатомическую ошибку.

Джорджо. Нет, Питер, не допустил. Анатомических ошибок мастер Леонардо не допускал. А насчёт одинаковых выражений... В этом и была его идея. В пылу войны люди, что животные, а животные заражаются яростью людей. В нас дремлет зверь, а когда просыпается, — он делается пострашнее льва.

Питер. Я переделаю.

Джорджо. Не обязательно. Это — ваше произведение. Леонардо — там.

Слышны крики Маурицио: «Мастер Джорджо! Мастер Джорджо!» Художники смеются.

Джорджо (кричит с улыбкой). Ау, Маурицио! Ау!

Художники смеются, входит Маурицио с папкой.

Маурицио. О! Вот вы где!

Подаёт Джорджо папку.

Джорджо. Спасибо.

Джорджо открывает папку. Рассматривает планы.

Маурицио. Здесь пока всё обойдёшь! Вот теперь мне понятно, почему Медичи отсюда переехали! Здесь же договоришься встретиться — и не встретишься. Положишь вещь в одном зале, а потом её ни в жисть не найдёшь. Так и будешь бродить и кричать: «А где?!»

Художники смеются.

Маурицио. Что? Чего вы смеётесь?

Джорджо. Отлично!

Маурицио. Что?

Джорджо (*отводит Маурицио в сторону*). Мы не будем уничтожать фреску Леонардо, Маурицио! Ни соскабливать, ни закрашивать...

Маурицио. А как же? Ведь вам герцог приказал...

Джорджо. Герцогов много. А Леонардо да Винчи один. Посмотри, Маурицио. Разве можно это уничтожить?

Джорджо возвращается к фреске, Маурицио идёт за ним.

Джорджо. В этом клубке тел, в бешеной каше Леонардо показал нам ход битвы... Как будто это не запечатлённый момент, а несколько моментов сразу... Целая история... Смотри! Этот пустил лошадь вскачь, ухватившись за древко, надеясь силой вырвать знамя у врагов, которые держат его крепко, вдвоём... Но товарищ того, первого, уже взмахнул саблей, чтобы отрубить обе руки, мешающие отобрать знамя! А внизу есть трус под щитом... Он даже меча не вынул из ножен! А вот последний миг солдата, которого сейчас убьют, а убийцу в следующее мгновение растопчет разъярённый конь... Это нельзя уничтожать, Маурицио. Я не Савонарола.

Джорджо замечает, что молодые художники его внимательно слушают. Маурицио теперь берёт за руку учителя и отводит в сторону.

Маурицио. Мастер Джорджо, но если вы откажетесь, герцог наймёт другого мастера, и тогда...

Джорджо. Кто сказал, что я откажусь? Нет, Маурицио. Я эту фреску спрячу. Спрятать, значит, сохранить!

Маурицио. Но как?

Джорджо. Мы построим тут стену... Новую стену на расстоянии в дюйм перед этой. На ней намалюем какое-нибудь сражение Медичи... А за ней в целости и сохранности останется «Битва при Ангиари».

Маурицио. Не выйдет, мастер Джорджо. Здесь же окна!

Джорджо. Замуруем!

Маурицио. Но как вы объясните?..

Джорджо (*в азарте*). Как-нибудь! Скажу, что надо изменить размеры зала, чтобы соблюдалась божественная пропорция золотого сечения!

Маурицио. А Микеланджело вы тоже спрячете?

Джорджо. Нет, это не нужно. Это эскиз, мастер не хочет, чтобы его эскизы сохранились. Только я тебя прошу, Маурицио, об этом никто не должен знать. Только ты и я.

Маурицио. Но как же тогда они найдут эту фреску?

Джорджо. Кто?

Маурицио. Потомки!

Джорджо. Что-нибудь придумают, Маурицио. Кто ищет, тот всегда найдёт. *Cerca Trova!*

Маурицио. Что же тут можно придумать? Как можно посмотреть сквозь стену?

Джорджо. При помощи какого-нибудь хитроумного устройства в духе мастера Леонардо. Кто знает, Маурицио? Но мы должны оставить такую возможность. (*показывает на плане*) Вот смотри...

Стена будет здесь...

Они увлечённо склоняются над планом.

В зал вдруг, заметно хромя, входит Микеланджело. Он в дорожной одежде, за ним идёт Урбино, несёт узелок. Художники поспешно вскакивают, начинают аплодировать. Микеланджело досадливо морщится, жестами утихомиривает их.

Микеланджело. Да не шумите вы! Не скачите, работайте!

Художники усаживаются, смущённо переглядываются, им неловко, что они сидят у фрески Леонардо, а у эскиза Микеланджело никого нет. К Микеланджело подходит, улыбаясь, Джорджо.

Джорджо. Учитель! Вам лучше?

Микеланджело. Да, стараниями Урбино я совершенно здоров.

Микеланджело подходит к своему эскизу.

Микеланджело. Надо же! Она ещё здесь. Лет сорок её не видел... Мешки с орехами... Да...

Урбино (убеждённо). Очень крепкая и интересная работа.

Микеланджело (кивает на художников). Даже они так не думают, Урбино...

Урбино пожимает плечами, рассматривает фреску.

Микеланджело. А я ведь пришёл с тобой попрощаться, Джорджо.

Микеланджело берёт Джорджо под руку,

отводит в сторону.

Джорджо. В Рим?

Микеланджело (*кивает*). Папа хочет купол на соборе святого Петра. (*Микеланджело оглядывается на замершего у фрески Урбино, говорит вполголоса*) Один вопрос. У Леонардо был ученик, звали его Джакомо... как дальше — не знаю. Леонардо звал его... Чертёнок.

Джорджо (*улыбается, но без злобы или насмешки, с пониманием*). Салаино.

Микеланджело. Да. Ты биограф, ты наверняка знаешь, что с ним стало.

Джорджо (*кивает*). Леонардо завещал ему виноградник за стенами Милана. Там Джакомо и жил. Женился.

Микеланджело (*бросив взгляд на Урбино*). Ну, да, понятно...

Джорджо. А через пять лет после смерти учителя Салаино зарезали в пьяной драке.

Микеланджело грустит.

Микеланджело. Ах, Джакомо! Если бы я знал!..

Микеланджело смотрит на свою фреску, идёт к ней.

Микеланджело (*Джорджо*). Смотри! (*показывает на одного из нарисованных обнажённых солдат*). Это он. Чертёнок.

Джорджо (*с азартом исследователя*). Правда?

Микеланджело вдруг натывается на ревнивый взгляд Урбино, улыбка спадает с его лица. Урбино разворачивается, стремительно выходит из зала.

Микеланджело. Урбино! Урбино, ты куда? Прости, Джорджо, я должен догнать своего... (*художникам*)

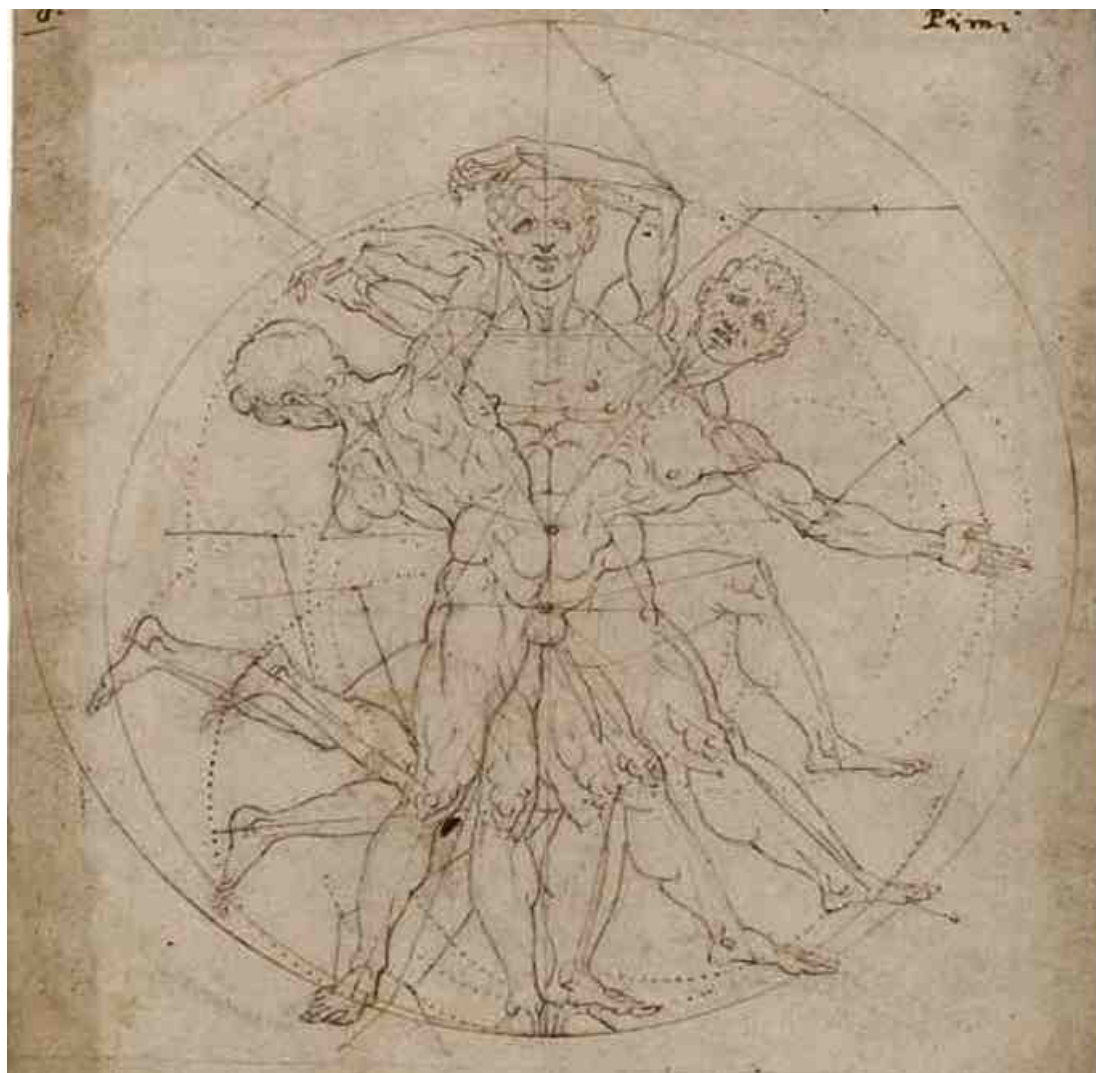
Простите, господа! А это (*махнул на «Битву обнажённых»*) не жалеет! Урбино!

Микеланджело, хоть и хромот, но весьма проворно бежит за слугой. Джорджо с улыбкой смотрит ему вслед, потом снова на фреску Микеланджело. К нему подходит Маурицио.

Маурицио. Мастер Джорджо... Но ведь для того, чтобы потомкам... в будущем... открыть «Битву при Ангиари» Леонардо... придётся снести стену и уничтожить вашу фреску!

Джорджо (задумчиво). А это не так важно, Маурицио. Это не так важно.

Занавес.

Гасан Салихов
драматург, член секретариата
Гильдии драматургов России

Подводя итоги конкурса
комедий
«СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ»

Дорогие друзья, поговорим сегодня об очередном конкурсе комедии «Смех сквозь слёзы», организатором которого ещё два года назад стала Гильдия драматургов России.

Легко ли выбирать? Нет! Выбирая ту или иную пьесу, хочется быть и оставаться справедливым по отношению ко всем присланным на конкурс работам. Может, какая-то из пьес мне понравилась более чем выбранная (выбирали по нескольким этапам), но она менее соответствовала данному конкурсу комедии. Увы, коллеги, это конкурс комедии, а не просто лучшей пьесы. Не мне объяснять, что и поведение героев, и диалоги должны быть не только эффектными, но ещё и вызывать эмоции, а в данном случае «смех сквозь слёзы». Я так думаю, что в комедии, если не каждая

страница, то точно каждая сцена должна заставлять нас смеяться. Но, к сожалению, в присланных на конкурс пьесах члены жюри (мы все по несколько раз общались по Скайпу, советовались и обсуждали те или иные пьесы) этого не увидели и не ощутили. И было принято решение, что ни одна из присланных работ не заслуживает звания победителя конкурса комедии «Смех сквозь слёзы» 2020 года. Только одной пьесе было решено присвоить звание лауреата конкурса «Смех сквозь слёзы», пьесе Андрея Бикетова из Ставрополя «Тяпкинский большой драматический театр». Здесь чувствуется и комедия, и раскрытие характеров, и неожиданная не тривиальная ситуация, сочный язык персонажей.

Андрей Бикетов
Лауреат конкурса «Смех сквозь слезы»- 2020 Гильдии драматургов России.
Драматург, поэт, эссеист, переводчик поэзии.

О том, как писалась пьеса.

Однажды я совершенно случайно узнал о существовании единственного в России Мотыгинского сельского театра. Казалось бы, про театр и театральных работников написана масса пьес, и ловить здесь совершенно нечего. Но чем больше узнавал об этом уникальном театре, тем интереснее становилось. Вот лишь несколько фактов: режиссер приезжает в маленький поселок в Сибири из Санкт-Петербурга. Здешний театр – участник и лауреат многих фестивалей, он известен за пределами России. При всем этом находится в старом деревянном здании, средства на ремонт туалета собирают через интернет всем миром, а за неимением портрета Станиславского его пишут с портрета Ленина. И я подумал: а что, если оттолкнуться от одного факта существования такого

театра, а все остальное дофантазировать? Как будет существовать условный сельский театр? Какое у него руководство, какой актерский состав? Как сложатся отношения с населением? И нужен ли, вообще, театр местным жителям, этого почти забытого богом таежного посёлка.

Андрей Бикетов
ТЯПКИНСКИЙ БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ
ТЕАТР

Действующие лица:

Пионеров, Окрошкина,

Фиолетов - актеры

Эллочка –сторож-билетер

Елена Санна – руководитель театра

Чемоданов –он же **Анатолий Евсеевич** - режиссер

Есения Петровна,

Анна Егоровна,

Олег Федорыч – сельские жители

Акт 1

Сцена 1.

Возле деревянного одноэтажного здания стоит корова, мычит и щиплет траву. Корова упитанная и невоспитанная. Это видно по ее черным лоснящимся далеко не худым бокам. Корова одобрительно мычит, смотря на вывеску на двери здания на бумажке маркером – «Тяпкинский театр». Ниже добавлено – «Большой тяпкинский». Еще ниже другим маркером – «Самый большой тяпкинский театр».

К корове подбегает Есения Петровна, в руке держит хворостину. Взмахивает хворостиной, шлепает ее по тому самому лоснящемуся боку. Корова ошалело гудит.

Есения Петровна. Гуляка, гулена, провинница, проказница, паскудница, безобразница. Маргаритка, куда сунулась? Вывеску почто сожрала? Нешто зеленым

на ней написано... Это изба важная, не видишь, безмозглая? Букверя какие на ней имелись, а? Все сожрала? Вот что это за изба такая? Нет, не председателя сельсовета, он в домике побогаче, знамо дело. Заместителя его? Нет, не заместителя. А, Маргаритка? Я-то знаю, театр это. Для пользы бестолочью неграмотной притворюсь, а ты шороху наведешь! Мычи давай, да погромче, пока репетируют! Ну! Молчишь чего?

Маргаритка недоуменно мычит. Из театра выходит Елена Санна, хмурит брови.

Елена Санна. Бабушка, скажите коровушке своей – ей на шашлык пора. От репетиции отвлекает.

Есения Петровна. А репетируете чего?

Елена Санна. Классику. Горького.

Есения Петровна. Горький перец у меня. На сенях пару чекушек еще – от деда своего прячу.

Елена Санна. Вас как звать?

Есения Петровна. Зови Есенией Петровной.

Елена Санна. Я Елена Санна, театром руковожу.

Есения Петровна. Театром? Оно тебе надо?

Елена Санна. Вы, Есения Петровна, к культуре должны тянуться. Чтобы к лучу света ближе в темном царстве.

Есения Петровна. Это мы, темнота, значит. Оно понятно – в консерваториях ваших не воспитывались.

Елена Санна. В каких консерваториях? Я училась во ВГИКе.

Есения Петровна. Чего?

Елена Санна. ВГИК.

Есения Петровна. Чего, чего?

Елена Санна. Издеваетесь? ВГИК.

Есения Петровна. Не поняла я.

Елена Санна. Не удивительно. Пять классов если церковно-приходской школы.

Есения Петровна. А в церковно-приходской школе грамотными раньше были. Столько знали – вам сейчас не под силу.

Елена Санна. Поговорили – и ладно. Коровушку-буренушку свою с нашей территории уберите. Мешает.

Есения Петровна. Где написано, что ваша?

Общественная земля, заборами не огорожена. Трава вон она мясистая, сочень. Сама бы ела, да желудок пучит.

Елена Санна. Вам что надо?

Есения Петровна. Контрамарку давай.

Елена Санна. А я поняла, что вы необразованные, и про театр наш ни сном, ни духом.

Есения Петровна. Думала она! Я Горького страсть люблю. Да на пенсию нашу старческую не шибко набегаешься к вам. Вот Маргаритку сюда и загнала. Авось бы она на голову вас, театральных, подняла.

Елена Санна. На спектакль не могу. Давайте на репетицию.

Есения Петровна. Репетиция когда?

Елена Санна. Сейчас. Да как же вы пойдете? За коровой кто приглядит?

Есения Петровна. Эх, дочка! А веревка за поясом мне зачем?

Есения Петровна разматывает с пояса веревку. Корова не обращает внимания, поедает траву дальше.

Елена Санна. Так не пойдет. Дальше вяжите, за нашей территорией.

Есения Петровна (*вздыхает*) И в кого вы вредными уродились? Раньше ни хлопот, ни забот. На тебе – политику поменяли от учреждения.

Есения Петровна утягивает недовольную корову, Елена Санна удивленно смотрит ей вслед.

Сцена 2.

Фойе Тяпкинского театра. Небольшое помещение с бубликами и баранками на нитках, с самоварами, старыми вещами, луком в сетках. На деревянных стенках – портреты в виде вышивки и вязаные цветочки. За стойкой Эллочка, ее обязанность пускать зрителей в зал, проверять билеты, сторожить ночами. На репетицию пришли Есения Петровна, Анна Егоровна и Олег Федорыч.

Есения Петровна. Олег Федорыч, приятно польщена. Анна Егоровна, приветствую.

Анна Егоровна. Добрались мы дотеатру, как собаки до кости. Эллочка, спасибо, что пропустила. Родственница у меня, работает, должность какую занимает.

Эллочка краснеет, готова со стыда провалиться.

Олег Федорыч. Есения Петровна, также сердечно рад, мое тебе почтение. (*Подходит, церемонно перецеловывается с Анной Егоровной и Есенией Петровной*) Какое же для меня счастье – находиться в цветнике, в райском месте с прекрасными девушками.

(Анна Егоровна хихикает, Есения Петровна горделиво приосанивается)

Есения Петровна. А мы такие. Красавицы-рукодельницы. Борщи какие варим! На зависть! Захаживай, Федорыч!

Олег Федорыч. Оно зашел бы, да дед твой Иван больно ревнивый. Обниму тебя нечаянно за фигуру, а он сунет мне ненароком вилы под ребро.

Есения Петровна. Ты отчаянный мужик, Федорыч. Сколько лет стукнуло, а все специалист по женскому коллективу.

Олег Федорыч. Да не по женскому коллективу, а по бабам. Так оно точнее.

Анна Егоровна. А как я наряжалась в театру! Юбку самую новую поднадевалана сарафан – до полу почти что, сроду бы на нацепила. Душа – она же требует, праздник ей подавай, окаянной! Ну, и принарядилась.

Есения Петровна. Ох, и хороша же ты, Егоровна! Что ягодка наливная! Или что наливка ягодная. Оно разницы особой нету.

Анна Егоровна. А то! Я по молодости по улке носилась живо – мужики зырк на меня искоса. Потом опять – зырк. Глаза себе поломали. А я, вишь, и нынче сохранилась порядком. Бюст у меня натуральный, кожа – шелковая, шея уточкой.

Есения Петровна. Твоя правда.

Олег Федорыч. Что репетируют сегодня?

Есения Петровна. Горького.

Олег Федорыч. А что у него – у Горького?

Есения Петровна. «Горе от ума» наверное.

Анна Егоровна. Темнота. «Горе от ума» Чехов написал.

Олег Федорыч. Удивляюсь я вам, бабы. Уж Гоголя не знать – это кем надо быть!

Есения Петровна. Знаем мы твоего Гоголя, в школе проходили. Не «Горе от ума», значит. Другое.

Эллочка. «На дне». «На дне» Горького.

Олег Федорыч. На дне – так на дне. Не на сваях – и то хорошо.

Эллочка. Хочу предупредить вас всех – на представлении нельзя громко говорить, отвечать по телефону. Отключите их заранее. Актерам нравится, когда культурно зрители сидят. Без приключений. Есения Петровна, вас касается в первую очередь.

Есения Петровна. Что я? Культурная, нашимсельюкам в пример.

Анна Егоровна. Известно нам, милочка, про твою культуру. Другим уши законопачивай! Когда на одном спектакле сковороду заприметила, в антракте сунула под кресло. Актеры сцену вверх дном из-за тебя перевернули!

Есения Петровна. Это я случайным образом.

Анна Егоровна. Ага, случайно ноги у посуды вырастают! Другим пой!

Эллочка. Второй звонок. Будьте готовы.

Олег Федорыч. Мы само благожелание.

Анна Егоровна. Приобщимся в момент к культуре. Поцелуем ее, так сказать, в самую талантушку!

Сцена 3

Театральная сцена. За первым рядом сидят Олег Федорыч, Есения Петровна, Анна Егоровна и

руководитель – Елена Санна. На сцене актеры Тяпкинского театра – Пионеров, Окрошкина.

Пионеров (*читает с листка*) «Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский, — не подумаю замуж за него идти».

Окрошкина. «Врешь!»

Елена Санна. Вы что, об дуб головой треснулись, что ли? Окрошкина читает за Квашню. А Пионеров читает за Клеща.

Окрошкина. А Фиолетов где? Ему за Барона читать.

Елена Санна. Фиолетовна пашне. Тракторист он в поселке знатный. Как в первый раз замужем.

Окрошкина. Дык в третий уже! И детей у меня трое!

Елена Санна. Хоть пятеро. Читайте дальше.

Пионеров. А как без него читать? Тут через слово его слова говорить надо. Тупик.

Есения Петровна. Подумай, какая у них любовь, в спектакле!

Анна Егоровна. Искусство – оно самое! Куда уж нам скудным своим мозгом.

Есения Петровна. Целый американский принц! Вот же подвезло бабенке!

Анна Егоровна. Ишь ты.

Есения Петровна. Американский. С американским паспортом. Обитает в Америке в самом дорогом городе. И денег у него вагон. Как бы я с ним пожила, ух, как бы я с ним пожила!

Олег Фёдорович. Я бы предположил, аккуратно совсем

предположил. Американцам у нас делать в селе особо нечего. Оно правильно – колу в магазине не купишь, ранчейна приусадебном хозяйстве не завели, с пистолетов не стреляем опять же по людям. Скукотав нашем селе для них. А актер произнес – это же художественное слово, мы ценить должны.

Елена Санна. Пассажиры с Камчатки, мешаете! Можно потише?

Есения Петровна. Можно-то можно. Да только принц с Америки без меня как будет? Ему крепкая баба нужна, психологически устойчивая. Я совершенно точно подойду, на меня вся надежда. Американских языков не понимаю. Мне и не шибко надо, без языковшпрехаю – за щеки не оттащишь. И жестами объяснить могу, чего и когда. Американец! Ты что в этой Квашне нашел? Я женщина в расцвете, привлекательная, с размахом. Дыхну страстно – посельчане штабелями под забором складываются. На фиг сдалась тебе Квашня? Ты бабушку опытную выбирай, голосуй сердцем.

Елена Санна. Ну, невозможно же! Вы откуда нарисовались, товарищ зрительница?

Есения Петровна. С нашего села, с улицы Пролетарской, а дом, стало быть, 71. Цифирь 71 над домом вкручена, найти меня – что в носу поковырять. Улица Пролетарская очень знаменитая. У нас однажды почтальон полупьяный с мотоцикла упал и поломал палец на руке. Орал – за километр слышали. Вот мы на нем и прославились. Головокружения от известности не ощущаем, несем верность коммунистическим идеалам.

Государство переменялось, а внутри мы все так же молоды.

Елена Санна. Как сто пятьдесят лет тому назад.

Есения Петровна. Остра ты, милочка, на язык речь наматывать.

Елена Санна. Не мешайте репетиции.

Есения Петровна. Не собиралась даже. Дай о принцах хоть минутку помечтать! Оно для этого чудо и придумали – театр.

Елена Санна. Для вас придумали, чтобы вы слюни по мужскому полу по губам растирали.

Есения Петровна. Не, ты посмотри на нее, а! Егоровна! Что за сухофрукт?

Елена Санна. Я директор учреждения!

Есения Петровна. Директор! А представляешь ли ты, директор, какие страсти на сцене булькают? Они же подгорают на той самой сковороде, что я из театру ненароком умыкнула!

Олег Федорыч. Дико извиняюсь, но мне актеров бы любопытно послушать. Затем сюда и явился.

Есения Петровна. Каких еще актеров? Ты же нам, молодухам, комплиментов наделал! Актеры ему понадобились! Давай, Федорыч, определяйся уже, что тебе важнее – девка вот та невзрачная в исподнем или голубцы у меня в гостях!

Олег Федорыч. Выбираю голубцы. И стопочку с запотевшей беленькой.

Есения Петровна. Вот оно! Вот национальное самосознание!

Окрошкина. Нам бы как-то продолжать. Елена Санна!

Елена Санна. Есения Петровна, выйдите. Репетицию срываете.

Есения Петровна. Больно надо.

Елена Санна. Сидите, а мы молчать будем. На вас смотреть.

Есения Петровна. Подумаешь, провинилась. Я же действие только разогреваю, чтобы антураж соответствующий.

Елена Санна. Дверь.

Есения Петровна. Пожалеете еще, что выгнали. Упросите со слезами, и то не поведуся.

(Возмущаясь, встает, покидает зрительный зал)

Елена Санна. Больше никто замуж за американца не хочет?

Олег Федорыч и Анна Егоровна отрицательно машут головами). Продолжаем.

Окрошкина. Дык как продолжить? Фиолетов прохлаждается, повторяю я вам. Барона играть некому. Там реплики его центральные.

Елена Санна. Ну, я его заменю тогда. Буду Бароном.

Пионеров. С повышеньцем вас, Елена Санна.

Окрошкина. Ой, Пионеров! Ой, запел! А что за привычка – перед начальством выслуживаться? В режиссеры в будущем метишь? Признавайся!

Пионеров. Ничего не мечу!

Окрошкина. Еще как мечешь! Из штанов своих вылазишь!

Пионеров. Очень уж мне хочется!

Окрошкина. Так хочется, что пляшешь на сцене перед Еленой Санной! Скоморошиничаешь, бубенчиками

потрясываешь! Балалайку в зубы и запевай частушки!
Елена Санна. Товарищ Окрошкина, к дисциплине! Что за день сегодня – все с цепи сорвались. Где режиссер, Чемоданов?

Пионеров. На чемоданах. Москву покорять собирается, сами же ему увольнительную подписали.

Елена Санна. Подписала. Да по договору он две недели еще должен отрабатывать. Вот Чемоданов! Вот хлыст!

Окрошкина. Москва зовет, притягивает к себе самых способных. Таких, какнаш **Чемоданов.** Приедет, ему дорожку ковровую расстелют, встретят с цветами и овациями.

Елена Санна. Невозможно! Бардак в моем учреждении! Отменяю репетицию. Расходимся, расходимся, господа зрители.

(Анна Егоровна, Олег Федорыч вскакивают с кресел, начинают шуметь).

К порядку! К порядку, я вас умоляю!

Анна Егоровна. Вылезли на культуру – сорняки на грядку. А вы нас тяпкинской сельской тяпкой под самую тяпку!

Олег Федорыч. Под горлышко, под кадык, под самое святое! Как вам не стыдно!

Анна Егоровна. Имейте вы совесть!

Олег Федорыч. Спектаклю ждал как именины!

Елена Санна. Расходимся! Тушим свет в зале!

Сцена 4

Есения Петровна лазит по траве, кличет корову.

Есения Петровна. Маргаритка! Кормилица! Куда подевалась? Не сердись, я окультуривалась, пока ты мураву пережевывала. Играли неважно, мне про принца в основном понравилось про американского. Да не сложилось у них как-то, одно слово – Квашня. Ты веревку рогом, что ли отвязала? Искать где тебя теперь? Бурееенка!

Ответа нет, внизу валяется веревка, привязанная одной стороной к ветке. Рядом слышится пыхтение, появляется Анна Егоровна, с ней Олег Федорыч.

Анна Егоровна. Есения Петровна, что у тебя за печаль? Насилу нашли тебя, по округе как следует обкричались.

Есения Петровна. Корова моя... Маргаритушка. Сгинула! Привязь сняла и в бега.

Анна Егоровна. Эко тебя огорошило. Где ее искать теперь?

Есения Петровна. Где ее сыщешь? У нас народ в селе ушлый донельзя. Присвоит, украдет, заграбастает мою корову. Пиши пропало.

Олег Федорыч. Беда так беда. Сочувствую тебе, Есения Петровна.

Есения Петровна. На том спасибо. Что-то давление, кажется, подскочило.

Олег Федорыч. Присядьмаленько. Охолонись.

Есения Петровна. Куды же я присяду? На коленки тебе, что ль?

Олег Федорыч. Оно не подумал я. Действительно, куда.

Анна Егоровна. У меня мысля возникла. Ох, держись,

Есения Петровна!

Есения Петровна. А ну, какая? Давай, кота не тяни за ус!

Анна Егоровна. Погодь, примеряюсь пока.

Есения Петровна. Тьфу на тебе три раза.

Анна Егоровна. Все, примерилась!

Есения Петровна. Ну?

Анна Егоровна. А что, если ее театралы у тебя украли?

Есения Петровна. Им зачем? Они люди воздушные – им Гоголя подавай на сливочном масле.

Анна Егоровна. Припоминай, может, у тебя недоразумение какое с ними вышло.

Есения Петровна. Погодь, погодь. Подобралось такое. Главная по театру, Елена Санна, ругала сегодня мою Маргаритку, что пасется там, где не надо. Вот она, точно, она сперла.

Анна Егоровна. Шибко сердилась?

Есения Петровна. Позеленела вся от злости. Глаза выпучила, лягушкой надулась. Мегера.

Анна Егоровна. Вот, мыслить умеешь ведь масштабно! Украли у тебя корову, театральные и украли.

Олег Федорыч. Как бы помягче вам... Зачем им воровство такое нужно? Это же скандал, разбирательства.

Анна Егоровна. Точно они, чуем своим чую!

Есения Петровна. Глядь, бесовщина актерская! Чего натворили? Чего натворили, спрашиваю? Тютюнники, шапкин мех, тля бесполезная! Да я их, что белье после стирки прополоскаю и выжму! Да я их медом намажу и в лесу оставлю медведей дожидаться!

Олег Федорыч. Вынужден откланяться – слишком много неотложных забот. Не поминайте лихом.

Есения Петровна. Стоять! Ты, Олег Федорович, что разведчик после большого шухера. Схорониться норовишь.

Олег Федорович. Устал что-то я. Спину ломит, плечо прихватило. Непогода, она, проклятая.

Есения Петровна. А, может, потому, что ты нас оставить хочешь? Женская фантазия – она беспощадная.

Олег Федорыч. Потому и боюсь.

Анна Егоровна. Нет уж! Ты про преступление знаешь, потомус нами повязан.

Олег Федорыч. Какое преступление? Никакого преступления не было!

Есения Петровна. Не было, получается! Маргариту мою без повода увели, и никакого преступления! Если у тебя, Федорыч, калоши увести, ты возмутишься?

Олег Федорыч. Неа.

Есения Петровна. А курицу из загона вытащить?

Олег Федорыч. Да не.

Анна Егоровна. Олег Федорыч, а аппарат самогонный?

Олег Федорыч. Я очень даже понимающий. Очень.

Анна Егоровна. Дак стой и молчи тогда. И оставлять нас не вздумай.

Олег Федорыч. Никакого романтизму. Никакого патриотизму. Вымирает лучший люд, вымирает.

Есения Петровна. Цыть! Не шкни! Воров следует наказать. У меня помощники есть – детектив Анискин закачается.

Олег Федорыч. В противозаконных мероприятиях участвовать не намерен. Так и запишите себе на лбу! У меня характер!

Есения Петровна. Ну, ты на него глянь! Характер у него! А бабе обнакновенной, русской помочь – принципы твои где, правдоруб?

Анна Егоровна. Эх, ты, Федорыч! А еще лыцарь называется! Ты беде соседской содействовать вовсе хворый?

Олег Федорыч. Есения Петровна, любезная. Честно скажи, что ты им за гадость приготовила.

Есения Петровна. Не знаю пока. Думаю.

Анна Егоровна. Не время думать. Время действовать.

Есения Петровна. Не управлюсь я одна. Мне подельники нужны. Вы со мной?

Анна Егоровна. Мы как пальцы одной руки, и прутья одного веника. Рассчитывай на меня, подруга.

Олег Федорыч молчит, Анна Егоровна и Есения Петровна поедают его глазами.

Олег Федорыч. Что?

Анна Егоровна. Ты нам скажешь чего, или в молчанку будешь играть?

Олег Федорыч. Скажу. Деваться некуда – пропадать так пропадать.

Анна Егоровна. Это мои слова, когда замуж выходила.

Сцена 5

Режиссер Чемоданов появляется в театральном фойе. Он где-то как следует надрался – еле держится в стоячем положении.

Эллочка. Анатолий Евсеевич, вы? Мы решили, что вы в Москву укатили.

Чемоданов. Зубы скалите? Упиваетесь победой над бедным Чемодановым? Я вам этого не прощу! Уехать не успел, до гардеробщиков меня понизили. Главный режиссер Большого Тяпкинского Драматического театра явился, а билетер ведет себя, как продавщица на ярмарке. Это что в вотчине моей происходит? Распоясались, расхлябались, берега потеряли. Сволочи! Упыри! Зарплаты лишу, заставлю играть ростовые фигуры на заднике!

Эллочка. Что-то со спиртным вы слишком крепко обнимались. Ароматы ванили повсюду.

Чемоданов. А меня не уволили. Чемоданова никто уволить не может. Чемоданов сам кого хочешь уволит. Мирового уровня режиссер, село Тяпкино до неба меня перевозносить должно.

Эллочка. Вы пьете, когда закусываете?

Чемоданов. Мы за первую колею на поле немножечко пригубили.

Эллочка. А завтра за другое поле пригубите, а послезавтра за третье.

Чемоданов. Понимаешь ты много. Да мы с Фиолетовым... Фиолетов – европейского уровня человек, умный, понимающий. Золото, только что на земле иногда валяется.

Эллочка. А где сейчас Фиолетов?

Чемоданов. Отдыхает парень. Устал после пахоты. Устал неимоверно. Стаканом стучать после каждого тоста – психологическая устойчивость нужна.

Эллочка. Не появится он? Елене Санне так и передать?

Чемоданов. Я тебе передам! Снежную королеву играть хочешь? А, глаз у тебя задергался! Я столько всего могу, у меня власть! Со мной повежливее!

В фойе появляются Пионеров и Окрошкина после неудачной репетиции.

Пионеров. Анатолий Евсеевич, какой сюрприз!

Окрошкина. Какая приятная неожиданность!

Пионеров показывает Окрошкиной, будто его вот-вот вырвет.

Пионеров. Скучаем без нашего мэтра и наставника!

Окрошкина. Умираем просто без ваших мудрых советов.

Чемоданов. Хватит! Понял я, не глупый. Я тоже вас люблю без меры. Бездельники и лентяи, гнать бы из моего театра в три шеи, да жалко вас.

Появляется Елена Санна.

Елена Санна. Чемоданов! Это где же тебя так раздавило?

Чемоданов. Елена Санна, приятненько. Я репетировать со своими дворовыми собираюсь.

Елена Санна. Хватит, нарепетировался. Лыка не вяжешь.

Чемоданов. Выпил чуть-чуть. Для храбрости.

Поругались мы с вами, вещи почти собрал.

Елена Санна. Что же не уехал, Чемоданов? Совесть взыграла?

Чемоданов. Какая совесть? О чем вы? Я здесь, чтобы открыто вам заявить, заявить ничуть не боясь – в Тяпкинском большом драматическом театре меня не

ценят! Меня, режиссера, который поставил «Усадьбу в Кафтанчиково», «Два лета и один гусь». Меня, который является настоящим театральным стратегом и инженером душ человеческих. Не ценят! Вот и выпил я с досады. Капелюшечку ничтожную. Самую-самую чуточку.

Елена Санна. Где Фиолетов?

Чемоданов. Отсыпается парнишка. Немыслимый актер и собеседник. Михаил Щепкин и Михаил опять же Чехов во плоти (*громко икает*). Спаситель мой истинный! (*громко икает*) Повезло сойтись с человецищем!

Елена Санна. (*плаксивым голосом*) Надоели, ей-Богу! Куда же от вас спрятаться, а? Чтоб потеряться и не найти?

Окрошкина. Елена Санна, не прячьтесь. За театром кто следить будет?

Елена Санна. Да вот этот – режиссер без мозгов с пулей в голове. Пусть он с вами управляется.

Пионеров. Нет, вы нас с ним на один не оставляйте. Как хотите наказывайте, а с Чемодановым не надо.

Чемоданов. Упыри-шабашники! Вы режиссера своего не принимаете? Выгоню, выгоню же я вас! По улицам пойдете на сухари просить!

Елена Санна. Никого не выгонишь, Чемоданов. Ступай проспись.

Эллочка. Елена Санна!

Елена Санна. Эллочка, что?

Эллочка. В отпуск можно? Страсть в отпуск замечталось!

Елена Санна. По собственному. Не по графику.

Эллочка. Ну, будьте же милосердной.

Елена Санна. Буду. Когда-нибудь.

Чемоданов. Давайте репетировать! Всем репетировать! Буль-буль-буль! Наливайте... Ой, называйте драматурга, сейчас мы его оприходуем. Под хлебушек.

Елена Санна (*обращается к Пионерову и к Окрошкиной*). Сделайте мне одолжение! Окрошкина, доведите вы товарища Чемоданова до дома! Не в кондиции он сегодня, пострадал в неравной борьбе с зеленым змием.

Окрошкина. Мы с радостью.

Пионеров. Всегда мечтали, собственно.

(*Берут Чемоданова под руки*).

Чемоданов (*пытается вырваться*). Ироды, изменники! Куда прете против самого гениального режиссера современности? Да казнить вас мало! Буржуи недорезанные! Не мешайте творить искусство! Прочь, прочь!

(*Окрошкина и Пионеров вытаскивают Чемоданова из театра, ведут домой*).

Акт 2.

Сцена 6

Тяпкинский театр, поздняя ночь. В фойе пробираются Анна Егоровна, Есения Петровна и Олег Федорыч. На голове у Анны Егоровны и Есении Петровны маски из колготок, Олег Федорыч свою маску снял.

Анна Егоровна. Олег Федорыч, ты что, подставить нас решил! Надевай маску!

Олег Федорыч. Не надену. Колготки противные, брови от них чешутся.

Есения Петровна. Дак почеши.

Олег Федорыч. Я в них ничего не вижу.

Анна Егоровна. Чеши тогда наугад.

Есения Петровна идет наощупь к фойе, бьется головой об стену на входе в театр. Олег Федорыч и Анна Егоровна ее поднимают.

Есения Петровна. Ой, как кукушка задрожала!

Медным тазом гудит.

Анна Егоровна. Осторожней, осторожней, неуловимая мстительница.

Есения Петровна. Уууу, стена деревянная! Вот подлюка, на макушку налетела!

Чешет волосы под колготками.

Олег Федорыч. У них открыто.

Анна Егоровна. Открыто, Есенюшка!

Есения Петровна. Кто там может?

Анна Егоровна. Кто бы не приключился, нас не опознают. Олег Федорыч, надень колготки!

Олег Федорыч. Это чтобы черепушкой тоже как следует треснуться?

Есения Петровна. Ууууу! (*чешет голову*)

Анна Егоровна. Значит, так! Там шевеление какое-то. Значит, дежурят. Набираемся храбрости!

Олег Федорыч. Отпустите! Не губите! Кредит у меня, детишек двое маленьких!

Анна Егоровна. Тебе годков сколько исполнилось? Что за маленькие детишки?

Олег Федорыч. Соврать уже нельзя!

Анна Егоровна. Правду, правду как на духу! А ну-ка, спой гимн «Комсомола».

Есения Петровна (*чесет голову*). Ууууууу!

Анна Егоровна. Возьми себя в руки! Мы не на мстителей похожи, а на трех старичков, которым забыли поднести корвалол. Сжали кулаки!

Олег Федорыч. Погибать наступило время. Прощайте, сенцы. Прощайте, теплые носки, зашитые на пятках. Прощай, место, нагретое возле телевизора с седушкой. Пожил свое Федорыч, упрел вконец.

Анна Егоровна. Будьты мужиком! Слюни почему распускаешь? Соберись! Ну!

Олег Федорыч. Дома у меня жена тефтельки такие вкусные готовит! На пару, с чесночком! Не попробую больше!

Анна Егоровна (*трясет Олега Федорыча за плечи*). Успокойся ты, знаток приключений! Ты нам малину всю портишь! Ноешь при честном народе, сопли по носу размазываешь!

Олег Федорыч. Если что, я не виноватый! Так в протоколе потом и запишите.

Есения Петровна. В каком еще протоколе?

Олег Федорыч. В криминальном.

Анна Егоровна. Экий невозможный ты селюк.

Есения Петровна. Вперед, на танки!

Все втроем заходят в фойе, на головах колготки. В фойе горит свет, Эллочка за столом, читает модный журнал.

Эллочка. А вы кто? Как вы у нас оказались?

Анна Егоровна. Мимо пробежали, подумали, а чего

ночью театру нам не посетить.

Эллочка. Голос знакомый. Тетя Аня, вы?

Анна Егоровна (*пытается говорить басом*). Нет. Никакая я не тетя Аня. Обозналась ты, девочка.

Эллочка. Тетя Аня, вы что забыли у нас? А спутники ваши кто? Есения Петровна и Олег Федорыч?

Все трое снимают колготки.

Есения Петровна. Раскусила ты нас, Эллочка. Как соленые огурцы.

Эллочка. А то. Абы кого на мою должность не поставят.

Анна Егоровна. Эллочка, нам на сцену надобно.

Эллочка. Я вас не пущу, извините. У меня по инструкции не положено пускать.

Анна Егоровна. У Есении Петровны брошка оторвалась да под сиденье закатилась.

Эллочка. Все понимаю, пропустить – не пропущу.

Анна Егоровна. Нет у тебя сострадания к бедной женщине.

Есения Петровна картинно плачет перед Эллочкой.

Эллочка. Ладно, проходите. Да только быстро.

Есения Петровна. Спасибо, родненькая.

Сцена 7

Утро в Тяпкинском театре. Театральная сцена. Чемоданов, Пионеров и Окрошкина.

Чемоданов. Приступаем к репетиции. Пошла, зазнобушка. Играть весело, остроумно, задорно, пламенно, с огоньком.

Пионеров. Так я раньше сроку сгорю, словно спичка.

Чемоданов. Если бы. Нет в вас изюминки театральной. А без изюма булку жевать скучно.

Окрошкина. Мне кем сегодня?

Чемоданов. Играешь за Клеща, а Пионеров за Квашню.

Окрошкина. А зачем вы нас местами меняете?

Чемоданов. Интереснее будет зрителю.

Пионеров. Анатолий Евсеевич, вы без аперитива соизволили. Как понимать?

Чемоданов. Премьера – она не за горами, Пионеров. Зритель набьется, станешь бекать, мекать, руководителя своего подводить.

Пионеров. Да нормально текст я знаю.

Окрошкина. Я тоже готовилась.

Чемоданов. Ага, занятная история. Любой актер – лентяй, пройдоха, постоянно пытается режиссера вокруг пальца провести. Приступаем. (*принюхивается, его смущает странный запах*) Это что за шанель?

Пионеров. Навозом тянет. Похоже как коровяком.

Окрошкина. А вон паркет измазюкан в чем-то темном.

Чемоданов (*наклоняется, нюхает*). Действительно, коровяк. Как он здесь оказался?

Окрошкина. Мы не знаем. Вчера вас до дома довели, потом сами разбрелись кто куда.

Чемоданов. А коровяк, выходит, сам собой намазался на паркет? Как икра на бутерброд?

Окрошкина. Получается, сам.

Чемоданов. Забавненько. Сам намазался, сам припахивать стал.

Пионеров. А если с солидолом перепутали?

Окрошкина. Какой толк? Солидол зачем по сцене размазывать?

Чемоданов. Конечно, с солидолом. Никакой разницы.

Окрошкина. Тут корова недавно ходила поблизости. Мычала на километр. Рупор – не корова.

Чемоданов. И что?

Окрошкина. Получается, она потеряла.

Чемоданов. Как потеряла?

Окрошкина. Ну, как коровы теряют. Идет по полю, вдруг – шлеп на землю. И потеряла.

Пионеров. Серьезно? А сюда она каким образом проникла? По паспорту ее пустили? Копытом ручку провернула дверную и зашла?

Окрошкина. Современные коровы – они начитанные, образованные. Мало ли, вдруг умеют. Говорят, медведя можно научить мотоцикл водить.

Чемоданов. А корову – управлять самолетом. Согласен. *(подозрительно смотрит на актёров)* Что, если вы это все затеяли? Устроили тихий саботаж, роли не вызубрили. И глупый способ изобрели слинять от работы.

Пионеров. Оно, наверное, теоретически возможно. Да только Эллочка в фойе вчера всю ночь на посту была. Мимо нее просто так не проскочишь.

Чемоданов. Эллочка оставалась. Интересненько.

Сцена 8.

Театральное фойе. ЕленаСанна, Чемоданов и Эллочка.

Чемоданов. Любезная Элла... Как вас по отчеству?

Эллочка. Неважно. Просто Эллочка.

Чемоданов. Итак, просто Эллочка. Не подскажете ли нам с Еленой Санной, а чем вы вчера у нас в театре занимались?

Эллочка. Выполняла обязанности.

Чемоданов. Понятно-понятно.

Елена Санна. Никуда не отлучалась?

Эллочка. Никуда.

Елена Санна. Даже на минуту?

Эллочка. Даже на минуту.

Елена Санна. Не стыдно обманывать? Мы в курсе, что ты кого-то прикрываешь!

Чемоданов. Тихо, Елена Санна. Мы начальство не грубое, а начальство справедливое. Раз просто Эллочка утверждает, что никого не пропускала, так оно и есть. Мы же поверим ей на слово, верно?

Елена Санна подозрительно косится.

Чемоданов. Снежную королеву, как мне кажется, вы очень плохо бы сыграли. А в отпуск вам нужно в декабре. Такое у нас мнение. Верно, Елена Санна?

Елена Санна. Совершенно верно.

Чемоданов. Вы – сотрудник исполнительный. Исполнительность надо поощрять. Вот мы и поощряем.

Эллочка. Поняла. Понятливая. Вчера поздно приходили Анна Егоровна с компанией. **Есения Петровна** брошь потеряла во время репетиции, требовалось поискать.

Елена Санна. И как поискали?

Эллочка. Нашли вроде.

Елена Санна. Они тебе ее показывали?

Эллочка. Нет. Я им поверила.

Чемоданов. Губит тебя твоя доверчивость, просто Эллочка. Губит.

Эллочка. Это да. Есть за мной грешок.

Сцена 9

Дом Есении Петровны. Побеленные стены, побеленный потолок. Картина Айвазовского «Девятый вал», репродукция. Иконки в углу.

Есения Петровна. Гостья ты моя дорогая! Садись к свету, к солнышку поближе. Какие новости в вашем театре, чем удивишь?

Елена Санна. Есения Петровна, вы у нас ночью были. Вас опознали.

Есения Петровна. Эллочка сдала.

Елена Санна. Как вам не стыдно? Взрослые люди, ведете себя, как подростки.

Есения Петровна. Лишка яхватила, права ты, дочка.

Елена Санна. Я о том же. Попросили вас репетицию покинуть, да, неприятно. Но можно же и по-человечески договориться.

Есения Петровна. Репетиция? Причем тут она? Корова же... А нет, пусть будет репетиция.

Елена Санна. Вот именно. Обратились бы к нам, объяснили ситуацию, сказали бы, что вам обидно.

Есения Петровна. Ой, обидно как! Не представляешь, дочка. Как тебя?

Елена Санна. Елена Санна.

Есения Петровна. Точно.

Елена Санна. Договорились бы с вами. У нас театр неплохой. С материальной базой только скудно. Ремонт последний раз пятьдесят лет тому проводили. Здание нам дали прежнее от школы деревянное, в ужасном состоянии. С таким трудом выбили, бегали по всем инстанциям, на коленках выпрашивали. А так театр очень хороший. И постановки заметные. Даже с соседних поселков являются. А снабжения почти нет, естественно. Древесина на здании гниет, крыша протекает, паркет – тот, что вы навозом удобрили, не меняный.

Есения Петровна. Это перегной с компостной кучи. Под рассаду.

Елена Санна. Да, вот они есть. Нашему поселку нужна культура. Без высокого, без луча света нельзя. Житель села – он тот же, что горожанин, и проблемы у него те же, и плачет он на спектакле точно так же. Но нам ведь столько, сколько городским театрам денег дают, никто не даст. А зачем? Сами как-нибудь выкарабкаемся. Выкарабкиваемся, существуем непонятно каким образом. Это оттягивать неизбежное – ну, еще немного, еще немного, еще немного. А в конце развал. В конце закрытие, смерть. На наш деревянный домик давно сельсовет облизывается, когти на него точит. Самый сельский центр, автомагазин там открыть – какая прибыль бы получилась! Считать не успеешь. Это у нас последний сезон. Потому и постановку взяли «На дне». Это про наш Тяпкинский драматический, это про нас. А вы сходите на спектакль, Есения Петровна, пока можно еще. Вы контрамарку просили? Я вам подарю. Хотите

на все спектакли в сезоне? Подарю.

Есения Петровна. Нет, дочка... Нет, Елена Санна, ты пригласительные свои убери. Я небогатая бабка, пенсия у меня не ахти, и молоком приторговывала прежде. Сейчас корова у меня пропала, не приторговываю. Но даже нищая бабка, как я, лучше через кассу билет купит, чтобы театр наш сельский поддержать. Раз вы государству не нужны, и власти нигде не надобны, то за вами встанет народ. А народ, он, Елена Санна, справедливый. Он защитит, коль потребуется. Пока еще мы, старики, ноги передвигаем, пока клюшками по полу елозим, быть сельскому театру. Иначе нельзя. Иначе мечта народная умрет, и душа его перестанет. Мы с вами, Елена Санна, мы за вами встанем горой.

Елена Санна. Есения Петровна, не подозревала даже, что вы чуткая настолько женщина. Дайте, я вас обниму.

Есения Петровна. Обними, родненькая. Обними. *(Обнимаются, Есения Петровна пускает слезу).*

Елена Санна. Нет, не будет в России порядка, пока с малого не начнем. Пока не поменяем само понимание того, что человеку надо, без чего он как без крыльев.

Есения Петровна. Милая моя, я ж не знала.

Елена Санна. А мы и говорить не обязаны.

Есения Петровна. Я к вам в гости теперь, коль только денюга появится. Сама пойду и других приведу, кому не все равно. Провожу давай.

Выходят на крылечко прощаться. Перед калиткой корова с обрывком веревки. Приветствует хозяйку, виновато мычит.

Сцена 10.

В доме Есении Петровны Анна Егоровна и Олег Федорыч. Пьют чай из блюда, едят пряники.

Есения Петровна. Значится, так. Ко мне театральнй ихний директор приходила, Елена Санна ее. Не крала она корову.

Анна Егоровна. Как не крала?

Есения Петровна. Напраслину на нее возвела. Стоит моя Маргаритка в стойле, набегалась, дуреха, всласть.

Олег Федорыч. И что нам дальше? С повинной, покаяться?

Есения Петровна. Я с ней уладила. За вас тоже вступилась.

Олег Федорыч. Спасибо, заступница ты моя.

Анна Егоровна. Ну, Есения Петровна, ты битая баба.

Есения Петровна. Сложно, конечно, пришлось, поорала на меня эта Елена Санна, но ничего.

Анна Егоровна. Мужественная женщина!
Мужественная.

Есения Петровна. Не о том. Театр наш Тяпкинский загибается. Средствов у него не хватает, актерам платить нечем, ремонт делать нечем, зрителя звать тоже нечем. Если мы, тяпкинцы, не поможем, худо дело.

Олег Федорыч. А чем им поможешь? Сами обноски едва не носим.

Есения Петровна. Не гневи Бога ты, Федорыч. Трагедия у них, а ты в ус не даешь.

Олег Федорыч. Что трагедия, это я на афише видел.

Есения Петровна. Черствая твоя душа, дед ты лысый.

Олег Федорыч. Не трожьте вы лысину мою!

Анна Егоровна. Больно надо. Хотя тронуть не мешало бы –водичкой сбрызнуть.

Олег Федорыч. Моя лысина!

Анна Егоровна. Обиделся он. Ой, обиженный. Лыжи – да не лыжи. Еду я обиженный.

Есения Петровна. К чему я. Мы в Тяпкинский театр с вами пойдем, и ходить будем. И знакомым передайте –не обижают пусть театралов, билеты брать надо! Иначе –закроются.

Олег Федорыч. Да что они нам, сваты что ли? Переживать за них?

Есения Петровна (*грозно встает во весь рост*)Федорыч, ты шутики брось. Я не Есения Петровна. Перед тобой совесть твоя. Ты что совести ответишь? Спрячешься от нее в закуток?

Олег Федорыч. Я обознался. Не то хотел произнести, ум старый, вылетело из мозгов, что хотел.

Есения Петровна. Никаких отговорок. Билеты берем и в Тяпкинский театр. Вместе. Завтра. Чаю, чаю доливайте –подаренное, не жалко.

Сцена 11

Спектакль в театре. В зрительном зале сидят Есения Петровна, Олег Федорыч, Анна Егоровна, Елена Санна. Перед самым началом забегают Эллочка, тоже садится с самого краю.

Елена Санна. Начинаем. (*Хлопает в ладоши, другие подхватывают*)

На сцене появляется Чемоданов.

Чемоданов. Дорогие дамы и господа, а еще больше дамы! Рад приветствовать вас в нашем Тяпкином большом драматическом театре! Вопрос к вам интересный. Что бы вы хотели сегодня увидеть?

Есения Петровна. Про любовь! Американца мне подавай! С деньжищами и американским паспортом.

Чемоданов. Это вы не удивили. Еще что?

Олег Федорыч. Что-нибудь из Горького.

Чемоданов. Принимается. Вы, дамочка? (*Обращается к Анне Егоровне*).

Анна Егоровна. Мне спектакль. Чтобы посмеяться, юмору не хватает. А в конце актеры чтобы дали жару, а я от избытка чувств изревелась.

Чемоданов. Ясно. Елена Санна?

Елена Санна. Без разницы. Все равно погибаем. Так хоть с музыкой.

Чемоданов. Мы должны были представить вам пьесу Максима Горького «На дне». Но по независящим от нас и не слишком приятно пахнущим обстоятельствам «На дне» так на дне и осталось. Мы представим вам тоже Горького, но другого. Наш талантливейший актер и великий, не побоюсь этого слова, поэт Вениамин Фиолетов представит вам поэму собственного сочинения по мотивам произведения Горького «Песня о буреизвестнике».

Чемоданов уходит со сцены к зрителям, на смену ему выходят Фиолетов, Пионеров, Окрошкина. Фиолетов читает стихи, Пионеров и Окрошкина выходят с серпом и молотком. Встают так, как у скульптора Мухиной – в позу рабочего и колхозницы.

Фиолетов.

ПЕСНЯ О ТРАКТОРЕ

Над обычным русским полем,

Недобитым русским полем

Гордо реет мирный трактор.

Есения Петровна. Это который трактор? Колхозный наш?

Чемоданов. Какая разница! Это иносказательный трактор. Великая сила искусства! Верить в нее надо!

Есения Петровна. Потому, если наш колхозный, то он далеко не мирный. Его в войну врагам передавать – так долбануться на нем можно, когда колеса с оси слетят, ни один врач не вылечит.

Чемоданов. Пусть будет колхозный.

Есения Петровна. Ежели из нашего колхоза, то не реет. Скорее на ремонте позорно стоит.

Елена Санна. Есения Петровна! Опять начинаете!

Есения Петровна. Молчу, милая, молчу.

Елена Санна. Фиолетов, продолжай, золото ты наше (*дает отмашку*).

Фиолетов.

Может ехать он налево,

Может ехать он направо,

Только он все время прямо,

Почему-то только прямо.

Трактор землю плугом пашет,

Трактор землю боронует,

Полет, жнет, пшеницу сеет

От рассвета до заката.

Анна Егоровна (несмело тянет руку) Спросить можно?

Елена Санна. Что? Что опять не так?

Анна Егоровна. А пшеница точно посеяна?

Елена Санна. А что, сомнения есть?

Фиолетов. Какие могут быть сомнения? Сам лично сеял в этом году.

Анна Егоровна. Оно, конечно, доверие есть по этому вопросу. Да только председатель колхоза, как до меня слухи дошли, приворовывает.

Окрошкина. Кто вам сказал?

Анна Егоровна. Слухи. Бегают они по селу. *(смотрит случайно на Есению Петровну, та отворачивается)*.

Елена Санна. Ага, понятно. Есения Петровна опять.

Есения Петровна. Ну, ворует же в самый цвет. Федорыч, подтверди.

Олег Федорыч. Не имею никакого представления.

Есения Петровна. Муха ты оконная. Газеткой приклепнуть – и с концом.

Олег Федорыч. Не следует меня газеткой! Я, может, не муха! Я, может, пожить еще хочу!

Есения Петровна. Газеткой! Хлоп! Хлоп!

Олег Федорыч. Возмутительно!

Анна Егоровна. Возмущаться в огороде своем будешь с лопаткой!

Есения Петровна. Пшеницу воруют!

Фиолетов. Это правда художественная! А не как есть на деле!

Есения Петровна. Признаешь, значит, Фиолетов, что пшеницы немеряно слямзили! Вот она – забота о сельчанах! Вот вам хлебушек мягенький из колхозного магазина!

Фиолетов. Да успокойтесь вы! Отдам вам свои талоны – 12 булок в месяц получать будете!

Есения Петровна. Булок твоих не надо! Сама в состоянии пока.

Фиолетов бурчит что-то, срывается.

Елена Санна. Не обращай ты на нее внимания. Читай.

Фиолетов (*читает очень громко*)

Я колоссом управляю,
Жму придиричиво на кнопки,
Размышляю о масштабном,
Об огромном, необъятном.
Что Россия так обильна,
Фантастически-прекрасна,
Гениев она рождает,
И пшеничные колосья,
И от края и до края
На оленях и на лодке.

Есения Петровна. Вот. Пшеница сразу и нашлась. Рассказывайте, по какому курсу с председателем продавали? Или меняли на что?

Анна Егоровна. Непонятно, слухи это или правда? Подмигните хоть нам со сцены.

Пионеров. Подмигнул два раза.

Анна Егоровна. Видела, видела! А что два раза значит? Что мешками зерно тягает, или не было ничего?

Елена Санна. Не было ничего.

Анна Егоровна. Как теперь верить? Вводите людей в заблуждение, сначала им одно, потом другое. Середина где?

Олег Федорыч. Позволю себе сказать...

Есения Петровна (*машет на него рукой*).

Матюгальничек уже прикрути. Я – обычная сельская баба. И мнение у меня есть. Важненское. Да. Считаю, в Москве просто так квартиру не купить. И недвижимость за рубежом – не ведаю точно где, но мне достоверно передали – на бобы не разменяешь. Звенья по уборке и посадке овощей – недополучают они. А председатель жирует. Можете в суд позвать, под присягой спросить, я тогда тоже подтверждаю.

Фиолетов (*совсем сбившимся голосом*)

Только нету в ней порядка,
Нам бардак давно привычен,
Состояние разрухи
В школах, в городах, в колхозах,
И в театрах постоянно.
Ну, а так все очень даже
Замечательно, как будто.
Только день-другой проходит,
Третий день еще проходит,
И четвертый день проходит,
Ерунда наружу лезет,
На кита что не натянешь.
Мирный трактор очень старый,
Видел мамонта в костюме,
В перламутровом костюме.
Сыплются с него запчасти
На ходу при выполнении
Очень важного заказа
По хозяйственному плану.

Анна Егоровна снова тянет руку, будто она в школе. Неуверенно совсем, робко.

Елена Санна. Да.

Анна Егоровна. А Есения Петровна, права была, выходит.

Елена Санна. В чем права?

Анна Егоровна. Про наш колхозный трактор. Что его врагу следует подарить, и что он хуже атомного оружия.

Есения Петровна. Конечно, права. И с сеялкой с ним невозможно, и на пахоту тоже. Задышается и чахнет на ходу.

Фиолетов. А я о чем вам читал, бабоньки?

Окрошкина. Фиолетов – он за художественный реализм.

Анна Егоровна. Правда, получается. Значит, не воровал председатель? Запуталась я вконец.

Олег Федорыч. А позвольте высказаться мне...

Есения Петровна. Жене своей истории бесконечные рассказывать будешь. Я говорю. Сама лично работала с Фиолетовым за рулем. По свеклу, по редьку, по кукурузу. *(Загибает пальцы)* Что еще? Сорняки по полям выпалывали. Фиолетов нажрался как следует, едва столб электрический не вспахал.

Фиолетов. Не было такого.

Есения Петровна. Конечно, не было. Столб целехонький стоит, не снесенный. Это я привираю немного, вымысел художественный. Да, Фиолетов?

Фиолетов *(очень громко, смотрит свирепо на Есению Петровну – мол, достала уже!)*

Я кричу от возмущенья,
В этом крике – жажда бури!
Сила гнева, пламя страсти.
Только это не поможет,
Техника стоит без дела,
И стоять ей, без сомненья,
Множество веков, кабина
Зарастет травой и мхами,
Буревестник загнездится,
Выведет птенцов, а после
Свой опорожнит кишечник,
На стекле из плексигласа,
Выведя автограф птичий.
Чувствую, что грянет буря.

Есения Петровна. Помой ее, возьми. Кабину на технике. Засрали птицы под самый потолок.

Фиолетов. Елена Санна!

Елена Санна. Есения Петровна, вспомните про прошлый раз!

Есения Петровна. Немая, как рыба.

Чемоданов. Уважайте актеров, дорогие зрители! Они для вас стараются, времени тратят вагон, а зарплата – один раз свистнуть!

Окрошкина. И ту за месяц не выдали еще!

Пионеров. Вчера получил.

Окрошкина. Он получил. А я как? Детей троих от разных мужей содержать как? Алименты они не платят, из села смотались. Столоваться на что, макароны, гречку на что покупать? Пионеров, будь другом!

Пионеров. Не займу! И так должна мне, как

безработный в микрокредитную организацию.

Окрошкина. Елена Санна!

Елена Санна. Два дня потерпи. Через два дня все будет.

Окрошкина. Ладно, если бы оно впервые. Постоянно ведь. Уволюсь, доведете меня до края. Уволюсь!

Чемоданов. Я на должности своей недополучаю, и ничего! А ей с опозданием жалованье выдают, великой актрисе. Трагедия, товарищи, огромная трагедия! Как с этим быть?

Окрошкина. Ну, знаете, Анатолий Евсеевич, умеете вы человека обидеть. Уже обидели, можно сказать.

Чемоданов. Ничего, ничего. Обиженным – это даже полезнее. И без излишков. Больше о театре будешь думать.

Окрошкина. А сейчас мне никак нельзя выдать? Получила бы, что положено, а потом бы о театре думала, о сцене, о репетициях.

Елена Санна. Два дня.

Окрошкина вздыхает.

Фиолетов (*читает быстрее, чтоб не перебили*)

Запчастей – нет и не будет,

Председатель неподвижен,

Очевидно, не колышет

Его трактора поломка.

Техника стоит хоть месяц,

Хоть стоит она полгода,

Не захочет председатель,

Не отправлюсь я на пашню

И не сделаю работу.

Ну, а так у нас в поселке

Благодать на благодати.

Вот, сельчане, перед вами,

Фиолетов театральный.

Прочитал, читать закончил,

Я стихи про русский трактор

В недобитом русском поле.

Вениамин Фиолетов кланяется, зрители ему хлопают.

Елена Санна. Фиолетов, могешь! Талантище!

Фиолетов. А то, Елена Санна.

На сцену выходит Чемоданов, тоже кланяется.

Смотрит вопросительно на Елену Санну.

Елена Санна. Дорогие зрители! Не расходитесь, очень вас прошу. Заявление у нас. Важное. Сезон нынешний для Тяпкинского театра последний. Закрываемся мы, к великому сожалению. Терпения никакого у нас нет по поводу бед, что с нами творятся и сельской администрации, что ничем не помогает. Здание старое, местами протекает. Сцену полностью менять надо, паркет обновить, освещение нормальное установить. Туалет театральный на улице, помост внутри прогнул. Мы гостей оповестили – ходить только по малой нужде, не по большой. По большой если сходить как следует, провалиться можно. Глубоко-глубоко. Зарплату, как видите, составу актерскому задерживаем, выкраиваем из тех крошек, что из бюджета до нас падают. Делать что с болячками нашими, не знаем. Хотели до вас ситуацию довести со всеми ее прелестями, ваше мнение узнать.

Есения Петровна. Я можно?

Фиолетов. Стихи мои десять раз перебивали, теперь разрешения спрашиваете.

Есения Петровна. Ты, чудо-тракторист, не пыли. Подшипник лучше в утиле повыспрашивай. Елена Санна, милая, не оставляй ты нас сиротами. Без того голову приткнуть некуда, речка, покосы да гуси. Дышу хоть у вас полной грудью.

Елена Санна. Есения Петровна, как я вас понимаю. Но не справляемся одни, не вывозим.

Есения Петровна. Как же мы? Мы, зрители? Нам что останется без вас? Трактор поломанный на колее? Разбитая дорога на въезде? Олег Федорыч, играющий на гармошке? Малышева с передачей о здоровье и «Голубой огонек» в далекой Москве? Нас куда выбросишь? На свалку?

Елена Санна. Ну что вы такое...

Есения Петровна. Оно самое и есть. Терпеть, остается только терпеть. Надеяться остается, верить. Актриса ваша – эта вот (*показывает*) ждет, жалованье пока выдадут. Ругается, возмущается и ждет.

Окрошкина. Что еще делать? Родной театр.

Есения Петровна. Ты, Елена Санна, ждешь ремонта и помощи от сельсовета. И других проблем полно. Но ты ждешь, надеешься, веришь.

Эллочка. И я.

Елена Санна. Что ты?

Эллочка. Тоже для театра готова на многое. Работаю билетером, сторожем по совместительству. Получаю за это гроши, но мне нравится. Это же для души, от хорошего делаешь. Когда для души, не жалеешь. Если

понадобится, и большее сделаю. Дома почти не бываю, родственников не знаю уже, но это важнее.

Есения Петровна. Вот. Девочка молодец, и ничего, что с обязанностями не справляется, журнальчики почитывает на посту. Идейная.

Фиолетов. А я... Пашню часто оставляю. И страдаю, и уборку. Спешу в театр – выступать. Иногда руки не успеваю от копоти отмыть.

Есения Петровна. А я о чем. Подруга вот моя давняя – Анна Егоровна поддержит (*толкает ее в бок*).

Анна Егоровна. Что? А, верно.

Есения Петровна (*тихо*). Придумай, почему тебе театр наш важен. Только быстро.

Анна Егоровна. Я раньше ничего не знала про Горького. Что он писатель настолько известный. А благодаря вам узнала. И произведений у него столько – «Муму», «Бесприданница», «Война и мир». Один, а столько всего написал! А актеры как живо характеры раскрывают – патока, сплошная патока!

Елена Санна. Как вас зовут?

Анна Егоровна. Анна Егоровна по бабушке и по мамушке.

Елена Санна. Ради вас, Анна Егоровна, точно театр стоит оставить. Чтобы хотя бы закрыть ваше художественное невежество.

Есения Петровна. А Олег Федорыч как рад будет вашим спектаклям! Безмерно рад! (*щипает его за руку*)

Олег Федорыч (*поднимается, потирает затронутое место*) Театр я люблю до слез! (*трет место ущипывания сильнее, выдавливая из себя слезу*).

Впечатлительный с детства без меры. Это теплая шапка на мою седину, разношенный ботинок на мою старую ногу. *(Плачет)* Больно-то как...

Елена Санна. Что?

Олег Федорыч. Пальцы с маникюром кое-кому отпилить по плечи... Это я про свое, не слушайте. В общем, это мой дом, ближе для меня ничего нету. И не было.

Елена Санна. Чемоданов, представляешь, как нас сельчане ценят?

Чемоданов. Я постоянно твердил – кинь зерно разума и добра в почву, оно обязательно прорастет.

Елена Санна. Ой, эти елейные речи. Не успокаиваешься ведь.

Чемоданов. Героически страдаю ради любимого учреждения. От доплат отказываюсь, в Москву меня звали, в Москву! Отказался, свою культуру поднимать надо! Не герой, патриот своего края. Вношу вклад в общее дело. Тяпкинский большой драматический и Чемоданов едины. Навсегда.

Елена Санна. Что в итоге? К какому выводу приходим?

Окрошкина. Два дня, два дня согласна терпеть.

Пионеров. Не займу. Ни рубля. Отдавать чем будешь?

Фиолетов. Не езжу на пашню во время репетиций. На прополку еще, прореживание, на уборку. Театр важнее.

Эллочка. Обязанности билетера и сторожа. Вполне счастлива. Дома не бываю.

Есения Петровна. Сиротами останемся. Не закрывайтесь.

Олег Федорыч. Ногти. Отпилить. Больно как ущипнула пальцами.

Анна Егоровна. Если Горький «Муму» написал, то Чехов тогда что? «Горе от ума»? «Жестокий романс»?

Олег Федорыч. Ущипнула так ущипнула. След красный останется. Синяк тоже.

Речь персонажей сливается в сплошной гул.

Елена Санна (*громко кричит*). Хватит! Успокойтесь! У каждого проблемы. И у учреждения тоже. Потерпим. Еще сезон поработаем, подсчитаем, упадем в обморок. Очнемся, еще раз оценим ситуацию.

Есения Петровна. Терпи, Елена Санна. Все терпят, такое нынче время. А ремонт селом соберемся людьми и сделаем. Получится лучше, чем казенный. Олег Федорыч штукатурить умеет. (*Олег Федорыч при этих словах съезживается в комок*). Анна Егоровна – обои клеить (*Анна Егоровна сильно кашляет, Есения Петровна хлопает ее по спине*). Умельцев в Тяпкино много, а тараканов в мозгу у них еще больше. Самородки настоящие! Их что поганок на пеньке развелось.

Елена Санна. Не обманете?

Есения Петровна. Чур меня! Отреставрируем в лучшем виде.

Анна Егоровна сокрушенно качает головой.

Чемоданов. Народ, он чувствует! Не обманешь его! Это самосознание, мудрость внутренняя. Спасибо, спасители наши, святые заступники! (*Подходит к зрителям, обнимается поочередно с Есенией Петровной, Анной Егоровной и даже с Олегом*

Федорычем. Последнего непонятно зачем чмокает в щеку).

Елена Санна. Чемоданов, ты где опять топливо залить успел?

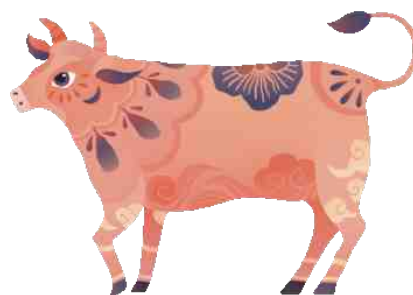
Чемоданов. Нигде. Эмоции. Расчувствовался.

Есения Петровна. Мы Тяпкино поднимем на уши, какие спектакли у вас замечательные расскажем. Понадобится – батогами кого пригоним. И окрестные села – там тоже разьяснить основательно. Это народный театр, народный.

Чемоданов. Ура! Срочно составить план постановок на следующий год.

Елена Санна. Потерпеть. Я же сильная, я справлюсь, мне не привыкать. В России живем. Как-нибудь протянем еще. Просуществуем. Это судьба такая у театров – на ладан дышишь, а план по постановкам одно запишешь. Берешь и пишешь. Еще денек протянули еле-еле, душа в теле! И хорошо! Не для себя работаем, не для себя. Для Анны Егоровны, для Есении Петровны, Веры Михайловны, и кого-то еще, много кого, имен чьих даже не запоминаю. Пусть для себя удивительный мир откроют, где шаг – оголенный нерв. Где любовь, и ненависть, и дружба – взаправду, как меж ними, как в Тяпкино. Тушь по щеке потекла – не заметила даже. Благослови, Господи, меня грешную!

Конец.

Татьяна Ермолицкая, руководитель литературно-драматургической части Томского областного театра куклы и актера «Скоморох» им. Романа Виндермана, член секретариата Гильдии драматургов России, журналист, театральная обозревател, автор российских театральных изданий «Страстной бульвар, 10», «Музыкальный журнал», автор томских изданий «Территория интеллекта» (ИД «Томский потенциал»), «ЗАТО- говорим», автор ряда театральных проектов.

Из Чехова нам что-нибудь!

В августе прошлого года Томский областной театр куклы и актера «Скоморох» им. Р. Виндермана совместно с Гильдией драматургов России объявили старт Всероссийского драматургического конкурса на лучшую инсценировку/оригинальную пьесу по произведениям А.П. Чехова.

Почему выбор организаторов конкурса пал именно на Чехова? Причин тому несколько. Во-первых, Чехов был и остается одним из самых интересных и всегда актуальных писателей-классиков. Во-вторых, в

прошлом году отмечалось 160-летие со дня его рождения. В-третьих, в старинном сибирском Томске до сих пор передают из уст в уста и обсуждают ту нелестную характеристику, которую дал Антон Павлович нашему губернскому городу, оказавшись здесь проездом весной 1890, на пути к Сахалину. Он назвал Томск скучным и нетрезвым, отметил, что бесправие здесь азиатское, красивых женщин вообще нет, а также упомянул, что губернаторы здесь мрут как мухи. Но томичи (так называются жители Томска) все равно очень любят Антона Павловича и чтут его память. В-четвертых, именно в Томске на набережной реки Томь появился, пожалуй, один из самых оригинальных в мире памятников русскому писателю. Его автор известный далеко за пределами России скульптор Леонтий Усов назвал его «Памятник А.П. Чехову глазами пьяного мужика, лежащего в канаве и не читавшего «Каштанку»».

Памятник стал одним из символов Томска, и на протяжении более десяти лет рядом с ним каждую пятницу с мая по сентябрь проходят «Чеховские пятницы», на которых собираются музыканты, художники, поэты, певцы, танцоры и, конечно же, многочисленные зрители. И, наконец, в-пятых, «Скоморох» давно мечтал поставить что-то «из Чехова».

На конкурс, который завершился в декабре, было прислано 14 пьес – разных по жанру, тематике и мастерству написания. Читая произведения участников конкурса, члены жюри оценивали и композицию пьес, и владение спецификой драматургического жанра, и умение передать атмосферу, поэтику чеховских рассказов, очерков и повестей. К сожалению, пришлось столкнуться и с явной небрежностью, когда авторы просто копировали куски чеховских произведений, не удосуживаясь, как следует, оформить ремарки, используя не те времена глагола, вставляя излишне громоздкие описания. У кого-то пьесы получились чересчур традиционными, без «изюминки» и потому несколько скучноватыми. Кто-то, напротив, в погоне за чрезмерной «оригинальностью» и стремлением удивить «выплеснул младенца вместе с водой», оставив голую форму без адекватного содержания. Хочется отметить и большинство безликих названий пьес (даже у авторов, получивших высокие оценки). А, ведь, название должно цеплять, вызывать желание прочитать. Успокаивает, что режиссеры при постановке часто называют спектакль по-своему.

Приятно было читать авторов, сумевших соблюсти «золотую середину»: они сохранили чеховское начало и привнесли свое личное отношение к произведению. Среди них наши победители: Владимир Рыжков (Москва), представивший на конкурс пьесу «Бенефис», Ирина Максимова (Свердловская область) с пьесой «Иллюзии Коврина» и Виктор Нилов (Томск) с пьесой «Чехов и Чайки».

В сентябре 2021 года в театре «Скоморох» состоится премьера по пьесе «Бенефис», а по двум другим произведениям - победителям («Иллюзии Коврина» и «Чехов и Чайки») состоятся читки в рамках проекта «Драмачай».

**Владимир Рыжков, сценарист,
драматург, победитель конкурса
«Инсценировки по произведениям
А.П.Чехова», который в 2020 году
провела Гильдия драматургов
России и Томский областной театр
куклы и актера «Скоморох» им. Романа Виндермана**

БЕНЕФИС

**комедия в четырех действиях
по мотивам произведений Антона Чехова**

Действующие лица:

Наталья Андреевна Бронина – ведущая актриса
театра

Денис Петрович Бронин – ее муж, господин без
определенных занятий

Иван Акимович Воробьев – актер

Катерина Алексеевна – молоденькая актриса

Максим Петрович – фельдшер

Захар Кузьмич – антрепренер

Аполлинарий Македонович – дирижер

Петр Спиридонович Загвоздкин – купец второй гильдии

Муркин – настройщик

Семен – коридорный

Приказчик оружейной лавки

Актеры, актрисы, посетители трактира, официанты

Действие первое

Меблированные комнаты

1. Утро. Столовая в доме Бронина. Стол, накрытый для завтрака. Натали, молодая красивая женщина в ночной сорочке и пеньюаре, сидит за столом, лениво зевает, только встала с постели. Напротив – ее муж, Денис Петрович, лысоватый тщедушный мужчина в летах. Он уже одет к выходу.

Натали (*сквозь зевоту*). Куда ты собрался?

Бронин (*бодро*). Отправляюсь по делам! Не могу сидеть без дела ни дня. Ежели никакого прожекта не придумал, то и день впустую. Иду к Загвоздкину, попрошу ссуду.

Натали (*без всякого интереса*). Какому Загвоздкину?

Бронин. Ну, к этому купчишке, который постоянно тебе букеты подносит. Хочу ему проект предложить! Ты даже поймешь, ежели тебе рассказать. Говорил я тебе про кишки?

Натали (*хмурится*). Про что?

Бронин. Понимаешь, в чем дело! Теперь колбасники получают кишки на месте и задорого. А ежели привозить сюда кишки с Кавказа, где они нипочем. У

кого колбасники будут покупать кишки? Конечно, у меня! Ведь я буду продавать дешевле! Теперь станем так рассуждать: ежегодно покупается этих самых кишок... положим, на пятьсот тысяч, значит...

Натали (*морщится, отставляет чашку*). После расскажешь! Ты бы лучше на новую постановку для моего бенефиса у него денег выпросил. Юбилей скоро. Десять лет на сцене.

Бронин. Да что бенефис! С капиталом везде можно дело сделать. Взять хоть ваш театр! Ежели ставить настоящие пьесы, по дешевой цене пустить, да публике в жилку попасть, то в первый же год сто тысяч в карман положишь. Ты вот не понимаешь, а я верно говорю...

Натали (*возмущенно вздыхает*). Будет с меня! Хватит! Мне готовиться надо! А ты мне голову забиваешь какой-то ерундой. Все, ступай! Только от моего имени не проси...

Бронин. Ха! Во всяком случае, он мне скорее даст десять тысяч, чем тебе. Ты женщина, актриска, а я все-таки солидный мужчина, деловой человек!

Бронин вылезает из-за стола, бросает салфетку, подходит к жене, целует ее в щечку. Натали брезгливо отворачивается.

Бронин. До вечера, Натали! Увидимся в театре! Приду посмотреть на вашу пиеску. Может, она мне и понравится. Хотя все это ничто по сравнению с классиками (*выходит*)

Натали еле сдерживает себя, раздраженно швыряет недопитую чашку на стол. На белоснежной скатерти разливается черное пятно.

2. Сцена разделена пополам. В одной половине жилая комната: кровать, стол, стул, комод, умывальник. На кровати, спит Иван. Вторая половина сцены - коридор, в который выходят двери меблированных комнат. Коридорный Семен метет пол. Из конца коридора появляется Натали. Она в шубке и легкой шляпке. Семен изумленно смотрит на нее. Натали подходит к двери комнаты Ивана, стучит. Иван спит, и она стучит сильнее.

Иван (просыпается). Ну, сейчас точно получишь! Будить артиста! (вскакивает с постели, набрасывает халат, идет к двери, открывает) Натали, ты!? Никак не ожидал...

Натали быстро заходит в комнату, снимает шубку, шляпку, бросает их на стул. Иван стоит рядом, смотрит на нее спросонья. Натали подходит, обнимает, целует в губы.

Натали. Ты меня не ждал, Ваня? (Иван мотает головой) А я так соскучилась! Не могла утерпеть до вечера. Ты мне совсем не рад?

Иван. Почему, я рад. Очень рад. Даже спать расхотелось.

Натали. Я тоже рада! Я сбежала от него! (отпускает Ивана, начинает ходить по комнате). Это ужасно! Ужасно! Он меня совершенно не понимает. Как я устала с ним жить! Ты не представляешь, Ваня, как мне трудно.

Иван. Почему, представляю. (подходит к двери, открывает.) Семен, чаю подай!

Натали. Нет, ты не представляешь! Господи, и откуда

он только взялся на мою голову. Служил ведь обыкновенным бухгалтером, ходил на службу, получал жалование. Все его проекты не шли дальше новых брюк и янтарного мундштука. А сейчас громоздит черт знает что. Какие-то кишки. Это даже невозможно слушать!

Иван громко зевает, подходит к окну и смотрит на улицу.

Натали. Когда я ему объявила, что поступаю на сцену, он столько ломался, возмущался, жаловался моим родителям, гнал меня из дому. Прежде, бывало, получит жалование и прячет, а теперь и ста рублей в день мало.

Иван. Мне бы хватило...

Натали. Раньше при гимназистах говорить боялся, чтоб глупости не сказать, а теперь даже с князьями фамильярничает. Господи, почему я должна жить с таким ничтожеством?

Иван. Так брось его.

Натали. Как я могу бросить, Ваня? Ты предлагаешь мне уйти от него и оставить ему дом, прислугу, вещи? И куда я пойду? А театр!? Я же не могу бросить театр! Да и потом, что будут говорить. Как к этому отнесется публика, мои поклонники. Это все будет невыносимо!

Иван молча смотрит в окно, никак не реагируя на ее поток восклицаний.

Натали. Что же ты молчишь, Ваня? Дурнота в голове, что ли?

Иван. Невыносимо продолжать так жить. *(отрывается от окна, подходит к двери, открывает).* Семен! Где чай, черт бы тебя взял!

В коридоре появляется Семен. Он несет поднос с

чашкой дымящегося чая. Входит в комнату Ивана, ставит чашку на столик.

Семен. Извольте, сударь. *(бросает любопытный взгляд на Натали, удаляется)*

Иван берет чашку, дует, пьет. Натали хочет ему что-то сказать, но Иван громко дует на чай. Натали садится на кровать, обиженно хлюпает носом.

Семен стоит возле двери Ивана, чешет затылок.

Открывается соседняя с комнатой Ивана дверь. На порог выходит настройщик Муркин. Он в брюках и сюртуке, но босой.

Муркин. Помилуй, Семен, что же это такое? Я человек ревматический, болезненный, а ты заставляешь меня выходить босиком. Отчего ты до сих пор не даешь мне сапог?

Семен *(недоуменно)*. Где же им быть, проклятым?

Вечером, кажись, чистил и тут у вас поставил...

Вчера, признаться, выпимши был...

Муркин. Да ты не вчера, а каждый день...

Семен. Должно полагать, в другой номер отнес. Сапогов много, а черт их в пьяном виде разберет, ежели себя не помнишь... Должно, к Ивану Акимычу, актеру, поставил. *(показывает на номер Ивана.)* Вот сюда!

Муркин. Ну вот, изволь я теперь из-за тебя идти к нему, беспокоить. *(идет к двери)*

Семен *(машет руками)*. Ни...и, не ходите! Там у них дама-с. Побеспокоите из-за такого пустяка, Иван Акимыч осерчает, скандал учинит. У них характер буйный, не посмотрит, что господин, как даст вам в морду.

Муркин. Что же мне теперь, босиком ходить?

(подходит к двери, прислушивается)

Иван выпивает чай, ставит чашку на столик, подходит к кровати, ложится на нее, задумчиво смотрит на потолок. Натали обеспокоено следит за его действиями.

Иван *(вздыхает)*. Домой надо ехать...

Натали. Куда это домой, Ваня?

Иван. В Вязьму... на родину...

Натали *(изумленно смотрит на него)*. Зачем?

Иван. Жить там буду.

Муркин переступает босыми ногами, хочет постучать, но слышит за дверью резкий женский голос. Не решается.

Натали *(испуганно)*. А как же я? Где прикажешь жить мне? С ним! Если ты уедешь, я сойду с ума, Ваня! Ну что тебе надо в этой Вязьме? Там у тебя никого нет. Ни родных, ни знакомых! Ничего! А здесь театр, друзья, я! Ты что же, все это бросишь? И меня бросишь?

Иван. Я тоже устал, Натали. Тяжело...

Натали. От чего устал? Может быть, от меня устал? Я тебе в тягость? Ты скажи мне! И я уйду! Уйду совсем! Ты меня больше никогда не увидишь!

Иван. Не надо так трагично, Натали. Мы не на сцене.

Натали. Я тебе больше не нужна! Ты хочешь уехать, потому что я тебе надоела. Уезжай! Бросай все! Бросай театр! Бросай меня! Ты меня больше не люб...

Раздается стук в дверь. Муркин наконец решил постучать.

Натали. Кто там еще? *(подходит к двери, распахивает*

ее).

Муркин (*жалобно*). Извините за беспокойство, сударыня, но я человек болезненный, ревматический... Мне доктора велели ноги в тепле держать. Тем более, мне сейчас нужно идти настраивать рояль к генеральше Шевелицыной. Не могу же к ней босиком идти!

Натали (*раздраженно*). Да что вам нужно? Какой рояль?

Муркин. Не рояль, а сапоги. Невежда Семен почистил мои сапоги и по ошибке поставил в этот номер. Будьте, сударыня, столь достолюбезны, дайте мне мои сапоги.

Натали смотрит на пол у двери. Там стоят две пары сапог. Она хватается первые попавшиеся, бросает Муркину и закрывает дверь. Муркин идет в свой номер. Там у раскрытой двери его поджидает Семен. Натали направляется к кровати Ивана. Расстегивает платье, снимает его, бросает на стул, остается в одной сорочке. Ложиться рядом с Иваном, прижимается к нему.

Натали. Ты меня еще любишь, Ваня?

Иван (*спокойно*). Я тебя обожаю.

Натали обхватывает его, страстно целует.

Комната уходит в затемнение.

Муркин (*разглядывает сапоги*) Послушай, Семен, да это не мои сапоги. Мои сапоги с красными ушками и без латок, а это какие-то порванные, без ушек.

Семен (*смотрит на сапоги*). А это сапоги Ивана Акимыча. Стало быть, я обе пары в его номер поставил. И сударыня вам по ошибке его сапоги выкинула.

Муркин. Да как же так! Надо переменить.

Он направляется к двери Ивана. За дверью слышны женские вздохи. Хочет постучать, но не решается. Возвращается обратно.

Муркин. Вот видишь, свинья, что ты наделал! Не могу же я теперь еще раз их беспокоить. Мне к генеральше Шевелицыной пора, анафема ты этакая!

Семен. Да, лучше их не беспокоить. Еще, чего доброго, Иван Акимыч разозлятся и ка...ак вам..! *(машет кулаком)* Вы, барин, лучше наденьте эти сапоги, ходите в них до вечера, а вечером в театр. Там и перемените. А то Иван Акимыч после театра поздно будут. Да еще и это. *(щелкает себя по горлу)*. Тогда лучше к нему совсем не лезть. Прибьет.

Муркин. Вот проклятье! Придется эти надеть. *(с трудом натягивает сапоги.)* Какие-то они разношенные. Как же он их носит?

Семен. Какие бог послал, такие и носит. По бедности... Где актеру взять? Чудной народ эти актеры! «Да и сапоги же, говорю, у вас, Иван Акимыч! Чистая срамота!» А он и говорит: «Умолкни, говорит, и бледней! В этих самых сапогах я графов и князей играл!» Одно слово, артист. Будь я губернатор или какой начальник, забрал бы всех этих актеров – и в острог!

3. Богато обставленная гостиная. Картины на стенах, диваны, зеркала, парчовые занавески. За столом в кресле сидит хозяин, купец Загвоздкин - вальяжный, довольный жизнью господин, непринужденно развалился и закинув ногу на ногу. Напротив в кресле сидит Бронин, принужденно и строго, с учтивой улыбочкой и заискивающим взглядом.

Загвоздкин (*попыхивая сигарой*). Знаете, Денис Петрович, я не художник, не артист, но у меня есть нюх этот, чутье. Сердце есть! Сразу разберу, ежели где фальшь или неестественность. Меня не надуешь, будь ты хоть Сара Бернар! Сразу пойму, ежели что-нибудь этакое... фокус какой-нибудь... Что же вы не едите?

Бронин (*клюет что-то скромненько с тарелки*). Я завтракал, Петр Спиридонович, спасибо... А что драма наша, как вы говорите, пала, так это верно... Сильно пала!

Загвоздкин. Конечно, пала! Да вы сами посудите. Нынешний драматург и актер стараются быть жизненными, реальными. На сцене вы видите то, что видите в жизни... А разве нам это нужно? Нам нужна экспрессия, эффект! Жизнь нам и так уже надоела, мы к ней пригляделись, привыкли. Нам нужно такое... этакое, чтобы все наши нервы повыдергивало, внутренности переверотило.

Бронин. Верно вы говорите, Петр Спиридонович, должно переверотить.

Загвоздкин. А как же, Денис Петрович! Прежний актер говорил неестественным голосом, бил себя кулачищем по груди, но он был экспрессивен. Он говорил о долге, о гуманности, о свободе. Кричал про самоотвержение, подвиги человеколюбия, сострадания. А теперь?

Теперь, видишь ли, нам нужна жизненность. Глядишь на сцену и видишь какого-нибудь жулика в порванных штанах, говорящего ерунду какую-нибудь.

Бронин. Совершенно с вами согласен.

Загвоздкин. Я, Денис Петрович, много читал. Тэна

читал, Готлиба читал, этого, как его, Лессинга... да мало ли чего я читал! Молодость провел среди артистов, сам пописывал и многое понимаю... И я вам скажу откровенно, в прежние времена было больше сочувствия к человеку.

Открывается дверь. Оттуда высовывается женская ручка и зовет Загвоздкина.

Загвоздкин насупливается. Тяжело поднимается из кресла.

Загвоздкин. Извините, Денис Петрович, я оставлю вас на секундочку.

Он выходит, закрыв за собой дверь. Из-за двери раздаются глухие шлепки и детский плач. Входит Загвоздкин, поправляет ремень на брюках, садится в кресло, берет сигару.

Загвоздкин. Сын мой опять двойку из греческого получил.

Бронин (*изумленно*). Чем... чем это вы его?

Загвоздкин. Как чем? Ремнем! Самое лучшее!

Воспитание потомства, это знаете ли... Так вот, на чем я остановился? Да, на сочувствии, сострадании. Прежде, бывало, сидишь в кресле где-нибудь в третьем ряду, глядишь на сцену и... чувствуешь. Сердце твое работает, кипит! Ты слышишь гуманные слова, видишь гуманные поступки, созерцаешь прекрасное и... верите ли? Я плакал!

Бронин. Неужели!?

Загвоздкин. Да! Бывало, сажу и плачу, как дурак. Дай Бог, чтоб наши дети так умели чувствовать, как мы чувствуем.

Бронин (*смахивает слезу*). Не приведи господь, ежели дети наши не пойдут по стопам, так сказать, отцов!

Загвоздкин. Есть ли у вас дети, Денис Петрович?

Бронин. Никак нет-с! Не имеем времени. Наталья Андреевна большую часть проводит на сцене. Совсем не может позволить себе заводить детей. Знаете, все эти хлопоты, беспокойства, бессонница. А ей нужен перед спектаклем покой и успокоение.

Загвоздкин. Да, да, понимаю. Так что вы хотели, Денис Петрович?

Бронин (*робко*). Не смею и умолять, Петр Спиридонович. Хотел попросить вас об одном небольшом одолжении. Думаю, оно не будет вам в тягость. Задумал я устроить одно очень выгодное предприятие. Намерен я вывозить с Кавказа кишки...

Загвоздкин. Простите, что?

Бронин. Кишки. Там они нипочем, выбрасываются, а здесь очень даже... Не могли бы вы ссудить мне тысячу десять под это дело? Я уже все просчитал наперед. Сбор, перевозку, распространение. Все уложится в сущий минимум. Зато прибыли будет неимоверно!

Загвоздкин (*качая головой*). Ну, что ж, дело стоящее. Вполне может быть, что-то такое и получится.

Бронин. В самом деле?

Загвоздкин. Несомненно. Но должен вам сообщить, дорогой Денис Петрович, что сейчас совсем не располагаю свободными средствами. Все, что есть у меня, оно в деле. А из дела вынуть, сами понимаете... Так что уж, извините, так сказать, не обессудьте.

Бронин (*сильно смутившись*). Какая жалость! А я,

право, так рассчитывал. Полагал, что это дело вас заинтересует. Прибыль ведь будет невероятная.

Загвоздкин. Нисколько в этом не сомневаюсь. Но и вы меня поймите. Как же я могу деньги из дела вынуть?

(бросает взгляд на часы)

Бронин. *(вылезает из кресла)* Не хочу обременять вас долее своим присутствием.

Загвоздкин *(тоже встает)*. Был очень рад с вами побеседовать, Денис Петрович. Передавайте поклон Наталье Андреевне! Непременно буду сегодня в театре.

Бронин *(спохватывается)*. Да, Петр Спиридонович, чуть не забыл! Наталья Андреевна просила меня узнать у вас, не могли бы вы помочь устроить ей новую постановку для бенефиса? У нее, так сказать, юбилей сценической жизни.

Загвоздкин *(открывает дверь)*. Чем же я могу помочь, Денис Петрович? Я же вам говорю, что совсем не располагаю свободными средствами.

Бронин *(мелко кивает)*. Прощайте, Петр Спиридонович.

Загвоздкин. Всего вам хорошего!

Бронин выходит из гостиной. Загвоздкин возмущенно качает головой.

Загвоздкин *(хмыкает)*. Кишки! Вот болван!

Действие второе

Театр

1. Сцена разделена пополам. В одной половине несколько грим-уборных. Одна из них является грим-уборной

Натали. В комнате столик, большое зеркало, кресло, вешалка с реквизиционными платьями, ширма. Натали сидит за гримировальным столиком перед зеркалом, припудривает лицо. На ней платье старинного испанского фасона с декольте.

Другая половина сцены - коридор, в который выходят двери грим-уборных. По коридору идет Бронин в шубе и шапке. Стучит в дверь грим-уборной Натали, заходит. Снимает шапку, скидывает шубу. Отдувается, осматривает комнату.

Бронин. Уф, духота! Черт возьми, некуда шубу повесить! Известная артистка, получает пять тысяч в год, а не может себе порядочной вешалки завести.

Натали морщиться. Бронин снимает одно из платьев, висящее на плечиках, кидает его в кресло и вешает на плечики свою шубу. Плюхается в кресло, подмяв под себя платье.

Натали. Ну, чего тебе надо?

Бронин. Принес тебе поклон от Загвоздкина. Такой болван, каких мало! Богач, капиталист, тысяч шестьсот имеет, а нисколько в нем этого не заметно. Для него деньги, что псу редька. И сам не трескает и другим не дает. А еще об искусстве рассуждает!

Натали хмуро смотрит на мужа и начинает приводить в порядок прическу.

Бронин. Надо капитал в оборот пускать, а он за него держится, расстаться боится. А что толку в лежащем капитале? Лежачий капитал – это та же трава. Почему в России дела хуже пошли? А потому, что у нас лежачих капиталов много, кредита боятся... Не то, что в Англии.

В Англии, Натали, нет таких гусей, как Загвоздкин. Там каждая копейка в оборот пускается. Да. В сундуках там не держат...

Натали (*раздраженно*). Ну, и отлично! Пускай себе, где хотят, там и держат...

Бронин. По нынешним временам Загвоздкина повесить мало. Дурак и больше ничего. Ежели бы я без ручательства у него просил займы, а то ведь и ребенку видно, что тут никакого риска нет. Не понимает, осел! За десять тысяч он бы через год сто получил.

Натали. Ты про мой бенефис ему говорил?

Бронин. Говорил... Да разве у него денег выпросишь! А какой проект я ему предлагал! Не воздушные шары, не бенефисы какие-нибудь, а дело, суть. Ежели на понимающего человека наскочить, так за одну идею могут тысяч двадцать дать. Я ведь тебе рассказывал про кишки...

Натали (*поднимает глаза к потолку и громко вздыхает*). Ну, все, ступай! Не мешай мне готовиться. Надоело твои бредни слушать!

Бронин (*закидывает ногу на ногу, разваливаясь в кресле*). Бредни! А когда мы еще не были известной артисткой, то на чей счет мы жили? И кто, позвольте вас спросить, вытянул вас из нищеты и осчастливил? Этого вы не помните!

В коридоре появляется Иван. На нем старинный испанский камзол, приклеенная борода.

Натали. Хватит же!

Она вскакивает, хватая со столика банку с кремом, бросает ее на пол. Банка со звоном разбивается. Иван

открывает дверь в грим-уборную Натали, застывает на пороге. Дверь остается открытой.

Иван. Натали, ты... *(запинается, увидев Бронина.)* Вы готовы?

Натали *(раздраженно)*. Нет еще!

Натали садится за столик и нарочито обильно пудрит лицо.

В конце коридора появляется Муркин. Он нерешительно осматривается.

Бронин. А-а, Иван Акимыч! Рад вас видеть! Вас и не узнать в этом наряде.

Иван *(холодно)*. Здравьете, Денис Петрович.

Бронин. Кого же вы сегодня играете?

Иван. Синюю Бороду.

Бронин. А, это король, который своих жен травил?

Иван. Он самый.

Бронин. А что, он был не так глуп. Надо еще посмотреть, в чем там дело состояло.

Мимо распахнутой двери проходит Муркин. Он заглядывает в грим-уборную, замечает Натали, кивает ей, мило улыбаясь.

Муркин. Господа! Могу я найти здесь актера Ивана Акимовича Воробьева?

Иван *(поворачивается к нему)*. Это я. Что вам угодно?

Муркин. Извините, сударь, за беспокойство, но верьте, я человек болезненный, ревматический. Мне доктора приказали ноги в тепле держать...

Иван. Да вам, собственно говоря, что угодно?

Муркин *(начинает снимать сапог)*. Видите ли-с... Я проживаю в меблированных комнатах купца Бухтеева

рядом с вами в шестьдесят третьем номере.

Иван. И что?

Муркин. Наш коридорный, будучи в состоянии опьянения, по ошибке поставил в ваш номер мои сапоги и ваши-с. (*Натали*) А вы, сударыня, отдали мне ихние сапоги, а не мои-с. Я не стал беспокоить еще раз, поскольку слышал за дверью вздохи. Потому весь день ходил в ваших сапогах и натер себе мозоль. А я человек болезненный, ревматический...

Муркин замолкает и, сняв сапог окончательно, умоляюще смотрит на Ивана.

Наступает неловкая пауза. Иван со злостью смотрит на Муркина. Бронин хмуро смотрит на Ивана. Натали, затаив дыхание, переводит взгляд с одного на другого.

Иван. Да вы что же это! Сплетничать сюда пришли, что ли? Под дверью подслушивали!

Муркин. Нисколько-с! Храни меня бог-с! Вы меня не поняли-с... Я насчет сапог! Вы ведь изволите проживать в шестьдесят четвертом номере?

Иван. Ну так что же?

Муркин. Я вот и говорю-с, что мне ваши сапоги вот сударыня выбросили, когда вы в постели изволили лежать.

Иван наступает на него. Муркин поднимает чемоданчик, зажимает сапог под мышкой и в смущении отступает по коридору, пятясь задом.

Иван (*кричит*). Да какое вы имеете право, милостивый государь, утверждать подобные вещи!? Не говорю уж о себе, но вы оскорбляете женщину, да еще в присутствии ее мужа. Да я сейчас из вас бифштекс сделаю! Я вас

размозжу! Я убью вас, как собаку!

Иван идет по коридору, наступая на Муркина. В коридор из своих комнат выглядывают актеры в старинных костюмах. Муркин поворачивается и в одном сапоге пускается наутек. Он влетает в какую-то дверь и исчезает. Иван тяжело дышит, продолжая играть роль возмущенного короля, гордо оглядывается вокруг себя.

Актеры, стоящие в коридоре, раздражаются аплодисментами.

Иван самодовольно кланяется и хочет идти назад, но видит Бронина. Денис Петрович, насупившись и побагровев, поджидает его у двери. Из-за его плеча выглядывает насмерть перепуганная Натали. Иван быстро заходит в первую попавшуюся дверь.

Это грим-уборная Катя. Она несколько меньше и теснее грим-уборной Натали. Но и в ней тоже стоит гримировальный столик, ширма, вешалка с платьями.

Иван (тяжело вздыхает). Господи! Как мне все это...
Надо ехать в Вязьму...

По коридору идет молоденькая барышня в шубке. Катя подходит к двери своей уборной, дергает ручку. Иван пытается дверь сдержать, но отступает за ширму. Катя входит в уборную, закрывает дверь и начинает быстро раздеваться. Скидывает шубку, шляпку, снимает кофточку, платье, остается в одних кружевных панталончиках. Снимает с вешалки платье старинного фасона с узкой талией и широкой юбкой. Иван смотрит на нее из-за ширмы, не в силах оторвать

взгляда. Наконец отворачивается.

Иван (*бормочет*). Ох, грехи наши тяжкие!

Катя (*вздрагивает и прикрывается платьем*). Кто здесь?

Иван. Это я... Не пугайтесь, Катерина Алексеевна. Это я.

Из-за ширмы торчит одна его голова.

Катя (*удивленно*). Вы? Что вы здесь делаете, Иван Акимыч?

Иван (*смущенно*). Я? Прячусь...

Катя. От кого?

Иван. А... от Дениса Петровича, мужа нашей Натали. Он сейчас здесь в ее уборной.

Катя. Зачем же вы от него прячетесь?

Иван. Да... я ему, злодею, пятьсот рублей должен, а отдавать нечем. Он теперь ходит по театру, меня ищет.

Катя (*смеется*). Что же вы, так и будете здесь сидеть?

Иван. Зачем же? Спектакль начнется, я и выйду. Не станет же он за мной на сцену лезть!

Катя (*спохватывается*). Ой, батюшки! А я еще не одета! Отвернитесь, пожалуйста, Иван Акимыч. Мне одеться надо.

Иван. Да, конечно, простите, Катерина Алексеевна.

Иван убирается за ширму, отворачивается и смотрит в стену. Катя быстро натягивает платье. Оно сильно декольтировано. Катя расправляет складки, поправляет на талии. Смотрит на себя в зеркало.

Катя. Иван Акимыч! Раз уж вы здесь, помогите мне застегнуть платье.

Иван выходит из-за ширмы, подходит к ней и начинает неловко застегивать пуговицы у нее на спине.

Восхищенно смотрит на ее отражение в зеркале. Катя кокетливо улыбается.

Катя. Благодарю вас, Иван Акимыч.

Иван. П...пожалуйста... *(Его борода съехала в сторону, волосы всклокочены, камзол расстегнут и очень растерянный вид).*

Катя *(смеется).* Бороду поправьте, ваше величество!
Иван смотрит на себя в зеркало, поправляет бороду, приглаживает волосы, застегивает камзол. Затем выпрямляется, кладет руку на бедро, принимает надменную позу и гордо смотрит на Катю. Катя прыскает и, отвечая ему тем же, делает книксен.

2. На сцене идет спектакль. На переднем плане стол с яствами. На заднем плане стоят слуги в ливреях. За столом сидит Иван в костюме короля Рауля Синяя Борода. Ему прислуживает служанка, роль которой исполняет Катя. Из боковой двери появляется Натали в старинном платье. Она жеманно проходит по сцене.

Оркестр исполняет лирическую мелодию. Дирижер вдохновенно машет палочкой.

Иван *(встает из-за стола, напыщенно поет).*

Элеонора, моя дорогая, как вы спали? Ничто не мешало ли вашему сну? Как это прекрасно, что вы уже встали! Позвольте сказать вам вещицу одну!

Натали *(напыщенно поет).* Ох, мой Рауль, мне было так одиноко! Меня разлюбив, вы поступили жестоко! Обязанности вы свои забыли. И всю любовь мою напрочь убили!

Иван (*поет*). Не ставьте мне это в вину! Из всех жен я так не любил ни одну! И я люблю вас все также пылко! Пусть не обманет вас моя ухмылка!

Натали (*поет*). И я, Рауль, вас пылко люблю! Как никогда и никого я не любила! Значит, мы будем снова вдвоем. Потому что я вас уже простила.

Иван (*поет*). Подойдите ж ко мне, моя дорогая, обниму вас крепко! Пусть наш союз проживет долго и цепко.

Натали подходит к нему, Иван обнимает ее. Они соединяются в поцелуе, который продолжается слишком долго. Зал замирает. Дирижер ошарашено смотрит на них, перестает махать палочкой и опускает руки. Музыканты запинаются и перестают играть. В наступившей тишине громко хлопает кресло. Из первых рядов зрительного зала выбирается взбешенный Бронин.

Бронин. Нагляделся я на ваши театры! Хороши, нечего сказать! (*удаляется*)

Иван и Натали разнимаются, Иван берет ее за руку и подводит к столу. Оркестр начинает играть вразнобой.

Иван (*поет*). Так выпейте же за мое здоровье, Элеонора!

Катя наливает вино в кубки. Иван смотрит на нее, поднимает кубок.

Натали (*поет*). О, мой король, я с удовольствием выпью за вас!

Натали поднимает свой кубок, пьет и ставит его на стол. Вздрагивает и хватается рукой за горло. Иван злорадно улыбается.

Натали (*хрипит*). Ах, я отравлена... Боже мой! Зачем я была так счастлива с вами! Вы погубили меня! (*падает в кресло*).

Слуги в ливреях продолжают равнодушно стоять. Занавес закрывается.

Зал взрывается аплодисментами. Слышны крики: «Браво! Бис!» На галерке свистят.

Занавес открывается. Актеры выходят на авансцену, кланяются. В центре Натали, Иван, где-то с краю Катя. Иван смотрит в ее сторону. Натали ревниво перехватывает его взгляд. На сцену поднимается дирижер, берет Натали за руку и выводит вперед. Они кланяются. Зрители аплодируют. На сцену летят букеты цветов.

3. В грим-уборная входит Натали с букетами. Устало сидит в кресле. В дверь стучат.

Появляется Загвоздкин с большим букетом. Подает цветы Натали. Целует ей руку.

Загвоздкин. Наталья Андреевна, я восхищен вашей игрой! Примите, пожалуйста, скромный букет от вечного почитателя вашего таланта. Никогда, никогда я не слышал ничего подобного. Вы пели божественно! Особенно в сцене отравления. У меня просто сжалось сердце и навернулись слезы.

Натали. Ну что вы, право!

Загвоздкин. Да, да, да, у вас чудесный голос! Он проникает меня до самой глубины моей израненной души. Поверьте ценителю искусства. Будет вам бенефис, обещаю!

В дверь снова стучат. В грим-уборную заглядывает

дирижер. Загвоздкин недоволен.

Загвоздкин. Наталья Андреевна, я всегда выполняю свои обещания. Верьте моему слову! Слово Загвоздкина крепче камня. Ежели пообещал, можете быть уверены. Ну, не буду вам мешать. *(выходит, бросая злой взгляд на дирижера.)*

Дирижер *(подходит к Натали, целует ей руку).*

Наталья Андреевна, сегодня вы пели просто изумительно. Никогда еще я не слышал такого согласия между музыкой и голосом.

Натали. Только не говорите, Аполлинарий Македоныч, что я лучше всего пела в сцене отравления. Я сегодня была не в голосе...

Дирижер *(опускается на одно колено).* Нет, нет, нет, вы пели божественно! Я знаю, что говорю. Мой слух не обманешь. Я вас обожаю! *(целует ей руку.)*

Натали *(смущенно улыбается, но наигранно).* Ну, если вы меня действительно обожаете, не откажите в одной услуге.

Дирижер. Приказывайте! Сделаю все, что вам угодно.

Натали. Уберите эту девчонку, как ее... та, что вино наливает. У нее ужасный голос. Она только все портит своим голосом.

Дирижер *(удивленно).* Вы про кого говорите? Про Катерину Алексеевну?

Натали. Да, про нее. Она не умеет петь. Низкие ноты еще тянет, а высокие не может.

Дирижер. По-моему, она неплохо поет. Но если вы так настаиваете...

Вдруг без стука входит Бронин, хмуро смотрит на

дирижера. Тот вскакивает с колена.

Бронин *(сухо)*. Добрый вечер...

Дирижер *(мнется)*. Не забудьте, Наталья Андреевна, завтра репетиция. *(выходит)*

Натали *(встает, идет за ширму)*. Выйди! Мне надо переодеться.

Бронин *(расхаживает по грим-уборной)*. Вы мне предлагаете выйти, сударыня? Мне? Да у вас не грим-уборная, а какой-то проходной двор. Кто только не ходит!

Натали. Не твое дело!

Бронин. Ах, это не мое дело! Может быть, вы мне уже не жена? Может быть, я здесь уже посторонний? Может быть, меня вообще скоро перестанут пускать в театр?

Натали *(снимает сценическое платье, тяжело вздыхает)*. О, господи!

Бронин *(повышает голос)*. Вы, сударыня, ведете себя неподобающим образом! Это черт знает что такое! У вас в грим-уборной постоянно мужчины.

Натали *(раздраженно)* Перестань! У нас ведь не женская баня, а театр. Актеры, дирижеры, поклонники – все мужчины.

Бронин. Но к вам-то они зачем ломаются? Даже когда вы переодеваетесь!

Натали. Что же, мне их не пускать? Я – актриса! Мне нужно общество. Мне нужно чувствовать, что меня любят. С тобой же я этого не чувствую...

Бронин. И поэтому вы целуетесь с мужчиной на глазах у всех! Постыдились бы!

Натали *(вздыхает)*. Это же сцена, пойми! Я играю

роль.

Бронин. Ах, это сцена! А что же тогда не сцена? Может быть, номера? Я требую от вас, сударыня, чтобы вы объяснили мне, что вы делали в его номере?

Натали (*устало*) Я тебе уже все объяснила. Мы репетировали.

Бронин. Вздор! И я должен этому верить! Репетируют на сцене, а не в каком-то затрапезном номере. Страшно подумать! Какие-то меблированные комнаты! Какие-то сапоги! Какой-то ревматический больной! Это просто невыносимо!

Натали, переодевшись в свое платье, выходит из-за ширмы.

Натали. Боже, как я устала от тебя!

4. За столиком трактира в углу сидят Иван и Максим, крупный мужчина с сильными руками. Оба уже подвыпившие. На столике бутылка вина, стаканы, закуска.

Иван. Меня утешает и бодрит, друг мой Максим, что молодежь театр любит. Гимназистики, реалистики – мелюзга, от земли не видно, но ты не шути, брат. Сидят, бестии, на галерке, но только их и слышно. Первые критики и ценители! Иной с воробья ростом, а на лицо взглянешь – совсем Добролюбов. Как они сегодня кричали! Как свистели! Соловьи!

Максим наливает вино себе и Ивану. Они поднимают стаканы, громко чокаются.

Максим. Надо будет и мне как-то в театр сходить.

Иван. Обязательно сходи. Только на хорошую вещь. На «Медведя» сходи. Мы там вдвоем с Натали такое

выдаем.

Максим. Что за «Медведь» такой?

Иван. Водевиль смешной. Один молодой автор написал. Чехов фамилия. Талантливый черт! Говорят, он и рассказы смешные пишет. Правда, я не читал. Ну, давай за искусство! Будь оно неладно! *(Выпивает)*. Вот я тебе скажу, Максим, главное зло в нашем театральном мире – это антр...трепренер. Только тогда артист будет крепко стоять на ногах, когда он в своем деле будет держаться коллективных начал. Антрепренер, он видит в артисте вещь... Ему не понять души артиста. Взять хоть меня. Я человек без таланта, но я... полезный актер. Я могу все сыграть! Меня нужно ценить.

Максим. Зачем ты так говоришь, Иван? Ты талантище! Ты такой талантище, которого еще поискать. Я же в театре понимаю кое-что, хотя туда не хожу.

Иван. Нет, Максим... Настоящий талант, Максим, раз в сто лет бывает. Ну, может, в пятьдесят... Вот что, выпьем лучше водочки.

Максим. Стоит ли? И так уже...

Иван. Тут нашему брату, актеру, кредит, не хочешь, так выпьешь. Давай! Челаэк, водки!

Официант приносит бутылку и рюмки, наливает им водки. Они чокаются.

Максим. За тебя, Иван! *(выпивает)*

Иван. За искусство! *(выпивает)* Ведь сцена, это совсем не то, что ты думаешь.

Максим. А что же?

Иван. Это, брат, такое коварное дело. Никогда не знаешь, чем обернется. Вот, скажем, надел ты не те

сапоги, какие надо, и вот ты уже подлец и мерзавец. Слушай, Максим, презентуй мне двадцать талеров. Мне в Вязьму надо съездить. На родину. Там дядька помер. После него, может быть, осталось что-нибудь. *(берет бутылку)*

Максим. Может, хватит, Иван? А то уже вся душа этой дрянью провоняла.

Иван. Ничего, Максим. Пьянство отлично освежает. Иной раз надо выпить этак хорошенечко, чтоб во всем теле пертурбация произошла... *(хочет налить)*

Максим *(останавливает его руку)*. А я говорю, хватит, Иван! Я врач и лучше тебя знаю, когда хватит. Я чувствую, что хватит.

Иван. Ничего ты не чувствуешь! Это у тебя все от лишнего здоровья. Ты не врач, а костоправ! Силы в тебе бушует много, а толку от этого мало. Челаэк, принеси дупелей!

Официант *(подбегает)* Чего изволите?

Максим. Ничего не надо, мы уходим. Получи, братец! *Максим дает официанту деньги, поднимается, хватает Ивана под мышки, тянет из-за стола. Иван вырывается.*

Иван *(кричит)*. Привыкли, подлецы, купцов кормить всякой дрянью, так думают, что и артист станет это есть. Хочу жареных дупелей и все тут!

Максим тащит Ивана к выходу. Иван отбивается. Они дерутся. Посетители и официанты пытаются их разнять.

Иван *(кричит)*. Я артист, а не какой-нибудь там купчина! Человек искусства! Мне особое уважение

нужно! Публика, аплодисменты!

Из разных углов трактира раздаются жалкие хлопки. Иван, кривляясь, кланяется в ответ. Максим с трудом выводит на улицу.

Действие третье

Запой

1. Комната Ивана. Иван лежит на кровати и спит. По комнате разносится его храп. Открывается дверь. Входит Максим. Он снимает шубу, шапку. Начинает приводить комнату в порядок. Подбирает валяющуюся на полу одежду, поднимает лежащий стул. Вдруг он задевает локтем пустой кувшин. Тот с грохотом падает на пол. Иван всхрапывает последний раз, поворачивается и открывает глаза.

Максим. Ну, брат, ты и нализался вчера! Еле до дому тебя дотащил.

Иван. Зачем до дому? Мы же ехали на извозчике в Вязьму.

Максим. Это хорошо, брат, что я уговорил тебя не ехать. До твоей Вязьмы пятьсот верст. И в три дня не доедешь. И зачем ты извозчика приложил кулаком за то, что он отказался? И лошадь вожжами зачем бил? Зачем кричал на нее, что она ничего не понимает в театральном искусстве. Нехорошо это.

Иван. Разве?

Максим. Кончай пить, Иван. Нельзя так! Поверь мне, я врач. Если говорю, нельзя, значит, нельзя. Здоровье погубишь.

Иван тупо смотрит на потолок, под которым висит круглая лампа на проводе.

Иван (бормочет). Потолок вертится... И лампа вертится... Ты у меня сейчас повертись! Я тебе, анафема, покажу, как вертеться.

Иван встает с постели, подходит к лампе, берет стул, подставляет, лезет на него. Максим с силой дергает Ивана за рукав. Иван летит со стула на пол.

Иван (трясет головой, поднимается на ноги, приходит в себя). У нас водка есть?

Максим. Нет. И денег нету. Ты вчера все просадил! Даже не проси, не дам! Потом запой никаким отваром не вылечишь. Чтоб запой выгнать, надо во всех органах и суставах такой переворот произвести, черту не позавидуешь.

Иван умывается в тазу, в котором осталось немного воды. Вытирается полотенцем. Берет брюки, натягивает, затем надевает сюртук.

Максим. Сам потом меня благодарить будешь, что я не допустил. Лучше давай я тебе, Иван, горчичник на грудь поставлю?

Иван. На кой черт мне твой горчичник?

Максим. Хорошо помогает при запоях. Или хочешь, крапивного отвару дам?

Иван. Нет. *(надевает пальто и шапку, выходит).*

2. Жилая комната. Буфет, диван, стол, стулья, комод. На диване сидит Катя, перед ней разложены листки с текстом. Входит Иван в сюртуке.

Катя (удивленно). Доброе утро, Иван Акимыч!
(поднимается с дивана.)

Иван (*бормочет*). Чуть свет – уж на ногах, и я у ваших ног. Ну поцелуйте же! Не ждали? Что ж, рады, нет? В лицо мне посмотрите. Удивлены? И только?

Катя (*смеется*). Ах, Чацкий, я вам очень рада.

Иван (*мнется*). Я... вот, шел мимо... зашел просить прощения...

Катя (*пожимает плечами*). За что же?

Иван. Все так неловко получилось. Я вас увидел без ничего... (*вздыхает, замолкает*).

Катя. Пустяки. Я на вас не сержусь. Что же вы замолчали, Иван Акимыч? Коли пришли и помешали мне зубрить роль, то хоть разговаривайте. Несносный вы, право.

Иван (*поворачивается к ней*). Собираюсь сказать вам одну штуку, Катерина Алексеевна, да как-то неловко. Скажешь вам спроста, без деликатесов, вы сейчас и осудите, на смех поднимите. Вы такая смешливая. (*замолкает*)

Катя (*хмыкает*). Да говорите, Иван Акимыч. Не бойтесь, не стану смеяться.

Иван. Хочется сказать, а не могу. Такая уж у меня анафемская натура. Кому другому бы сказал, а вам неловко. Вот что ты будешь делать!

Катя (*еле сдерживая смех*). Да будет вам юродствовать, Иван Акимыч. Говорите, и дело с концом. Чего вы, право, боитесь?

Иван (*подходит к ней, берет за руку*). Не могу себя перебороть! Бейте, браните, а уж я скажу. Если не скажу, то и жизнь не мила. Я вас, Катерина Алексеевна...

Катя. Ну, говорите! Что такое?

Иван (*отходит*). Как-то все это театрально. Не могу! Как будто роль говорю.

Катя. Говорите по простому. Как в жизни.

Иван (*нерешительно*). Я вас, Катерина Алексеевна...

Нет, не могу. А впрочем, если по простому... Нет ли у вас, голубушка, рюмочки водочки?

Катя (*прыскает*). Что? Водки? Зачем вам?

Иван. Верите ли, душа горит! Такие во рту после вчерашнего окиси, закиси и перекиси, что никакой химик не разберет.

Катя. Хм, пожалуйста!

Она подходит к буфету, достает графинчик, наливает рюмку. Иван выпивает.

Иван (*оживает*). Премного благодарен... Хотите, Катерина Алексеевна, я вам один театральный анекдот расскажу?

3. Оружейная лавка. Со стен свисают ружья, дуэльные пистолеты, сабли, кинжалы, капканы - все, что необходимо для охоты на птицу, зверя и человека. За прилавком скучает приказчик. Входит Бронин.

Приказчик расплывается в любезной улыбке.

Приказчик. Что вам угодно, мсье?

Бронин (*отрывисто и зло*). Мне нужен... револьвер!

Подвижный приказчик одним движением выхватывает из-под прилавка револьвер.

Приказчик. Я посоветовал бы вам, мсье, взять вот этот прекрасный револьвер. Система Смит и Вессон. Последнее слово огнестрельной науки. Тройного действия, с экстрактором, бьет на шестьсот шагов.

Самая модная система, мсье. Очень верный и сильный бой. Убивает навывлет жену и любовника. Что касается самоубийства, мсье, лучше оружия не найдете.

Бронин. Мне нет надобности ни стреляться, ни убивать. Какая цена?

Приказчик. Сорок пять рублей, мсье.

Бронин. Гм! Для меня это дорого!

Приказчик (*кладет револьвер на прилавок, достает другой*). В таком случае, мсье, я предложу вам другой, подешевле. Вот этот револьвер системы Лафоше стоит только восемнадцать рублей. Но эта система уже устарела. Застрелиться или убить жену из Лафоше считается теперь дурным тоном.

Бронин. Я покупаю это просто для дачи. Пугать воров.

Приказчик. Нам нет дела, для чего вы покупаете. Если бы мы в каждом случае доискивались причин, то нам, мсье, пришлось бы закрыть магазин. (*Выкладывает на прилавок еще несколько пистолетов*). Могу предложить вам еще пистолет Мортимера, всего двадцать пять рублей. Вот дуэльный пистолет – тридцать рублей. Вот тульский револьвер.

Бронин (*берет тульский револьвер в руки, разглядывает*). Сколько этот?

Приказчик. Пятнадцать рублей. Но это, я вам скажу, несчастье! Стреляешь из тульского револьвера в жену, а попадаешь себе в лопатку.

Бронин берет по очереди револьверы, рассматривает, кладет обратно. Последним в его руке оказывается Смит и Вессон. Его он разглядывает дольше, чем другие.

Приказчик. Я вижу, мсье, вам нравится Смит и Вессон. Если он кажется вам дорог, то извольте, я уступлю пять рублей. Вы, вероятно, читали? На днях один офицер выстрелил из Смита и Вессона в любовника жены и... Что вы думаете? Пуля прошла навывлет, пробила бронзовую лампу, потом рояль, а от рояля рикошетом убила болонку и контузила жену.

Бронин. Да что вы говорите!

Приказчик. Да-а! Офицер арестован. Его, конечно, обвинят и сошлют на каторгу.

Бронин. Почему вы так думаете?

Приказчик. Очень просто, мсье! Во-первых, у нас устарелое законодательство, во-вторых, мсье, суд всегда бывает на стороне любовника. И судьи, и присяжные сами живут с чужими женами, и для них будет спокойнее, если в России одним мужем станет меньше. Обществу было бы приятнее, если бы правительство сослало всех мужей на Сахалин.

Бронин. Черт знает что! Что же теперь, мириться с этим? *(хочет идти)*.

Приказчик *(торопливо)*. О, мсье, вы не знаете, какое негодование возбуждает во мне современная порча нравов! Любить чужих жен теперь так же принято, как курить чужие папиросы и читать чужие книги. С каждым годом у нас торговля становится все хуже и хуже – это не значит, что любовников становится меньше, просто мужья мирятся со своим положением и боятся суда и каторги. Надо защищать свою честь! Если все жены станут обманывать своих мужей, то в России произойдет... Революция! Точно вам говорю!

Бронин (*лезет в карман, достает деньги*). Заверните!

4. На сцене устанавливают декорацию гостиной.

Рабочие носят столики, этажерки, шкафчики, стулья. Антрепренер бегает по сцене, указывает рабочим, куда что ставить.

Натали (*резко*). У меня скоро юбилей, Захар Кузьмич. Десять лет на сцене! На вашей сцене, между прочим. И что я делаю на этой сцене? Пью воду и делаю вид, что отравлена.

Антрепренер. Не только это, Наталья Андреевна. Вы еще и поете!

Натали. И это вы называете пением! Я хочу петь оперные арии, понимаете, Захар Кузьмич, арии! (*поет*) «Луна уж бледная светит надо мною. А я сижу тут одинокая и жду, когда придет любовь» Я певица! Публика хочет слушать мое пение, а не хрип.

Антрепренер. Я понимаю это, голубушка Наталья Андреевна! Но не могу вам сейчас для бенефиса устроить новую постановку. Не на что! (*рабочему*). Поставь это туда!

Натали. Как же не на что, Захар Кузьмич? Ежели, как вы говорите, у нас каждый вечер полные сборы.

Антрепренер (*хватается за голову*). Какие сборы! Матушка, помилуйте! Каждый день одни убытки! Хоть плач! Работаешь, стараешься, мучаешься, ночей не спишь, все думаешь, как бы лучше, – и что же? Еле сводишь концы с концами.

Натали. Так поднимите цену на билеты, в конце концов!

Антрепренер. Невозможно, Наталья Андреевна!

Пробовал. Еще меньше ходят. Люди в нашем городишке более прижимистые, чем в столицах. Публика у нас бедная, невежественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, модный водевиль, великолепные голоса! И что же? Чуть больше половины зала! Разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? Ей нужен балаган, ей подавай пошлость. А где «Гамлет», я вас спрашиваю? Где «Отелло» на худой конец? Об этом и речи нет! Для публики это слишком скучно! На серьезные вещи она не пойдет совсем, уверяю вас!

Натали. Ну, почему, Захар Кузьмич? В столицах ходит, а у нас не пойдет?

Антрепренер. В столицах публика избалованная, Наталья Андреевна, она пойдет на все, что угодно. Ей и Шекспир нипочем! Наша публика с норовом, уверяю вас, она выбирает то, что повеселее. Но я ведь за аренду плачу! Артистам плачу! Вам, Наталья Андреевна, плачу больше всех. Мне ведь нужен полный зал. Нет у меня сейчас денег на новую постановку.

Натали. Но мне господин Загвоздкин обещал, Захар Кузьмич. Наверняка обещал!

Антрепренер. Ну, ежели он свое обещание исполнит, Наталья Андреевна! Обещанного, знаете, три года ждут. Да и с кем ставить-то? Актеры разбегаются, как тараканы. Вон, Иван Акимыч куда-то пропал! Три раза к нему в номера посылали. Нету! Кто сегодня с вами выйдет на сцену, ума не приложу?

5. За столиком трактира сидит подвыпивший Иван. Вокруг него слушатели.

Иван. Наш антрепренер, это я вам честно скажу,

братия, вовсе не антрепренер! Ни характера у него, ни вида наружности, ни голоса! Антрепренер, который настоящий, должен иметь солидность, внушительность! Чтоб вся труппа чувствовала его власть.

Посетитель. Что ж, антрепренер всему голова, так что ли?

Иван. Конечно! Был у нас один антрепренер, Савва Трифонич, покойный, так он, бывало, с тобой запанибрата, как с ровней, а где касалось искусства, там он – гром и молния! Бывало, или осрамит тебя при всей публике, или так тебя выругает, что потом три дня плюешься. А теперь что за антрепренеры? Тьфу! Ни силы у него, ни голоса! Давайте лучше еще выпьем! Оно, пожалуй, пить перед спектаклем не совсем... Но нашему брату, актеру, тут кредит, грех не выпить! *(наливает всем вина, выпивает).*

Посетитель *(тоже выпивает).* Все-таки, если беспристрастно рассуждать, то труппа у вас приличная. И спектакли очень даже... Так что зря ты, Иван Акимыч, на антрепренера вашего наговариваешь.

Иван. Нет, перевелись нынче в России хорошие антрепренеры. Ни одного не осталось!

Входят запыхавшиеся Максим и Натали. Они осматривают зал, видят Ивана.

Максим. Так и думал, что ты здесь, Иван! Где же еще тебе быть! Тебя, брат, по всему городу ищут.

Натали. Как же ты напился, Ваня!

Иван. Ну и пускай себе ищут! Прав ты, Максим. Где же еще быть русскому актеру, как не в трактире. Давай, друг мой, с тобой выпьем!

Натали. Может, хватит тебе, Ваня! И так ты уже! Тебе же вечером на сцену лезть.

Иван. А сцена и не такое видела! И чего на ней только не происходило.

Натали. Ну, зачем ты так делаешь? Ты себя погубишь! И меня погубишь!

Иван. Давайте лучше выпьем, Наталья Андреевна! Я угощаю! Тут нашему брату, актеру, кредит. Мертвец и тот выпьет!

Максим (*тянет его*). Пойдем, Иван! Я тебя домой отведу. Приведу в чувство.

Иван. погоди! Сейчас договорю. (*Слушателям*).

Настоящий актер играет нервами и поджилками, он играет сердцем, а не умом. Там, где сердца не нужно, любой сыграть может. Вот в комедии всякий сыграет, а ты в трагедии сыграй, чтоб за нутро хватало.

Посетитель. Это точно. Не всякий актер возьмется.

Иван. Вот поэтому у нас трагедий не ставят.

Антрепренер боится, что актер не сможет ни крикнуть, ни позу принять. Нет, не умеют у нас на сцене умирать! Иной так Гамлета сыграет, что в райке все животы от смеха порвут.

Максим. Пойдем, Иван! Хватит тебе уже!

Максим поднимает Ивана из-за столика и ведет к выходу. Иван вырывается.

Иван. погоди! (*слушателям*) В жизни умирать умеют, а на сцене нет. Чтоб на сцене умереть, мало одну гримасу скорчить. Надо смерть нутром прочувствовать! Все равно как последний час настал...

Натали поддерживает его с другой стороны. Они

ведут Ивана к выходу.

Натали. Ну, нельзя же так, Ваня! Тебе на сцену, а ты лыка не вяжешь. Как ты будешь текст говорить? У тебя же язык заплетается!

Иван. Я текст хорошо помню... Только скажи, что мы сегодня играем?

Натали. Господи, и заменить нечем! Впору спектакль отменять.

Максим. Не надо отменять, Наталья Андреевна! Он сыграет. Соберется, и сыграет. Вы же знаете Ивана. Когда он на сцену выходит – совсем другой человек. Будто и не пил совсем.

Натали *(вздыхает)*. Ну, если только вы за него ручаетесь, Максим Петрович.

Максим. Обещаю вам! Вы поезжайте, Наталья Андреевна. Скажите в театре, что он к началу будет. Я его приведу в божеский вид.

Натали сокрушенно качает головой и выходит. Иван опускается на стул.

Максим. Вот что, брат! Первым делом домой, выпить горячего чаю, чтоб в пот ударило. Ну и касторки, конечно! К вечеру будешь, как огурчик. Есть у тебя касторка? *(Иван мотает головой.)* Ну, я сбегаяю! Говорил тебе, запой самое худое дело.

Иван сидит, опустив голову, шмыгает носом и вытирает рукавом глаза. Максим оглядывается по сторонам, словно боясь, что это увидят посетители.

Максим. Иван, ты что? Вот это, брат, мне уже не нравится. Извини, но даже, брат, глупо. Чего это ты расквасился? Нечего, брат, тут мерлехлюндию

распускать!

Иван опять хлюпает носом, вытирает глаза.

Максим. Ну, вот опять! Нешто актеру можно плакать? А, Иван? Что с тобой?

Иван. Домой в Вязьму хочу.

Максим. Опять ты за свое! Что, к папашке и мамашке захотелось? Чай, давно уж они у тебя сгнили и могилок их не сыщешь. Вон, дядька, говоришь, и тот помер.

Иван (*тяжко вздыхает*). Тридцать пять лет. Ни дома, ни жены, ни детей. И ни гроша за душой. Не идти бы в актеры, а в Вязьме жить. Пропала, Максим, жизнь!

Максим. А вот это совсем глупо! Эта психопатия чувств, брат, последнее дело. Ты актер с талантом. Точно тебе говорю, как врач. Таких, как ты, еще поискать. В Питере, может, одном и найдутся. Я ведь тебя, Иван, за что люблю? Стал бы я пьяницу такого, как ты, любить? За твою душу люблю, за истинно артистическое сердце. Это, брат, ценить надо побольше денег.

б. На сцене богато обставленная комната. По бокам сцены двери. У одной из дверей стоит, слегка качаясь, Иван. Напротив, оперевшись на комод, стоит Натали.

Натали. Завтра вы получите ваши деньги.

Иван (*слегка заплетающимся языком*). Мне нужны деньги не завтра, а сегодня.

Натали. Простите, сегодня я не могу заплатить вам.

Иван. В таком случае я остаюсь здесь. И буду сидеть, пока не получу с вас денег. Или вы думаете, я шучу?

(садится, закинув ногу на ногу.) Завтра заплатите?

Отлично! Я до завтра просижу таким образом!

Натали. Милостивый государь, прошу вас не кричать и уйти!

Иван. Заплатите деньги, и я уйду!

Натали. Не дам я вам денег.

Иван. Я не имею удовольствия быть ни вашим супругом, ни женихом, а потому не делайте мне сцен. Я этого не люблю!

Натали. Не желаю разговаривать с нахалами. Вы невоспитанный, грубый человек. Извольте убираться вон!

Иван. Я никуда не уйду!

Иван разваливается на стуле. Стул трещит и ломается. Иван оказывается на полу. Натали испуганно вздрагивает, но не подает виду. В зале раздаются смешки. Иван с трудом поднимается на ноги и сшибает столик.

Натали. Так вы не уйдете?

Иван. Ни за что!

В одном из рядов кресел партера пробирается на свое место Бронин. Со сцены слышен строгий голос Натали.

Натали. Хорошо же! *(Кричит слуге.)* Лука, выведи этого господина!

Бронин замирает, испуганно оглядывается, думая, что это относится к нему. Поняв, что голос жены доносится со сцены, двигается дальше. Дойдя до свободного места, садится и елозит, уstraиваясь получше. Наконец, успокаивается и смотрит на сцену.

Натали. Извольте убираться вон! Мужик!

Иван. Не угодно ли вам быть повежливее.

Натали (*топает ногой*). Да, вы мужик! Монстр! Медведь!

Иван. Позвольте, какое же вы имеете право оскорблять меня?

Натали. Да, оскорбляю, ну, так что же? Вы думаете, я вас боюсь?

Иван. А вы думаете, что если вы женщина, то имеете право оскорблять безнаказанно? К барьеру! Я никому не позволю оскорблять себя и не посмотрю на то, что вы женщина.

Натали. Медведь! Медведь! Медведь! Хотите стреляться? Извольте! С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб. (*подходит к шкафу, достает пистолеты*).

Иван. Я подстрелю вас из принципа! (*берет пистолет*). Нет, но какова женщина! Вызов приняла. Мне вас даже убивать жалкою

Иван и Натали расходятся в разные концы комнаты. Иван сбивает по пути этажерку. Натали поднимает руку и целится. Иван смотрит на нее и опускает пистолет.

Иван. Я не стану стрелять.

Натали. Это еще почему? Вы трусили?

Иван. Потому что... потому что вы мне нравитесь!

Натали (*смеется*). Я ему нравлюсь! Он еще смеет говорить, что я ему нравлюсь!

Иван. Да, вы мне нравитесь! Я почти в вас влюблен! (*ковыляет к ней*).

Натали. Отойдите от меня – я вас ненавижу! (*выдергивает руку*).

Иван. Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видел ничего подобного. Пропал! Попал в мышеловку, как мышь.

Натали. Отойдите прочь, а то буду стрелять!

Иван. Стреляйте! Вы не можете понять, какое счастье умереть под взглядами этих чудных глаз. Я дворянин, порядочный человек, имею десять тысяч годового дохода, развожу отличных лошадей. Хотите быть моей женой?

Натали. Стреляться! К барьеру!

Иван. Я сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! Двенадцать женщин бросил я, девять бросили меня, но ни в одну из них я не влюблялся так, как в вас. Предлагаю руку и сердце! Да или нет? Не хотите? Ну, так я уйду! *(идет к двери, задевая по пути мебель)*.

Натали. Ну и уходите! Впрочем, постойте! Нет, уходите, уходите! Я вас ненавижу! Или нет... Не уходите. Куда же вы? Постойте! Ах, как я зла! Не подходите!

Иван *(подходит к ней)*. Очень мне нужно было влюбляться. Никогда этого не прощу себе... *(Берет ее за талию)*.

Натали. Отойдите прочь! Я вас... ненавижу. К барьеру...

Иван целует ее, навалившись всем телом. Они сшибают стулья, продолжая целоваться. Поцелуй затягивается слишком долго. В зале слышен смех, крики, аплодисменты. Из своего ряда вываливается Бронин и, разъяренный, бежит к выходу.

Бронин. Я этого так не оставлю! Стреляться!

Немедленно стреляться!

Он выбегает из зала, громко хлопнув дверью.

7. Грим-уборная Натали. Иван полулежит в кресле и тяжело дышит.

Натали. Что с тобой, Ваня? Что ты с собой делаешь? Зачем ты заходил к этой девчонке?

Иван. Водки выпить...

Натали. Прекрати! Вы оба меня обманываете. Зачем она тебе нужна? Такая сопливая девчонка. Ты уже стар для нее. Она тебя погубит! Ты увлечешься ей, а она убежит от тебя к молодому. Послушай меня, я знаю, что говорю.

Иван. Ты тоже убегала?

Натали. Прекрати пить, Ваня! Хочешь, чтобы тебя выгнали из театра?

Иван. Хочу.

Натали. И куда ты пойдешь? Побираться?

Иван. Домой поеду...

Натали (*ходит, размахивая руками*). Домой, домой! И что там, дома? Там у тебя никого нет! А здесь у тебя есть я! Если я для тебя что-нибудь значу, оставь ее, Ваня.

Иван. У нас с ней ничего...

Натали (*садится на стул*). Господи, как я устала! Еще муж висит на моей шее, как камень. Просила его, чтобы он достал денег. Слава богу, Загвоздкин мне обещал. А этот! Ничтожество! Господи, почему я должна жить с таким ничтожеством. Все против меня!

Иван. Он вызовет меня на дуэль, и я его убью. Или он меня.

Натали с ужасом смотрит на Ивана. Он поднимается из кресла, выходит. Натали расстегивает платье. Открывается дверь, входит Бронин. Хмуро смотрит на жену.

Натали. Что тебе надо? Уходи!

Бронин (*официальным тоном*). Я пришел к вам, Наталья Андреевна, чтобы сказать, что впредь не потерплю от вас сношений с этим мужчиной и прошу вас более...

Натали. Хватит! Уходи! Мне надо переодеться.

Бронин (*подходит к ней, меняет тон*). Натали, прошу тебя! Умоляю! Ну, нельзя же так на людях. Хоть бы постыдилась. Ты ведь замужняя женщина. Что будут говорить!

Натали. Да ты пьян! Поди лучше проспись...

Бронин (*взрывается*). Ежели я кажусь вам пьян... ежели я для такой персоны слишком низок, то я могу и вовсе уйти от вас.

Натали. И уходи! Отлично сделаешь.

Бронин. И уйду! Довольно уж я унижался. Как можно терпеть, когда ты целуешься с мужчиной на моих глазах. Все, довольно! Мое терпение кончилось. Я ухожу!

Натали. Ах, боже мой! Да уходи же! Я буду очень рада.

Бронин (*открывает дверь и кричит на весь театр*). Ладно! Увидим! Я этого так не оставлю! Я покажу вам, как со мной комедии ломать! Я заставлю вас уважать себя!

Натали. Шут! Глупый шут! Господи, когда же наконец мне дадут покой? Это просто возмутительно...

Бронин. Вы возмутительно себя ведете!

Предупреждаю! Если я еще раз увижу вас с ним наедине, я воспользуюсь вот этим.

Он выхватывает из кармана револьвер. Натали не реагирует -- она устала так, что равнодушна ко всему.

Натали. Напугал! Ты же хотел уйти совсем. Так уходи!

Бронин. Я предупреждаю...

Натали. Изволь сию же минуту убираться! Слышишь? Лакей! Вон!

Бронин. Я не позволю так с собой обращаться!

(размахивает револьвером)

Неожиданно раздается выстрел. Бронин пригибает голову и зажмуривает глаза.

Действие четвертое

Бенефис

1. Кабинет Загвоздкина. В кресле сидит Натали. Сам хозяин ходит по кабинету, поыхивая сигарой, сыто философствует.

Загвоздкин. Искусство нас облагораживает. Искусству мы обязаны присутствием в нас высоких чувств, каких не знают дикари, не знали наши предки. У меня вот слезы на глазах выступают, когда я смотрю на сцену. Это хорошие слезы, и я не стыжусь их. Что ни говорите, дорогая Наталья Андреевна, сцена действует воспитывающе...

Натали. Вот я и прошу вас, Петр Спиридонович, помочь в устройстве спектакля для моего бенефиса. Вы

ведь, кажется, обещали...

Загвоздкин. Я обещал? Когда?

Натали. Третьего дня. Вы заходили ко мне в грим-уборную после спектакля.

Загвоздкин. А-а! Ну, ежели я обещал, дорогая Наталья Андреевна, тогда конечно... Я свое слово держу. Я не привык словами бросаться. Сколько же вам нужно?

Натали. Да хотя бы пять тысяч. Этого достаточно. Все вернется, уверяю вас, с процентами вернется.

Спектакль будет иметь успех. На меня публика ходит!

Загвоздкин. Знаю, знаю! Сам не прочь... А что, антрепренер ваш, как его..? Он что, не может вам бенефиса устроить?

Натали. Нет. Никак не может, Петр Спиридонович. У него теперь совсем денег нет на новую постановку. Еле сводит концы с концами. Умоляю вас, Петр Спиридонович. Ради меня и искусства, которое вы так любите.

Загвоздкин. Конечно, конечно, Наталья Андреевна! Раз обещал...

Загвоздкин подходит к бюро, достает лист бумаги, ручку, макает ее в чернильницу. Что-то пишет на листе. Посыпает его песком, стряхивает. Подает листок Натали.

Натали (*читает*) Премного вам благодарна!

Загвоздкин. Буду с нетерпением ждать вашего бенефиса, Наталья Андреевна.

2. На сцене стоит длинный стол, заставленный закусками и бутылками. За ним сидят несколько актеров. Во главе стола Натали. На другом конце

Бронин. Где-то в середине сидит Иван. Здесь же антрепренер, Катя, дирижер. Все переговариваются и наливают бокалы. Поднимается Бронин с бокалом в руке.

Бронин. Господа, позвольте на правах мужа сказать небольшой тост. *(все замолкают)* Ровно десять лет прошло с того знаменательного момента, как Наталья Андреевна вступила на тернистую стезю искусства. Да, то был страшный путь! Вдали мерцала ее звезда... Окутанная беспросветной тьмою, она жадно стремилась к ней, а на ее пути лежали пропасти и овраги, полные шипящих змей, амфибий и гадов. Но она прошла этот путь...

Иван *(роняет бутылку)*. Предлагаю выпить тост за здоровье юбилярши!

Все кричат «Ура!», чокаются с Наталю, пьют. Бронин обиженно ждет.

Бронин *(нетерпеливо)*. Я хочу сказать, господа, о том значении, какое имеет в наше время человек театра. Полагаю, что даже посредственный актер, скромно подвизающийся где-нибудь в глуши, приносит человечеству больше пользы, чем человек, строящий мосты и выдумывающий электричество. И можно еще поспорить, что полезнее, театр или железные дороги! Не будь на земле искусств...

Антрепренер. Давайте, господа, выпьем за нашу несравненную Наталью Андреевну. Дай вам Бог, чтоб ваш бенефис удался на славу!

Наталю. Эх, Захар Кузьмич, все в ваших руках.

Антрепренер. Все в руках Господа!

Все смеются, чокаются, пьют. Бронин обиженно садиться на место. Пьет вместе со всеми. Все начинают весело переговариваться, смеяться и балагурить. Бронин снова поднимается и стучит ножом по бокалу.

Бронин. Я вам должен сказать, господа, что в последнее время драма пала. Сильно пала! Потому что изменились взгляды! Теперь принято требовать для сцены жизненность. А я так думаю, для сцены не нужна жизненность. Ее можно увидеть везде: и в трактире, и дома, и на базаре. Для театра нужна экспрессия! Экспрессия нужна, господа!

Иван. На кой черт нам экспрессия? Нужно, чтоб жуликов да прохвостов поменьше было, а не экспрессия. Что в ней, в экспрессии, если актеры месяцами жалования не получают?

Бронин. Вот видите, какой вы, Иван Акимыч. Всегда вы норовите сказать какую-нибудь колкость. С вами невозможно говорить...

Иван. А вы не говорите! Да, драма, как вы выразились, Денис Петрович, пала. Но потому что оказалась в руках рабов золотого тельца, которые главенствуют в храме муз.

Все недоуменно переглядываются. Натали испуганно смотрит на Ивана.

Бронин (обиженно). Я вас не понимаю, Иван Акимыч. Какое это ко мне имеет отношение? Я человек посторонний, и ежели беспокоюсь о судьбах театра, то только из любви к искусству. И когда вы играете вместе с моей женой, я терплю это, потому что уважаю сцену.

Но это не дает вам права проявлять свои чувства к ней на виду у всех.

Натали (*вскакивает*). Что ты несешь? Что ты вообще понимаешь в искусстве, чиновничья душа! Кто только вбил тебе в голову все эти рассуждения?

Бронин. И не надо прикрывать искусством свое развратное поведение. Так порядочные люди не делают!

Иван. Да, теперь порядочные люди встречаются редко. Особенно среди тех, кто не имеет к театру никакого отношения.

Бронин. Я понимаю, на кого вы намекаете, Иван Акимыч. Но к чему намеки? Говорили бы прямо, в глаза... Я вам отвечу! Я смогу постоять за свою честь! (*вынимает револьвер*).

Все вскрикивают и пригибают головы. Бронин размахивает оружием. Неожиданно раздается выстрел. Женщины лезут под стол. Мужчины тоже стараются не попасть на линию огня. Только Натали и Иван остаются сидеть на своих местах. Бронин выбирается из-за стола и идет к дверям, размахивая револьвером.

Бронин. Вы еще меня попомните! Я покажу вам спектакль! (*выходит*)

Все понемногу успокаиваются. Женщины приводят себя в порядок.

Антрепренер. Послушай, Иван Акимыч! Честное мое слово, у тебя есть талант. Всякий тебе скажет, что есть. И ты бы далеко пошел, может быть, и до столиц дошел. Если бы не эта штука (*щелкает себя по горлу*) и не твой собачий характер. Черт тебя знает, везде ты лезешь в

драку и в ссору! Суешься со своей честностью, куда и не нужно. Ей-богу!

Иван. Брось, Захар Кузьмич! Давайте, господа, лучше выпьем за искусство!

Он поднимает бокал. Все радостно чокаются и пьют.

3. На сцене идет репетиция нового спектакля.

Несколько актеров и актрис разучивают музыкальное вступление. В самом центре Натали. Где-то сбоку Иван, с самого края Катя. Все актеры в ярких экстравагантных костюмах. Под звуки оркестра они поют. Рядом с кулисами стоит антрепренер, наблюдает за репетицией. Из общего хора несколько выбивается Катя. Она поет слишком высоко. Дирижер хмуро смотрит на нее, стучит палочкой по пюпитру, Катя смущается, начинает фальшивить и путать слова. Дирижер раздраженно прекращает музыку. Все замолкают.

Дирижер. Стойте, черт вас возьми! Вы, мадмуазель! Я с вами говорю, Катерина Алексеевна! Растолкуйте ей, что здесь не «фа диез», а просто «фа».

Музыканты играют ту же фразу. Все повторяют тот же куплет. Катя опять выбивается из общего хора.

Дирижер раздраженно стучит по пюпитру.

Дирижер. Мадмуазель, пойте эту сцену одна.

Начинайте! Вторая скрипка, убирайтесь к черту с вашим неподмазанным смычком!

Он взмахивает палочкой. Оркестр играет. Катя поет, но у нее выходит еще хуже.

Дирижер. Черт знает что! Если вы не можете петь, то за каким чертом лезете на сцену.

Он бросает палочку. Катя бросает ноты, показывает ему язык и хочет уйти со сцены.

Антрепренер (*встает у нее на пути*). Катерина Алексеевна, ну что вами, голубушка? Вы же всегда прекрасно пели! Может быть, вы больны?

Катя. Я здорова, Захар Кузьмич.

Иван сочувственно смотрит на нее. Натали ревниво перехватывает его взгляд.

Натали (*швыряет ноты*). Я не могу так репетировать! Это меня нервирует! Нельзя прерываться каждую минуту из-за того, что какая-то девчонка путает слова. Замените ее, Захар Кузьмич, прошу вас. Эта девчонка зарежет меня своим голосом.

Антрепренер. Наталья Андреевна, дорогая моя, мы ее заменим. Я, право, не понимаю, что с ней. Она всегда так хорошо пела.

Натали. Вы еще скажите, Захар Кузьмич, что она поет лучше меня!

Она в раздражении уходит. Иван подходит к Кате, берет ее за руку.

Иван. Да вы заболели! У вас руки горячие. Что же вы сразу не сказали? Вам нельзя было выходить на сцену.

Катя. Что вы, Иван Акимыч, я совершенно здорова. Я себя нехорошо чувствую в душевном отношении.

Иван. Кто вас обидел? Скажите мне, и я поговорю с этим человеком.

Катя. Никто меня не обидел! Что вы, Иван Акимыч, не надо, прошу вас! Это все из-за... (*думает, что бы соврать*) погоды. Зима на меня дурно действует, знаете ли. Я зимой вся не своя. Вот весной совсем другое дело.

Антрепренер. Что с ней, Иван Акимыч?

Иван. Она плохо себя чувствует. Просквозило! У тебя на сцене, Захар Кузьмич, вечный сквозняк. Как можно тут петь! Любой голос сядет!

Антрепренер (*недоуменно*). Какой сквозняк? Осенью все щели заделывали. Сам проверял! Пойду проверю. (*уходит*).

Иван (*дирижеру*). А вы не приставайте к ней со своими диезами!

Дирижер. Я пристаю? Да вы смеетесь надо мной! Ноты в музыке главней всего!

Катя. Аполлинарий Македоныч, я хочу повиниться. Я ужасно плохо пела, ужасно!

Дирижер (*поднимается на сцену*). Это вы извините меня, Катерина Алексеевна. Я не знал, что вы нездоровы. Нужно сказать Захару Кузьмичу, если на сцене будет по-прежнему сквозной ветер, никто не согласится петь, всякий откажется. Здоровье дороже всего на свете. (*жмет ей руку и хочет уйти.*)

Катя (*удерживает его*). Не браните меня больше, Аполлинарий Македоныч. Вы меня убиваете своей бранью. Я не перенесу этого, клянусь вам!

Дирижер. Простите меня, Катерина Алексеевна. Я был несдержан. У меня кошки на душе скребут, когда я слышу фальшивое пение. Обещаю вам, что более не буду кричать на вас. Но и вы обещаите стараться.

Катя (*прижимается к нему*). Вы такой добрый! Я постараюсь, Аполлинарий Македоныч. Я спою! Я буду петь лучше всех... для вас.

Дирижер. Простите, я должен идти к моему оркестру.

(отходит)

4. *Грим-уборная. Натали сидит за гримировальным столиком, приводит в порядок прическу, но делает это машинально, думая о чем-то своем. Раздается стук в дверь.*

Иван *(входит)* Это я, Натали. Я тебе не помешал?
(садится на стул)

Натали *(вздыхает)*. Как ты можешь помешать, Ваня! Мне тебя всегда не хватает.

Иван. Нам нужно объясниться...

Натали. Объясниться? Давай объяснимся! Что ты хочешь мне сказать? Что проявил участие к бедной девочке, у которой осипло горлышко?

Иван. Ты к ней несправедлива.

Натали. Но она же готова все испортить. Твое отношение ко мне, нашу любовь и даже мой бенефис. Все!

Иван. Зачем ты так говоришь? Она ничего не сделала. Я хотел поговорить о нас с тобою. Так не может больше продолжаться...

Натали *(вскакивает, ходит по комнате)*. Да, Ваня, так не может продолжаться! Мне нужно оставить его, зажить на свободе. Это нужно сделать хотя бы сегодня вечером...

Иван. Да, наверное... Но, может быть, поспешно... Не стоит сейчас.

Натали. Стоит, Ваня, стоит! Я люблю тебя, ты любишь меня. Для любви нужна полная свобода. А разве я свободна? Над моей душой вечно торчит этот человек. Человек, которого я ненавижу больше всего на свете. Я

не могу так больше жить!

Натали подходит к нему вплотную. Ивану приходится встать. Натали обнимает его и утыкается ему щекой в грудь.

Натали. Я устала любить воровски. Понимаешь, Ваня, устала! Объяснимся с ним и уедем. Уедем куда-нибудь далеко. Хотя бы в твою Вязьму. И заживем там...

В этот момент открывается дверь, входит Бронин в шубе и шапке. Натали инстинктивно отскакивает от Ивана. Иван тяжело и устало вздыхает.

Бронин (сквозь зубы). Я вижу, Натали, ты не внимаешь моим мольбам. Я ведь просил тебя, умолял. У тебя стыда нет, чести нет! *(снимает шапку, утирает вспотевшее лицо.)* Я ведь говорил тебе, что не потерплю издевательства. Это низко, пошло, гадко! Ты пред алтарем что?.. А теперь?

Натали. Не надо устраивать трагедии. Ты плохой актер.

Бронин. Это не трагедия! Это комедия! Вы сделали меня шутком и теперь насмехаетесь надо мной. Я не потерплю! Дряннь!

Иван. Не смейте оскорблять ее!

Бронин. А вы мерзавец, Иван Акимыч! Лезете к моей жене, где только возможно. Даже на сцене, при народе. Это еще более оскорбительно с вашей стороны. Но я могу за себя постоять! Я вас на дуэль вызову! И убью! В Сибирь пойду, а убью! Пускай судят, пускай сошлют, ничего не боюсь! *(лезет в карман, достает револьвер, направляет на Ивана).*

Натали. Убери, ты не в себе!

Бронин. Молчать! Дряннь негодная! Я не позволю надо

мною смеяться!

Раздается выстрел. Слышен звон разбитого стекла. Комнату заволакивает дымом.

5. Комната Ивана. На кровати неподвижно, сложив руки на груди, лежит Иван. Его замерший взгляд устремлен в потолок. В дверь стучат. Иван не реагирует. Кажется, что он умер. Дверь распахивается, Максим подходит к Ивану, трясет его за плечо, трогает лоб, берет руку за запястье, щупает пульс.

Максим. Иван, что с тобой? Ты болен? Накажи меня Бог, болен. На тебе лица нет! Ты простудился. Ишь, какие руки холодные! Что у тебя болит?

Иван. Устал... Надоело все... Домой хочу...

Максим. Ну вот, опять ты за свое! Хочешь коньяку? *Максим достает из кармана бутылку, наливает немного в стакан, дает Ивану. Иван садится на кровати, медленно пьет.*

Иван *(бормочет)*. Ох, и злодей, этот Мушкин! Ох, и злодей!

Максим. Какой еще Мушкин?

Иван. Известный был Мушкин. Актер. Царствие ему небесное! Ох, и разбойник! Кому он удовольствие доставил, те его давно забыли, а кому зло сделал, те помнят. Я его во веки веков не забуду, потому, кроме зла, ничего от него не видел.

Максим. Какое же он тебе зло сделал?

Иван. Зло великое! На него глядячи, я в актеры поступил. Выманил он меня своим искусством из родительского дома, прельстил суетой артистической,

много наобещал, а дал одни слезы и разочарования. Потерял я, Максим, и молодость, и трезвость, и образ божий... За душой ни гроша, каблуки кривые, на штанах бахрома, весь словно собаками изгрызен. В голове свободомыслие и неразумие... Добро бы талант был, а то так, ни за грош пропал...

Максим. Зря ты так говоришь, Иван! И талант у тебя есть, и душа есть! Мне-то лучше знать, я все-таки врач. Ну, объясни ты мне, Иван, за что я тебя люблю? Ни родня ты мне, ни брат, ни жена, а как узнал, что ты прихворнул – словно кто ножом по сердцу резанул.

Иван (*хватает его руку*). Максим, отпусти меня в Вязьму! А? Ей-богу надо! Поверь, брат! Смерть, как надо!

Максим. Да поезжай ты в свою Вязьму! Кто тебя держит? Надо, поезжай! Вязьма – хороший город. Отличный, брат, город! Пряниками на весь свет прославился.

б. За кулисами. Бегают актеры и актрисы в ярких нарядах. Рабочие проносят элементы декораций. Антрепренер машет руками, отдает распоряжения. Появляется разгневанная Натали. На ней красивое яркое платье. Подходит к антрепренеру.

Натали. Захар Кузьмич, я не могу выходить в этом на сцену! Вот это что? (*показывает оборки*) Это же черт знает что такое! Это не платье, а какое-то помело!

На шум собираются актеры. Среди них появляются Иван и Катя. Подходит дирижер. Все с любопытством наблюдают за склокой.

Антрепренер. Наталья Андреевна, дорогая! Ну что я

могу поделаться? Уже нет времени исправлять. Ну, выйдете в этом!

Натали. Нужно было покупать более дорогую ткань!

Антрепренер. Я и так платил по восьми рублей за аршин. Это самая лучшая ткань из лавки господина Загвоздкина. Или вы хотите, чтобы я заказал ее из Парижа?

Натали. Ничего я не хочу! Я хочу, чтобы мой бенефис удался на славу, а не превратился в обычный балаган. Вы заменили эту пигалицу с пропавшим голосом?

Все смотрят на Катю. Катя смущенно моргает, готовая расплакаться.

Антрепренер. Кем же я ее заменю, Наталья Андреевна? Кто теперь сможет выучить ее роль? Я уверен, она споет! Правда, споете, Катерина Алексеевна?

Катя. Я спою, Захар Кузьмич! Наверное спою...

Натали. Все равно, я прошу вас заменить ее, Захар Кузьмич. Она мне сорвет бенефис!

Антрепренер. Голубушка, Наталья Андреевна, простите вы ее! Хотите, встану перед вами на колени, чтобы вы ее простили. Не режьте меня заживо! Дайте хоть один спектакль провести спокойно. Времени уж ни на что не осталось!

Иван. А ты встань, Захар Кузьмич, встань на колени. И она простит. Наталья Андреевна, вы ведь простите ее? Какое еще вам нужно унижение?

Антрепренер. Я тебя не понимаю, Иван Акимыч? Что ты хочешь этим сказать?

Иван. Я хочу сказать, что вы потеряли всяческое сочувствие. Ну, что вы все к ней пристаёте. Катерина

Алексеевна споеет, она же сказала.

Дирижер. Простите, Иван Акимыч, но если мы бранимся на нее, то ведь мы заступаемся за искусство, с которым никто не смеет шутить. И не имеют никакого значения личные мелкие неприятности, когда идет разговор о большом искусстве.

Иван. А разве можно шутить с человеком? Разве можно не считаться с ним, с его чувствами и желаниями?

Катерина Алексеевна может петь лучше, вы это знаете. Но кто может заглянуть в ее душу и увидеть, что там делается? Посмотрите, как она страдает!

Натали. Что нам ее страдания, когда скоро начнется спектакль. Я не хочу, чтоб из-за страданий одной девчонки провалился мой бенефис. *(уходит)*

Антрепренер (актерам). Так, так, что вы все стоите? Идите готовиться! Через час начало представления. Повторите еще раз ваши роли.

Все расходятся. Катя уходит в слезах. Иван остается один.

Иван (бормочет). Ну, я вам устрою бенефис! Вы меня будете помнить! *(уходит)*

Некоторое время сцена пуста. Свет гаснет, затем снова все освещается.

Вдруг начинают бегать актеры, они чем-то напуганы.

Актрисы вскрикивают. Появляется перепуганная

Натали. Ей навстречу выбегает антрепренер.

Натали. Что случилось, Захар Кузьмич?

Антрепренер. Ничего не могу понять, Наталья Андреевна. Это какое-то наваждение!словно злой дух пролетел!

Натали. Ну что, что, не томите!?

Антрепренер. До начала спектакля остались считанные минуты, а распродано только двадцать три билета.

Натали. Этого не может быть!

Антрепренер. Ей-богу, Наталья Андреевна! Сами поглядите! В зале пусто.

Натали подбегает к занавесу, отыскивает в нем проем и смотрит в зал. Отворачивается. У нее крайне изумленное лицо.

Натали. Публика меня не любит... *(со стоном оседает на пол).*

Один из актеров едва успевает ее подхватить. Все склоняются над нею.

Антрепренер *(хватается за голову).* Боже мой! Это провал!

Все уходят. Натали уносят на руках. За кулисами слышны шум, крики, беготня.

Появляется Катя. С другой стороны сцены Иван, подходит к ней. Он разгорячен, оглядывается по сторонам, словно совершил какое-то преступление.

Катя. Вы не знаете, что случилось, Иван Акимыч?

Иван *(подходит, нежно берет ее за руку).* Вытирайте слезы и не расстраивайтесь. Спектакля все равно не будет. Я все устроил!

Катя *(испуганно).* Но почему не будет?

Иван. Вы ведь не хотели петь! А я не хотел, чтобы вы мучались.

Катя. Я не хотела петь?

Иван. Ну да! У вас прекрасный голос и поете вы лучше всех. Но вы просто не хотели участвовать в этом

балагане. Вот я и сорвал спектакль!

Катя (*изумленно*). Что? Зачем вы это сделали, Иван Акимыч?

Иван. Ради вас...

Катя. Ради меня? Господи, что же теперь будет?

Иван. Да ничего не будет! Ни спектакля, ни бенефиса!

Катя (*хлюпает носом и вытирает глаза*). Я очень хотела петь, Иван Акимыч, так хотела, что даже дрожала вся от радости. Клянусь вам! Но как посмотрю на него, так всю меня зажимает, и голос не слушается.

Иван (*растерянно*). На кого вы посмотрели?

Катя. На Аполлинария Македоныча... Я в него так влюблена, что даже смотреть боюсь.

Иван (*изумленно*). Влюблены? В него!?

Катя. Уже давно. И вот! Начинаю петь хорошо, а он только взглянет на меня, и я уже ничего с собой поделывать не могу. А уж когда он говорит мне что-то, так я совсем ничего не слышу и дрожу вся. Вы, Иван Акимыч, не знаете, отчего это?

Иван (*мотает головой*). Уезжаю я, Катерина Алексеевна. Хочу с вами попрощаться.

Катя (*удивленно*). Что? Уезжаете! Когда?

Иван. Сегодня. Ночным поездом. Насовсем уезжаю.

Катя. Куда же вы едете, Иван Акимыч?

Иван. В Вязьму... На родину... Прощайте!

(решительно уходит)

7. Грим-уборная. Натали в кресле. Рядом на коленях стоит дирижер и целует ей руки.

Дирижер. Наталья Андреевна, не убивайтесь вы так, дорогая моя! Наша публика невежественная, она не

понимает настоящего искусства. В столицах вас бы на руках носили!

Натали. Ах, оставьте меня, Аполлинарий Македоныч, не мучайте! Уходите!

Дирижер. Я не мучаю вас, Наталья Андреевна, я пытаюсь успокоить! Не терзайте себя так, обожаемая моя! *(хочет ее поцеловать, но она отстраняется).*

Натали. Уйдите прочь! Вы мне надоели! Я не могу больше вас видеть!

Дирижер. Не гоните меня, Натали, я люблю вас, божественная моя! Если бы вы знали, как я страдаю из-за того, что вы меня не любите. Вы просили меня убрать эту девчонку, я выполню вашу просьбу. Я все для вас готов сделать. Только не гоните меня!

Ему удается поцеловать ее в щеку. В этот момент входит Бронин.

Бронин *(зло).* А-а, и этот здесь!

Натали *(стонет).* О, Господи!

Дирижер *(поднимается с колен).* Простите... Я ничего... Я только зашел успокоить...

Он обходит Бронина стороной и исчезает. Натали закрывает глаза. Бронин устало опускается на стул.

Бронин *(тяжко).* Господи, как я устал! Ты себе представить не можешь, Натали, как мне тяжело с тобой жить... Больше нет никаких сил. А ведь я тебя любил! Я тебя обожал! Я тебя боготворил! Помнишь, как я носил тебя на руках, когда ты болела? Ты захотела поступить на сцену, я сказал тебе: «Иди!». Я тебя содержал, когда ты добивалась признания. Я хотел, чтобы ты устроила свою жизнь. И когда ты устроила ее, ты решила разбить

нашу семью. Я тебе стал не нужен, ты меня возненавидела...

Натали (*открывает глаза*). Я полюбила другого человека.

Бронин (*спокойно*). А-а, этого мерзавца, который сорвал спектакль.

Натали. Про кого это ты говоришь?

Бронин. Да про твоего Ивана Акимыча. Вот подлец! Надо же такое придумать!

Натали. Что ты несешь? Кто тебе такое сказал?

Бронин. Да об этом весь театр говорит! Странно, что ты не знаешь. Нацепил листок на афишу: «Все билеты распроданы» Вот публика и разворачивалась. Да и поехал себе в Вязьму! Ночным поездом.

Натали. О, боже! (*хватает шубку и, толкнув дверь, вылетает из комнаты*)

8. Привокзальный буфет. Входят Иван и Максим. Они садятся за столик у окна. За окном виден стоящий на перроне состав. В руках у Ивана дорожный саквояж.

Иван. Давай, Максим, пива выпьем. Еще первого звонка не было, так что нечего спешить. Мне что-то пить захотелось. (*кричит*) Человек, пива!

Официант приносит бутылки и стаканы, откупоривает, наливает. Иван и Максим пьют. С перрона доносится один удар колокола.

Максим. Ну что, Иван, надолго ты туда?

Иван. Не знаю. Может быть, насовсем. Меня здесь больше ничего не держит. С театром, я думаю, все кончено.

Максим. Почему же все, Иван?

Иван. Не хочу больше в чужую жизнь играть. Хочу своей заняться. Жениться, детей нарожать. Может, еще успею... Вот что, Максим, давай выпьем с тобой на прощанье вина. *(кричит.)* Человек, бутылку Ньюи! *Официант приносит бутылку вина, откупоривает, наливает, ставит ее на столик.*

Максим. За тебя, Иван! Счастливо тебе доехать! Когда еще свидимся?

Они чокаются и выпивают. С перрона доносится два удара колокола.

Иван. А я ведь, Максим, спектакль-то сорвал. Весь театр в панике! Меня, поди, ищут.

Максим. Ты!? Зачем же!?

Иван. Понимаешь, друг мой Максим, влюбился я. Как мальчишка, как дурак! Я готов был сделать для нее все что угодно. Она такая юная, такая хрупкая, такая смешливая. Ты, может, видел ее? Она тоже на сцене поет. А, да ты же в театр не ходишь!

Максим. А как же Наталья Андреевна?

Иван наливает еще вина, они выпивают. С перрона доносится три удара колокола.

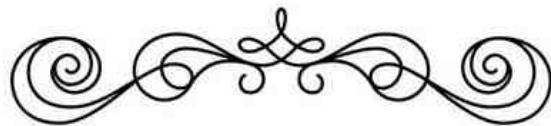
Иван *(вздыхает)*. Натали? Она хорошая женщина, но я ее не люблю. Не знаю, почему, но не люблю. Катя совсем другая. У нее душа чище. С ней бы я хотел устроить семью. Но она любит этого прощельгу – дирижера. Что мне делать, Максим? Скажи, как врач!

В окне медленно проплывает поезд, все быстрее и быстрее разгоняясь.

Максим *(думает)*. Если ты влюблен, брат, то возьми... полфунта александрийского листа, штоф водки, ложку

скипидару, фунт жженных «Петербургских ведомостей», смешай все это и употреби в один прием. Причиненная этим средством болезнь заставит тебя надолго лечь в больницу, и тебе будет не до любви...

В окне мелькает последний вагон ушедшего поезда. За окном останавливается растрепанная Натали в расстегнутой шубке и без шляпки. Она с тоской смотрит вслед ушедшему поезду. На ее глазах слезы. Она вздыхает несколько раз, переживая в душе утрату, застегивает шубку, переводит взгляд на освещенное окно. Замечает сидящих за столиком друзей. Печально смотрит на них, на ее лице появляется усталая улыбка. Друзья не видят ее и продолжают о чем-то оживленно беседовать.

**Елена Иоос,
драматург,
театральный публицист**

ТЕАТР В ЦИФРАХ

Любой драматург жаждет увидеть свои пьесы на сцене, и далеко не каждый до такого счастья доживает. На то есть множество причин, достойных отдельной статьи. В данный момент меня интересует другое: какова общая тенденция репертуарной политики театров?

Чтобы найти ответ на свои вопросы, я провела анализ репертуаров на сайтах государственных драматических театров Москвы (им. Вахтангова и МХТ им. Чехова), Омска, Перми, Кудымкара, Ростова-на-Дону, Пскова, Хабаровска, Белгорода, Новосибирска, Екатеринбурга, Архангельска, Ярославля, Новгорода и Нижнего Новгорода. Выборка составила пятнадцать преимущественно провинциальных театров в самой широкой географии. В своём исследовании я не претендую на научную социологическую точность и

прошу заранее меня простить, если что-то не учла.

Первый этап моего анализа – распределение всех авторов пьес по трём группам:

- Зарубежные авторы
- Русские и советские авторы
- Современные российские авторы

Общее число зарубежных авторов составило гордые 113 единиц. Русских и советских я насчитала 88. Российские авторы замкнули счёт примерно 70-ю персонами.

Второй этап плавно вытек из первого. Моему невооружённому глазу предстала следующая картина. Собственно драматургами в общем количестве зарубежных и отечественных авторов дороссийского периода являются едва ли треть списочного состава. Остальные это писатели и поэты, представленные в сценических версиях своих литературных произведений. (Прим.: в данном случае речь не идёт о точных цифрах, так как детально разобраться с более чем 200 имёнами авторов не представилось возможным).

На третьем этапе я исключила инсценировки и новогодние спектакли по русским и другим народным сказкам. Мне это показалось целесообразным, так как сценверсии и сказки на Новый год часто пишут либо сами режиссёры, либо актёры, среди которых мало настоящих драматургов. Таким образом, от семидесяти авторских голов российского списка пришлось отнять минимум одну треть. Итого: российских драматургов, пишущих оригинальные пьесы и поставленных в

профессиональных театрах вышеназванных городов, можно насчитать в лучшем случае 46-47. Среди них многие начали писать и попали на сцену в постперестроечное время конца 80-90-х годов. Это, значит, что реально новых авторов и того меньше.

Четвёртый этап – выявление лидеров «проката» в российском списке. Оказалось, что подавляющее большинство имеет не более одной постановки. Есть несколько авторов, чьи пьесы идут более чем в двух театрах. Это: Я. Пулинович (4), В. Сигарев (3), И. Вырыпаев (3), Н. Коляда (3), А. Коровкин (3). Я не уверена, стоит ли с железной уверенностью экстраполировать результаты моего подсчёта на остальные театры, которых в Министерстве Культуры числятся ещё десятки, если не сотни, но уловить общие соотношения величин, я думаю, всё-же можно. Промежуточные результаты анализа:

— В абсолютных цифрах интерес к иностранным авторам в наших театрах очень высок. Пальму первенства в моей выборке держит Вахтанговский театр: 26 зарубежных авторов против 18 русских-советских и 4 современных. На противоположном полюсе занял позицию Драмтеатр им. Горького г. Кудымкара: 2 иностранца, 14 русско-советских автора и аж 19 российских.

— Русская драматургическая и литературная классика ожидаемо представлена повторяющимися в каждом театре именами Чехова, Островского, Достоевского, Гоголя, Пушкина, Булгакова, Горького, Толстого. С большим отрывом в меньшую сторону

встречаются имена Цагарели («Ханума»), Платонов, Грибоедов, Тургенев, Арбузов. Имена Шукшин, Володин, Куприн, Лесков, Горин, Б. Васильев, Шварц, Шолохов, Гуркин появились на афишах от 1-го до 3-х раз.

— Театры охотно берут известных авторов прошлых времён. Им не нужно платить роялти, и при этом театральной публике они хорошо известны. Однако образованный зритель стареет и постепенно перестаёт ходить в театр, а неначитанный молодняк нового времени трудно поймать на «нераскрученные» в соцсетях фамилии классиков. Что в этой ситуации предпримут театральные режиссёры? Будут они по привычке скорее рыть ходы сообщения в сторону европейского заката, или всё же повернутся лицом к отечественным авторам? Вопрос...

— Нынешние популярные авторы – Коляда, Сигарев, Пулинович, Вырыпаев, Коровкин, к ним добавлю Гришковца – все проявили себя впервые не позднее 2005 года. Относительно «новые» Ю. Тупикина и Ю. Пospelова, которые в моём списке встретились по 2 раза, заявили о себе в середине 2010-х.

Для сравнения я посмотрела репертуары драматических театров Берлина, Франкфурта-на-Майне, Гамбурга и Ганновера. Ни одной русской фамилии не обнаружилось. Зато всюду значатся свои родные немецкие имена, преимущественно современные, с вкраплениями Брехта, Ибсена и Шекспира в виде исключения. Не показательно ли? Видимо, как культуртрегеры наши авторы европейцам в

данный момент совсем не интересны.

А мы всё высматриваем на их театральных подмостках что-нибудь «этакое», рассуждаем о вечных ценностях, которые у них и у нас якобы одни и те же. Но менталитет-то у нас разный! Их ответы на вечные вопросы отличаются от наших, этика и мораль понимаются и реализуются иначе. Что для них хорошо, для нас может оказаться вовсе непотребным. Потомки католиков и протестантов, покинувшие свои церкви, учат жизни нас, всё ещё хранящих веру отцов – православную, мусульманскую, буддийскую, даже языческую... Оно нам зачем?

Печальный вывод:

Не надо быть умником, чтобы увидеть очевидное: российский профессиональный драматический театр в целом мало доверяет современным российским драматургам. Конечно же я не открыла Америку, об этом говорят и пишут многие. Но, может быть, мои конкретные цифры кого-нибудь из худруков и режиссёров впечатлят? Разве не приятно открывать новые имена? Чехов и Достоевский глубоки, Гольдони чудесен, Шекспир вечен, Ханума смешная... А у нас уже двадцать первый год XXI-го века на дворе. У нас COVID, трудовые мигранты, экологические катастрофы, пенсионная реформа, завал в образовании, провал в медицине, безработица, инфляция, горячие конфликты по границам, разброд и шатание в душах и умах... Нам правда нечего из современной тематики представить в театрах? Как Вы думаете?

**Татьяна Медведева,
журналист**

ЕВГЕНИЙ КНЯЗЕВ: "ЗАГАДОЧНЫЕ ВАРИАЦИИ ТЕАТРА"

Вахтанговец – это судьба, убежден знаменитый актер Евгений Князев, который работает в театре имени Вахтангова с 1982 года. И сегодня зрители могут увидеть его в спектаклях-хитах «Анна Каренина», «Маскарад», «Посвящение Еве», «Суббота, воскресенье, понедельник», «Царь Эдип». Ему с легкостью удаются любые перевоплощения. Его персонажи интересны и неповторимы. Евгений Князев на сцене всегда очень притягателен. Это и называется «властью над зрителем» – харизмой, которой актер обладает сполна.

Евгений Князев Народный артист Российской Федерации. Ректор Театрального института им. Б. Щукина. Фильмография: «Пятый ангел», «Вольф Мессинг: видевший сквозь время», «Зеркала»,

«Орлова и Александров», «Мир вашему дому!» и многие другие картины.

Ваша жизнь сложилась так, что Вы – коренной вахтанговец. В чем это совпадение?

– У нас, когда поступаешь в Щукинское училище, педагоги говорят: «Считайте, что для вас – это судьба. В нашем училище – монастырская система. Вы поступили в вахтанговскую школу, и должны принять нашу вахтанговскую религию. Те, кто ее принимают, остаются ей верны до конца своих дней». И я не исключение.

Чему Вы учите студентов? Какие секреты им передаете?

– Ровно те самые, которые нам заложил Станиславский. Станиславский передал их Вахтангову. И попросил его, одного из своих любимых учеников, чтобы он делился театральными знаниями со следующими поколениями. Вахтангов организовал студию и прочитал лекцию студийцам, которые к нему записались. Это было в 1914 году. И с тех пор идет история нашей школы, которая в ключевых элементах системы Станиславского не изменилась. «Азбука и грамматика» нашей школы – те же самые, что заложили отцы-основатели. Чтобы преуспеть в актерской профессии, нужно долго и мучительно учиться, заниматься ремеслом. И не сразу, а только потом-потом, постепенно к тебе приходит

понимание, о чем тебе говорили твои учителя.

Вы следите за судьбой своих учеников?

– Специально не слежу и не общаюсь. Радуюсь, когда видим хорошую работу выпускников нашей школы. Или огорчаемся, когда видим своего выпускника, который плохо играет. Такое тоже бывает. Мы гордимся теми, кто воспринимает театр не как игру, не как средство для зарабатывания денег, а как что-то более важное. Настоящий актер выходит на сцену, чтобы сделать попытку поговорить с человеком, который сидит в зрительном зале. Театр – это искусство о человеке и для человека.

Очень люблю Ваш спектакль «Посвящение Еве» по пьесе Эрика Шмитта. Как Вам удастся так магнетически воздействовать на зрителя в этой постановке?

– Мы двадцать лет играем. Спектакль каждый раз идет по-разному. Когда он заканчивается, мы встречаемся с Василием Лановым в коридоре и говорим: «По-моему, опять получилось. И опять как-то по-другому». Удивляемся: откуда у нас берутся другие мысли и другие эмоции в этом спектакле, это непонятно. Театр – это тайна. Театр – это загадочные вариации.

А что особенного для Вас в этой пьесе?

– Я начал ее читать и подумал: «Господи, какая скучная пьеса!» Прочитал две страницы, а на третьей странице происходит событие, которое меня переворачивает. Я сказал: «Что?!» А потом: «Как? Опять? Не может быть! Вот это да...». И заканчивается так, что я даже предположить не мог. Пьеса так замечательно сконструирована, что ее одно удовольствие играть.

В Вашем театре преобладает классика. Это некий уход от современности в вечные темы?

– Нельзя делать такие выводы... Например, Юрий Бутусов делает любую классическую пьесу очень современной. Он все переворачивает так, что просто диву даешься. Постановка зависит от режиссера, твоего личного мировоззрения, от предложения. Вы что думаете, артисты сидят и выбирают роли? Или копаются в них как анатомы внутри человека? Боже сохрани! Мы ждем ролей с нетерпением, когда что-то новое предложат. Хорошо, если это будет интересная роль. Иногда ее приходится дожидаться годами. **А ведь кажется, что звезды такого уровня могут попросить себе роль или бенефис...**

– Попросить, конечно, можно. Но если все актеры станут просить для себя роли, что тогда начнется? Есть репертуарная политика театра, есть твоя индивидуальность, есть такая ситуация: подходишь ты режиссеру или не подходишь, а может быть, ты надоел. Или ему хочется с кем-то другим поработать.

С кем из режиссеров Вам особенно нравится работать?

– У нас в театре работает режиссер мирового уровня – Римас Туминас, наш художественный руководитель. Конечно, все мечтают работать у него. Но в пьесе может быть только пятнадцать ролей, а главных – всего две. И не всегда там найдется для тебя место. Я счастлив, что Римас занимал меня в замечательных спектаклях. Буду с нетерпением ждать, когда он позовет на какую-то новую роль. Сейчас я работаю с молодым режиссером Хуго Эрикссеном, учеником Римаса. Он учился у нас в институте. Я был у него ректором, а теперь я хожу к нему на репетиции как артист. И сам себе говорю: «Подчиняйся, поддавайся». Мы, артисты, должны поддаваться режиссеру. Если мы этого делать не будем, то и движения вперед никакого не будет. Мы репетируем «Войцека» Бюхнера.

Какие еще новости с Ваших репетиций?

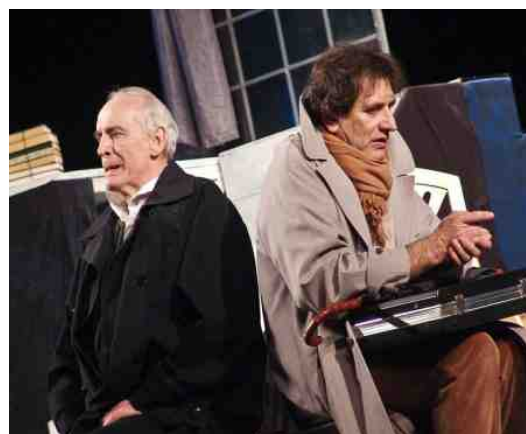
– У нас в театре готовит спектакль Ольга Субботина. Еще меня позвал Никита Михалков. Он делает театральный проект по фильму «12» и пригласил меня на одну из ролей. Я с удовольствием репетирую. Никита Михалков – удивительно талантливый человек. Я смотрю и люблю, как он говорит, как он показывает. Дай Бог, чтобы все работы, которые затеваются, получились.

Могут ли к Вам обратиться современные драматурги со своим материалом?

– Я думаю, надо программу сделать, чтобы были читки современных пьес. Чтобы руководитель театра говорил: «Вот вы, молодые режиссеры и вам задача открыть нового драматурга, который говорит на современном языке». Если найдется интересная пьеса, конечно, нужно ее ставить. Надо по этому поводу что-то делать. Правда, опыт показывает, что даже молодые ребята после поиска современного материала, возвращаются к классическим текстам. Почему? Не знаю.

Сейчас театр Вахтангова готовится к 100-летию, которое будет отмечаться в 2021 году. Что в планах?

– У нас к 100-летию театра должно выйти чуть ли не 13 премьер – на всех площадках. Как все это получится, не знаю. Но так запланировано нашей дирекцией, нашим руководством. Мы идем к своему столетию. Хотелось бы, чтобы мы достойно отметили эту дату – хорошими работами.

**Пока верстался этот номер, ушел из жизни
выдающийся артист
Василий Семенович Лановой**

Любим...

Помним...

Скорбим...

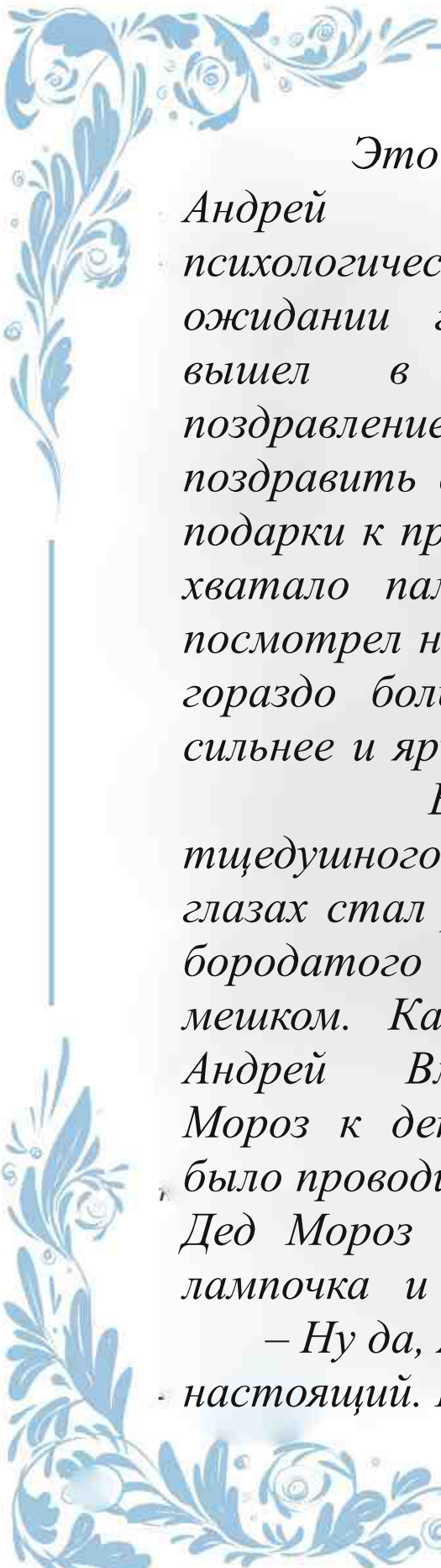
**Ника Косенкова,
Заслуженный деятель
искусств, режиссер,
актриса, педагог**

КРАСНАЯ ЧУНЯ

*Рождественский
рассказ*

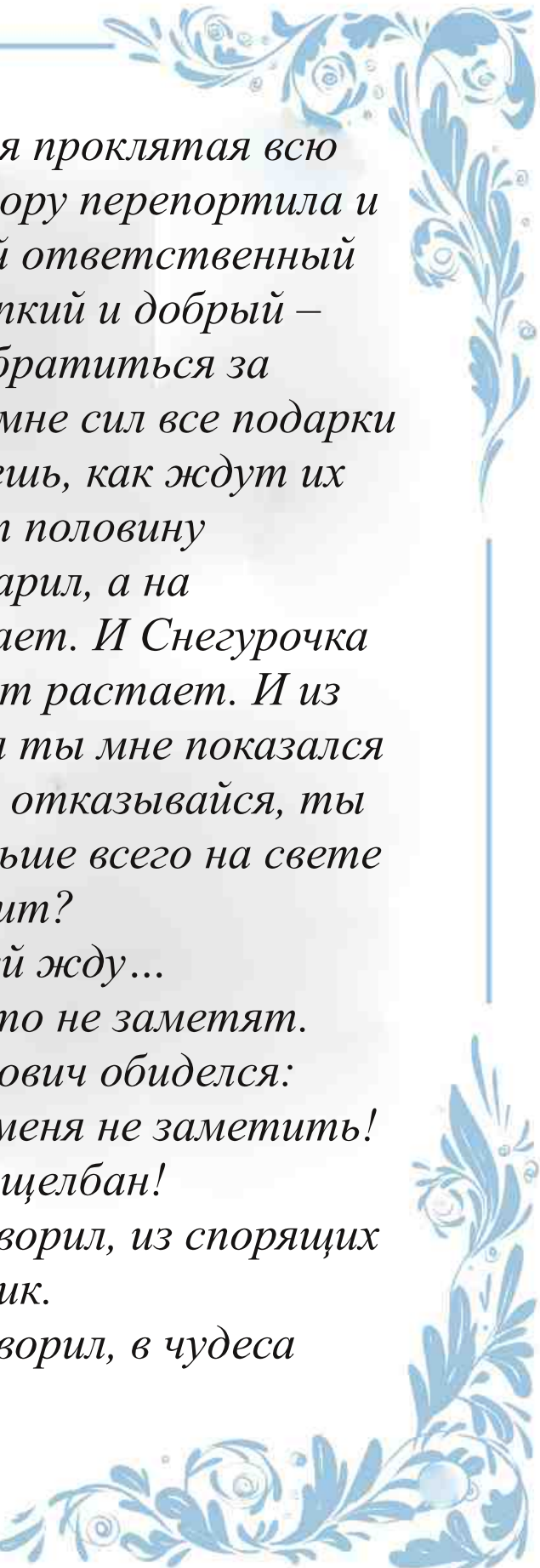
**Художественное оформление:
Масленникова П.А.
2020 год**

Это случилось в канун Нового Года. Андрей Владимирович, кандидат психологических наук и глава большой семьи в ожидании гостей пропустил рюмочку и вышел в сад сочинять новогоднее поздравление. Он думал, кого ещё надо поздравить с наступающим и кому послать подарки к празднику, и... ну просто на всё не хватало памяти. Он присел на скамейку, посмотрел на небо: казалось, что звёзд было гораздо больше, чем обычно и сияли они сильнее и ярче.

Вдруг под скамейкой он увидел щедедушного старичка, который на его глазах стал расти и превратился в крепкого бородатого мужика в цветном халате и с мешком. Кажется, я задремал - подумал Андрей Владимирович. Это артист-Дед Мороз к детям на ёлку пришёл. Собрался было проводить его в дом, но этот странный Дед Мороз вдруг засветился, как неоновая лампочка и заговорил:

– Ну да, я Дед Мороз, но не артист, а настоящий. И вот почему здесь. Знаешь,

Андрюша, эта пандемия проклятая всю вол шебную нашу диаспору перепортила и меня подкосила в самый ответственный момент. Ты парень крепкий и добрый – вот к тебе я и решил обратиться за помощью. Не хватает мне сил все подарки доставить, но сам знаешь, как ждут их малые да боль шие. Вот половину адресатов я почти обдарил, а на остальных сил не хватает. И Снегурочка температурит: вот-вот растает. И из всего земного населения ты мне показался самым подходящим. Не отказывайся, ты же подарки делать больше всего на свете любишь. По рукам значит?

– Да я тут... гостей жду...

– А я так сделаю что не заметят.

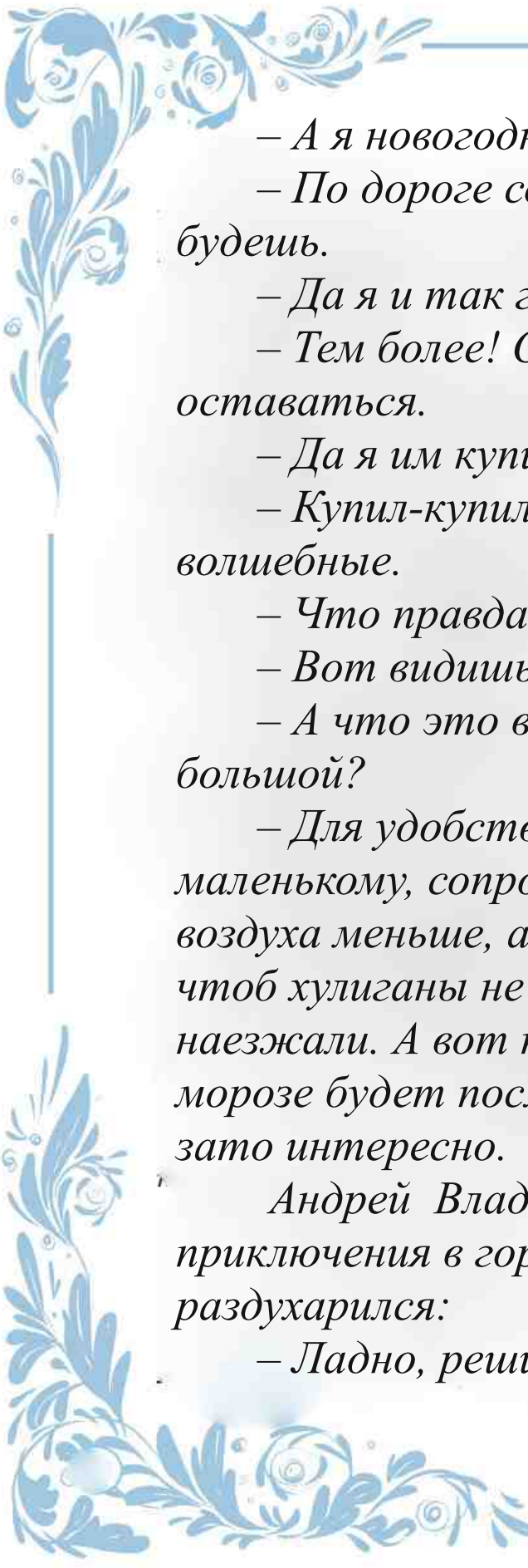
Андрей Владимирович обиделся:

– Как это можно меня не заметить!

– А вот спорим на щелбан!

– А мой дедушка говорил, из спорящих один дурак, другой жулик.

– А мой дедушка говорил, в чудеса надо верить.

– А я новогодние стихи недосочинил...

– По дороге сочинишь, зато героем будешь.

– Да я и так герой, десять детей у меня.

– Тем более! Они не должны без подарков оставаться.

– Да я им купил уже.

– Купил-купил, они, небось дорогие, но не волшебные.

– Что правда, то правда.

– Вот видишь!

– А что это вы, то маленький, то большой?

– Для удобства: летать лучше маленькому, сопротивления воздуха меньше, а на земле лучше большому, чтоб хулиганы не наезжали. А вот тебе на воздухе да на морозе будет посложнее, зато интересно.

Андрей Владимирович вспомнил свои приключения в горячие юные годы и раздухарился:

– Ладно, решили: лететь, так лететь.

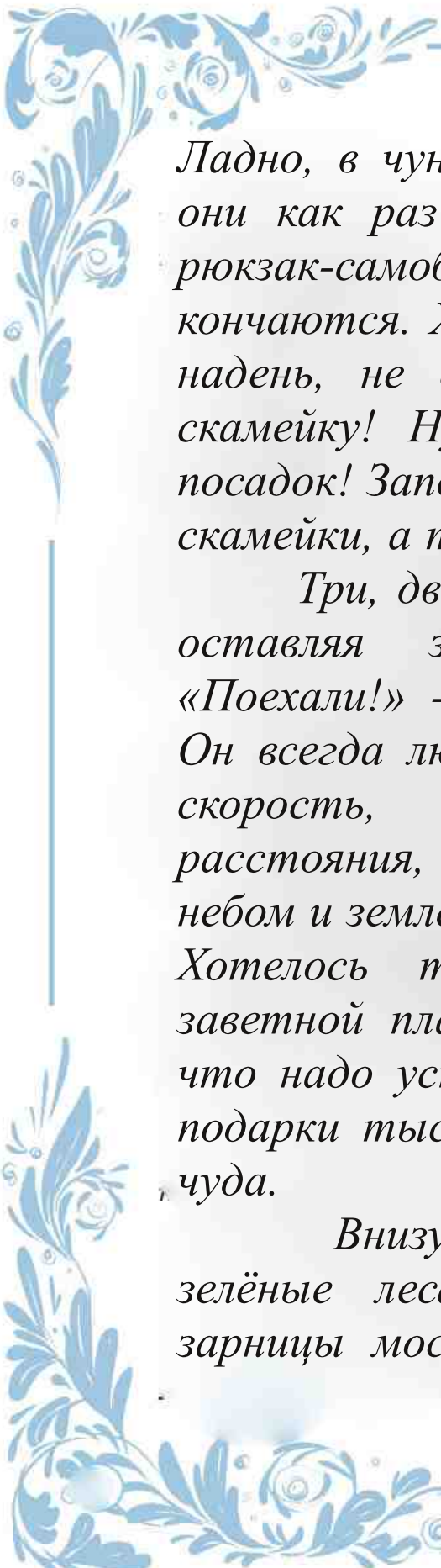
– Навигатор волшебный будет в кармане у тебя, я его запрограммировал на все пятьсот семнадцать тысяч адресов.

– Всей жизни не хватит...

– Это по земному не хватит, а по космическому времени ты к полночи должен управиться. Я всё обдумал до мелочей: поле тишь на метле, я её у бабы Яги стырил. И самое важное: ты должен до полуночи управиться. По волшебному закону ровно в двенадцать ноль-ноль колдовство кончится, и, если опоздаешь, звезданёшься где-нибудь в Ледовитом... Теперь стой смирно. Я тебе правильное обмундирование наколдую.

Он встряхнул двумя пальцами, и Андрей Владимирович почувствовал, как выросла у него седая борода и засверкал парчовый тулуп, подвязанный красным кушаком и всё как, положено.

– Эх, едрён-гармонь, температура! Колдовства не хватило на валенки!

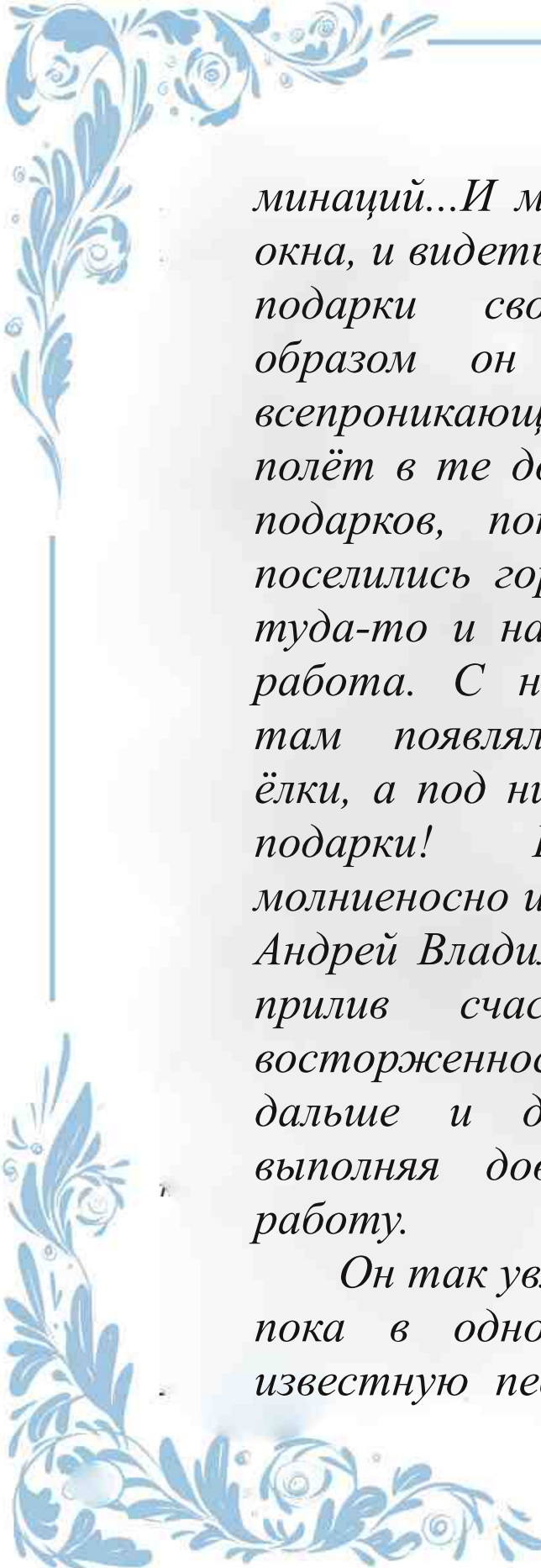

Ладно, в чунях твоих домашних полетишь, они как раз красные – в тон. Вот тебе рюкзак-самобранец. Подарки там не кончаются. Хоттабыч одолжил. Аккуратно надень, не оброни. А теперь залезай на скамейку! Ну, легких перелётов и мягких посадок! Запомни! До полночи доберёшься до скамейки, а там и дом твой! Ни пуха!

Три, два, один, пуск! Метла рванулась, оставляя за собой огненный хвост. «Поехали!» - заорал Андрей Владимирович. Он всегда любил скорость, а тут была не скорость, а космический полёт, не расстояния, а неизмеримые дали между небом и землёй, такие он часто видел во сне. Хотелось так лететь до той самой заветной планеты... Но он точно помнил, что надо успеть до полуночи развести все подарки тысячам детей и всем, кто ждал чуда.

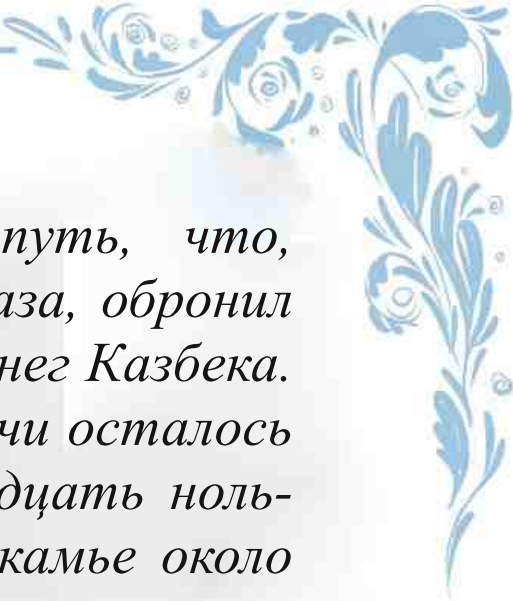
Внизу проносились знакомые места: зелёные леса Украины, снега Заполярья, зарницы московских предпраздничных иллю

минаций...И можно было заглядывать в окна, и видеть, как люди кладут под ёлки подарки своим близким. Каким-то образом он сделался невидимым и всепроникающим. Он устремил свой полёт в те дома, где никто не готовил подарков, потому что в тех домах поселились горе, нужда и хвороба. Вот туда-то и направлена была его ночная работа. С необыкновенной скоростью там появлялись пушистые-душистые ёлки, а под ними чудесные-расчудесные подарки! Всё это получалось молниеносно и безупречно. И каждый раз Андрей Владимирович испытывал такой прилив счастья, такую неземную восторженность, что радостно летел дальше и дальше, с удовольствием выполняя доверенную ему волшебную работу.

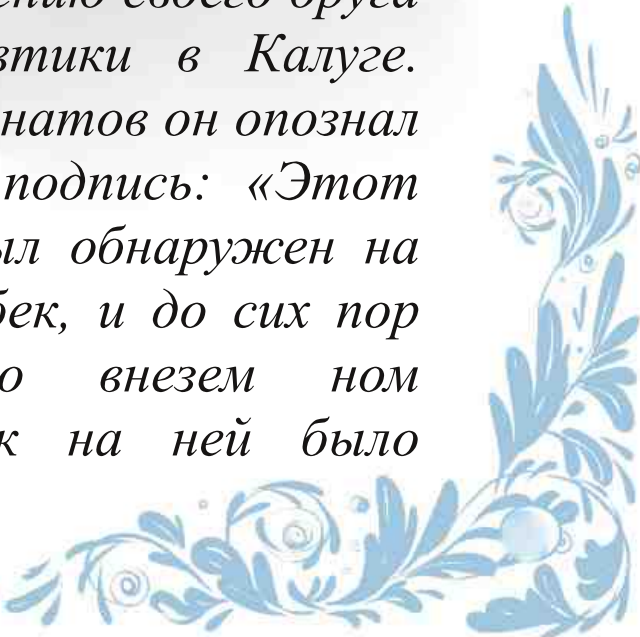
Он так увлёкся, что забыл о времени, пока в одном из окон не услышал известную песенку про пять минут. И

так рванулся в обратный путь, что, пролетая над вершинами Кавказа, обронил свою красную чуню на вечный снег Казбека. Подбирать не стал - до полуночи осталось три минуты. И ровно в двенадцать ноль-ноль он оказался на той же скамье около дома.

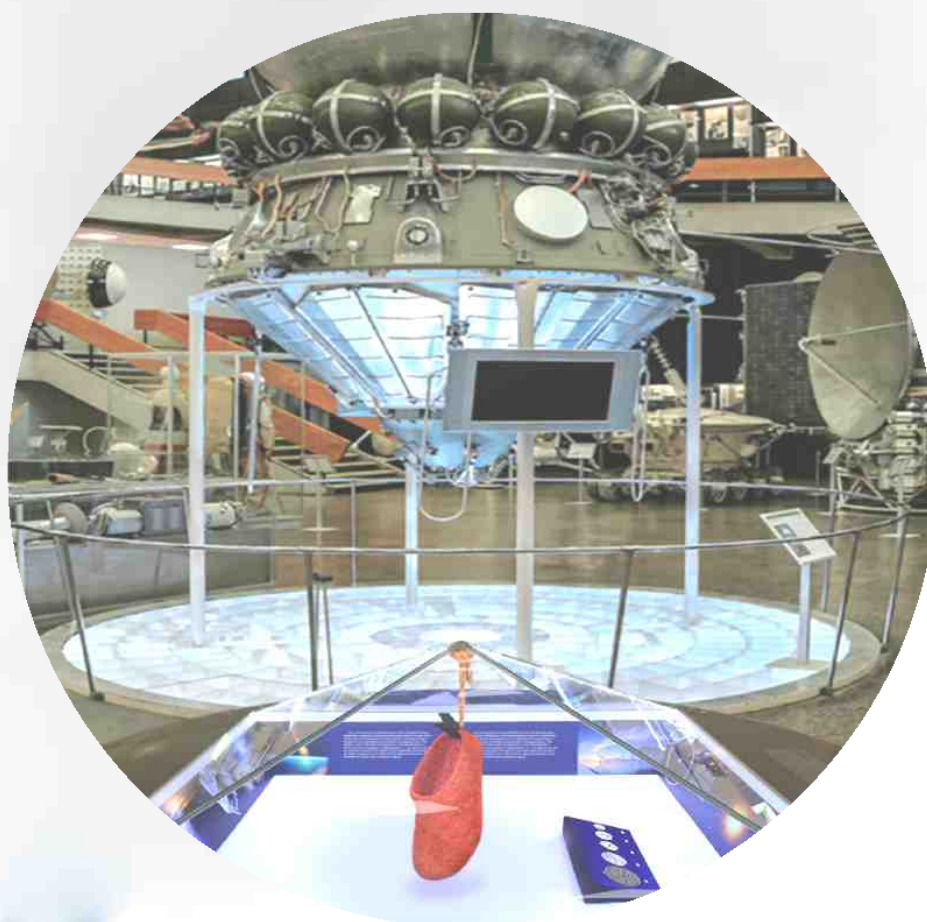
«Как же я тут заснул?» - подумал он и побежал к гостям, когда президент в телевизоре заканчивал свою речь. Андрей Владимирович занял своё место во главе стола и произнёс вос-хитительное новогоднее поздравление, которое вдруг само сочинилось. Праздник удался на славу.

Некоторое время спустя Андрей Владимирович по приглашению своего друга посетил музей Космонавтики в Калуге. Среди самых ценных экспонатов он опознал красную чуню. Под ней подпись: «Этот неопознанный объект был обнаружен на самой вершине горы Казбек, и до сих пор учёные спорят о его внезем ном происхождении, так как на ней было

обнаружено большое количество звёздной пыли». Андрей Владимирович вспомнил Новый Год и улыбнулся. В силу своего научного склада ума тог да он объяснял себе происходящее в 2021 году необычным сном видением, но увидев неоспоримое вещественное доказательство, уверился навсегда, что это был не сон.

А что дальше? А дальше будем ждатеь новых чудес.

**Наталья Шор,
драматург, Первый секретарь
Гильдии драматургов России**

Три года и — сегодняшний день...

Созданная в декабре 2017 года Гильдия драматургов России объединила в своих рядах профессиональных драматургов, писателей, театральных режиссеров и композиторов, заведующих литературных частей российских театров, актеров, театроведов и переводчиков, театральных менеджеров и организаторов театральных проектов. Основной целью Гильдии стала популяризация современной драматургии. Даже в самые трудные периоды жизни нашей страны, театр привлекал к себе зрителей. И главным образом за счет, того, что театральному искусству удавалось быть современным, откликаться на насущные проблемы общества. К большому сожалению, «современность» театра порой держалась только на сиюминутных человеческих потребностях, а

многие современные пьесы напоминали, скорее всего, «бульварные» и семейные криминальные новости, теряя при этом всякую художественность.

Члены Гильдии драматургов стремятся сохранять лучшие традиции русской и российской драматургии, отражая в своих пьесах все противоречия современной жизни, облекая свои сюжеты в качественный текст. На сегодняшний день в составе Гильдии более 60 человек, представляющие 18 регионов Российской Федерации.

Десятилетиями ведущиеся разговоры, о современности и необходимости театра, о качестве и жизнеспособности драматургического материала, убеждают всех сопричастных к театральному делу только в одном: у каждого спектакля, у каждой пьесы найдется свой зритель или читатель. Как говорится, спрос рождает предложение. И вот здесь возникает самый главный вопрос: как пьесе «дожить» до ее сценического воплощения. Анализ репертуара российских театров показывает, что большинство идущих спектаклей – это пьесы, так называемого классического репертуара. Современная драматургия оказалась в меньшинстве. Вот поэтому основной целью своей деятельности Гильдия драматургов ставит продвижения пьес своих членов на сценические подмостки. Действенным механизмом такого продвижения стали совместные проекты Гильдии с конкретными театрами России. Так, например, с Кировским драматическим театром был проведен конкурс инсценировок по произведениям русской и зарубежной классики, совместно с Томским театром

куклы и актера «Скоморох» имени Р. Виндермана проведен конкурс на лучшую инсценировку по произведениям А. П. Чехова, с Северским ТЮЗом на лучшую современную пьесу. С Великолукским драматическим театром проведен конкурс пьес для подростков и молодежи «Поколение21», совместно с Владивостокским театром «ТАН» проведен конкурс пьес «Золотой мост». Итогом конкурсов является или постановка в театре, или проведение читок пьес-победителей.

Гильдия драматургов активно практикует для своих членов Гильдии читки пьес, которые получили официальное название «Драмачай». Проект «Драмачай» осуществлялся в Московском драматическом театре под руководством Армена Джигарханяна, в Российской государственной библиотеке искусств, Московском театре «Театральный особняк», Православной школе при Храме Всех святых в Земле Российской просиявших в Черемушках, Томском театре куклы и актера «Скоморох» имени Р. Виндермана, Санкт-Петербургском доме писателей.

Огромную роль в организации и проведении I международного фестиваля «Волшебный мир театра кукол стран БРИКС» в г. Махачкала (Республика Дагестан) сыграла Гильдия и, в частности, Центр управления авторскими проектами (ЦУАП).

В этом году инициаторы и организаторы конкурса Министерство культуры Республики Дагестан, Дагестанский государственный театр кукол вновь пригласили Гильдию драматургов к совместной работе,

уже II фестиваля.

Необходимо упомянуть еще об одном проекте Гильдии, знакомившем читателей и потенциальных зрителей с творчеством ее членов. Совместно с Московским домом книги на Новом Арбате Гильдия драматургов проводила серию творческих встреч «Личный разговор» с драматургами, писателями, поэтами, композиторами, представляя на данных встречах не только самого автора, но и его опубликованные книги, пьесы.

Почти три года, каждый четверг в интернет-эфире телерадиокомпании "Русский мир" звучит телерадиопередача "Авторская ремарка». Было создано более 100 передач, большинством участников радиоэфира стали члены Гильдии драматургов России.

За небольшой срок своей деятельности Гильдия драматургов сумела «раскрутить» собственные авторские конкурсы пьес «Смех сквозь слёзы», «Москва и москвичи», «Золотой мост». Нужно отметить, что среди участников конкурсов немалую часть составляют драматурги, не являющимися членами Гильдии, что говорит о привлекательности данных проектов для многих драматургов.

Многие члены Гильдии неоднократно становились победителями и лауреатами международных и российских драматургических конкурсов; участвуют в разнообразных театральных, музыкальных, драматургических проектах.

В новых условиях Гильдия проводит семинары, обсуждения и мастер-классы, осваивая интернет-

пространство. Участниками таких форм общения становятся как опытные известные драматурги, так и начинающие авторы. Также, Гильдия предлагает авторам разбор пьес и составление профессиональной рецензии.

Ну и, наконец, Гильдия драматургов Россия стала выпускать электронный журнал "Драм-Театр".

С уверенностью можно сказать, что за небольшой срок Гильдия драматургов стала заметной творческой организацией на театральном пространстве России. На сегодняшний день Гильдия работает над новыми проектами, которые позволят современным пьесам достигать сценического воплощения. И на этом сложном непростом пути хотелось бы большего взаимодействия с государственными и другими заинтересованными структурами. Ведь при всем разнообразии наших взглядов и мнений, мы работаем и живем для достижения одной цели: развитие и пропаганда современной российской культуры.

Гильдия драматургов России

ДРАМ ТЕАТР

**ГОВОРIT СПАСИБО ФИНАНСОВЫМ
И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОНСОРАМ!**

ТРАНЗИТ
ТРАНСПОРТНАЯ КОМПАНИЯ

**RUS
NEWS
DAY**

**РЕАЛЬНАЯ
РОССИЯ**

**ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ ВСЕХ, КОМУ
ИНТЕРЕСНА КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ И МИРЕ.**

**СКАЖЕМ СПАСИБО БУДУЩИМ СПОНСОРАМ,
БЛАГОДАРИТЕЛЯМ ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ ОКАЗАТЬ
ПОМОЩЬ В РАМКАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ.**

**WWW.GPRUSSIAN.RU
DRAM-TEATR@GPRUSSIAN.RU**

**Опубликованы
пьесы:**
Михаила
Соколовского
"Битваобнаженных"
Андрея Бикетова
"Тяпкинский
большой
драматический
театр"
Владимира Рыжкова
"Бенефис"

Авторы публикаций:
Анна Кузнецова/ Москва
Нина Мазур/ Ганновер
Гасан Салихов/ Каспийск
Татьяна Ермолицкая/ Томск
Татьяна Медведева/ Москва
Елена Иоос / Екатеринбург
Ника Косенкова/ Москва
Юрий Ломовцев/ Санкт-
Петербург
Наталья Шор / Москва

NB!

ВСЕ АВТОРСКИЕ ПРАВА ПУБЛИКАЦИЙ В
ЖУРНАЛЕ "ДРАМ-ТЕАТР" ПРИНАДЛЕЖАТ
АВТОРАМ.

NB!

**НАД ВЫПУСКОМ ЖУРНАЛА РАБОТАЛИ:
ТАТЬЯНА ЕРМОЛИЦКАЯ, ЮРИЙ ЛОМОВЦЕВ
ВАЛЕРИЙ БЕГУНОВ, ТАТЬЯНА МЕДВЕДЕВА,
ОЛЬГА МАНЬКО, ИРИНА ГИРШ, ЮРИЙ БУТУНИН**

**ЖУРНАЛ "ДРАМ-ТЕАТР" МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ПО
ПОДПИСКЕ, ОТПРАВИВ ЗАЯВКУ НА
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ
DRAM-TEATR@GPRUSSIAN.RU
ПО ВАШЕМУ ЗАКАЗУ МЫ МОЖЕМ ОТПЕЧАТАТЬ
ЖУРНАЛ В ТИПОГРАФИИ
ОТ 1 ЭКЗ**